Д. В. Никитинъ (Фокагитовъ).

ВЪ ОТЛИВА ЧАСЪ.

Морское Издательство при Каютъ-Компаніи Морскихъ Офицеровъ въ Санъ Франциско.

3008 Clay str. San Francisco Calif.
U. S. A.

Nikitin

Д. В. Никитинъ (Фокагитовъ)

ВЪ ОТЛИВА ЧАСЪ.

Морское Издательство при Каютъ - Компанiи
Морскихъ Офицеровъ въ Санъ Франциско.
3008 Clay str. San Francisco Calif. U. S. A.

Книга отпечатана в собственной
Типографіи Издательства „СЛОВО"
238, Avenue du Roi Albert
Shanghai.

Морская Зарубежная Библіотека.
№ 64.

Оглавленіе.

Въ отлива часъ,
Не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится любя.

Отзвуки давно минувшаго.

Опять припомнился мнѣ край отчизны милой
И прежняя тоска на сердцѣ залегла
В. Кн. Константинъ Константиновичъ
(Колокола)

Бѣлая сѣверная ночь. Надъ тонкой линіей чуть виднаго финляндскаго берега смотрится въ воды залива красавица заря. Слѣва небо горитъ алымъ огнемъ и на этомъ фонѣ мрачными и грозными кажутся Кронштадтскіе форты. Справа — Петербургъ, все еще покрытый сѣроватой мглой сумерокъ. Сіяетъ яркая звѣзда надъ нимъ: какъ рыцарь въ золотомъ уборѣ стоитъ надъ дремлющей столицей великанъ Исакій.

Берегъ низкій, весь укутанный листвой вѣковыхъ деревьевъ. У самой воды длинное зданіе въ одинъ этажъ, совсѣмъ не похожее на обычные городскіе дома. Словно какой то сказочный чародѣй дворецъ для себя построилъ. Весь домъ хрустальный, весь онъ какъ будто изъ однѣхъ оконъ. Окна же не простыя, а сплошь составленныя изъ крошечныхъ стеклышекъ.

Передъ домомъ терасса бѣлаго мрамора, массивной баллюстрадой отъ моря отгороженная. До самой воды наклонной сѣткой лежатъ большіе тяжелые, мохомъ поросшіе камни.

Безустанно бьются волны залива о гранитную кладку. Многое видѣли эти волны. Не мало перемѣнъ было на низкихъ берегахъ Ингерманландскихъ за протекшія столѣтія. Перемѣнялись не разъ и владѣльцы волшебнаго замка. Однѣ только волны не измѣнились. Онѣ такъ же какъ и встарь шумятъ, напѣвая свою вѣковѣчную пѣсню, обдаютъ пѣной и брызгами подножіе мраморной терассы и какъ будто шепчутъ намъ о томъ, что имъ довелось видѣть.

Что же происходило на этихъ берегахъ два вѣка тому назадъ:

«Фокъ и кливеръ долой» скомандовалъ сидѣвшій на рулѣ небольшого палубнаго бота, построеннаго по типу голландскихъ судовъ, человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ заграничнаго покроя кафтанъ, прикрытый суконнымъ плащемъ.

Вѣрной рукой онъ направилъ ботъ къ длинной деревянной пристани, лежащей на толстыхъ, вбитыхъ въ дно сваяхъ. Пристань эта, видимо, наскоро сколоченная плотниками, вела къ тому длинному многооконному дому, о которомъ шла рѣчь раньше. Мраморной терассы въ ту пору не было и въ поминѣ.

— «Здравствуй, Алексашка» — крикнулъ рулевой ожидавшему его на пристани молодцоватому военному въ мундирѣ и ботфортахъ со шпорами. Въ манерахъ этого браваго молодца было видно и глубокое почтеніе къ прибывшему на шлюпкѣ и въ то же время онъ былъ, очевидно, для того «своимъ» привычнымъ человѣкомъ.

Рулевой вышелъ на пристань. Сразу стало видно что онъ саженнаго почти роста. Сказавъ «спасибо» двумъ работавшимъ на боту матросамъ, онъ быстрымъ нетерпѣливымъ шагомъ направился по гнущимся подъ его тяжестью доскамъ настилки къ стеклянному дому.

— «Побывалъ я, Алексаша, въ Парадизѣ нашемъ и сугубо возрадованъ былъ»—разсказывалъ онъ своему спутнику. «Наипаче же всего знатной стройкой судовъ въ Адмиралтействѣ. Не даромъ мы купно радѣли. Позавчера съ Божіей помощью зѣло изрядный фрегатъ «Святый Апостолъ Павелъ» съ верфи на воду спустили и любезное служеніе Ивашкѣ Хмѣльницкому сей оказіи ради учинить не преминули. Дивно и радостно на рѣку Неву смотрѣть стало: тамъ, гдѣ мы допрежъ Шведскій флагъ съ боемъ скинули, нынѣ наше Россійское полотнище съ крестомъ Святого Андрея во всей славѣ и чести на морскомъ вѣтру колышется».

— А тутъ, минъ херцъ, докладывалъ Алексаша, «эстафѐта пришла съ пристани, что супротивъ Кроншлотской фортеціи. Прибылъ де къ Кроншлоту корабль трехмачтовый голанскій и не иначе какъ завтра въ Невѣ будетъ, коли вѣтеръ не перемѣнится».

— Знаю, знаю: это Ванъ Хорнъ шхиперъ, Саандамскаго бургомистра зять. Вотъ что, Алексаша, дай ты ему знать: поклонъ де ему шлетъ его старый знакомый тиммерманъ Питеръ. Да и самого его ко мнѣ сюда привози. Скажи: пост-

роилъ де Питеръ себѣ на берегу нѣкую малую избу и въ гости его зоветъ. А именуется та изба: Монплезиръ, мѣсту-жъ гдѣ она стоитъ имя дадено: Питеръ Гофъ. —

Наступилъ сначала вѣкъ Елизаветы, а потомъ «Богоподобной царевны Киргизъ Кайсацкія орды» Фелицы-Екатерины Великой и вторымъ Версалемъ сталъ новый городокъ. Построенъ былъ вдоль края идущей по берегу возвышенности роскошный и величественный Верхній дворецъ. Трубы провели съ дальнихъ ключей у Бабыгонскихъ холмовъ. Исполнилась мечта Великаго Императора: заиграла вода въ фонтанахъ. Могучей струей забилъ блещущій позолотой Самсонъ.

Но для того, чтобы Петергофъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка нужно было, чтобы его страстно полюбилъ Императоръ — рыцарь Николай I.

Удивительное это было царствованіе: былъ рядъ войнъ, двѣ революціонныя волны прокатились по Европѣ, каждый разъ краемъ задѣвая Россію, а въ то же время это была эпоха Пушкина и Гоголя, эпоха расцвѣта русской литературы, русской музыки, русскаго искусства. Николай I сберегъ для Россіи Льва Толстого. По Его приказанію былъ убранъ съ бастіоновъ Севастополя и отправленъ въ тылъ начинающій тогда писатель и будущій проповѣдникъ «Толстовщины».

Государь этотъ несомнѣнно обладалъ тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Лично руководя постройкой всѣхъ павильоновъ на озерахъ Петергофа, разбивкой парковъ и пр. Онъ не допустилъ ни малѣйшаго нарушенія стиля Петергофа. Какъ опытный ювелиръ, знающій какіе камни подойдутъ къ ожерелью, Онъ создалъ изъ любимой Имъ Своей лѣтней резиденціи своего рода унику.

Есть въ Петергофскомъ паркѣ павильонъ въ видѣ русской избы, бревенчатой, съ пѣтушками на крышѣ и типичными великороссійскими оконцами. Николай I построилъ этотъ павильонъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обычно гуляла въ паркѣ Его супруга. Онъ воспользовался временемъ Ея отсутствія изъ Петергофа и всю работу произвелъ по секрету отъ Нея.

Вернувшись Царица вышла на прогулку и вдругъ съ изумленіемъ увидала эту избу. Около дома стоялъ на вытяжку «служивый» въ солдатской шинели съ шевронами за долголѣтнюю службу, а рядомъ съ нимъ также во фронтѣ мальчикъ его сынъ.

— «Матушка, Царица, Удостой зайти въ избу стараго солдата» сказалъ служивый.

Это былъ самъ Николай I съ наслѣдникомъ Престола, будущимъ Царемъ Освободителемъ.

Наступилъ 1877 годъ. Петя Околицынъ, молодой человѣкъ семи лѣтняго возраста, жилъ съ родителями на дачѣ въ Петергофѣ. Его вни-

маніе было привлечено вдругъ появившимися на ларькахъ ярко раскрашенными «лубочными» картинками. Онѣ изображали «Переходъ черезъ Дунай», «Взятіе отрядомъ генерала Геймана крѣпости Ардаганъ», «Взрывъ турецкаго монитора» и пр. Петя часами простаивалъ, разсматривая эти неизъяснимо привлекательныя художественныя произведенія.

Наши солдаты изображены были идущими храбро впередъ, строго соблюдая равненіе и держа ружья «на руку». Они были очень нарядно одѣты въ застегнутые на всѣ пуговицы однобортные мундиры и кэпи с цвѣтными околышами. Турки въ красныхъ фескахъ безпорядочной толпой бѣжали передъ нашими войсками, бросая оружіе.

Счастью Пети не было границъ, когда онъ увидѣлъ въ Петергофѣ настоящаго живого героя, только что прибывшаго съ войны. Это былъ лейтенантъ Н. И. Скрыдловъ, раненый въ то время, когда онъ смѣло, среди бѣлаго дня на маленькомъ катерѣ атаковалъ турецкій пароходъ. По приглашенію Государя, Скрыдловъ жилъ, поправляясь отъ ранъ, въ одномъ изъ Петергофскихъ дворцовыхъ флигелей. Его Петя встрѣчалъ въ паркѣ, украшеннаго Георгіемъ и прогуливающагося въ придворномъ экипажѣ.

«Барыня, наши уланы сабли точить начали: собираются на войну уходить»,-запыхавшись отъ волненія и отъ скораго бѣга, докладывала горничная Петиной мамѣ. Такое сенсаціонное извѣстіе

заставило Петю немедленно оказаться у длинной рѣшетки, которая отдѣляла отъ улицы казармы лейбъ гвардіи Уланскаго полка. Тамъ дѣйствительно царило оживленіе. Рослые молодцы гвардейцы, скинувъ по случаю жаркой погоды мундиры, усиленно вертѣли на полковомъ дворѣ большіе, какъ жернова, точильные камни. Сыпались искры и громко пѣли клинки отпускаемыхъ сабель. Петя сразу же убѣдился: ни чуточку не боятся ни войны, ни турокъ, эти люди.

Горничная Петиной мамы тутъ же. Она, набравшись храбрости спрашиваетъ ближайшаго къ забору красиваго рослаго улана, держащаго въ рукахъ клинокъ: «Скажите... Неужели же и вправду вы живыхъ людей вашей саблей рѣзать будете»? — Уланъ оглянулся, окинулъ взглядомъ: кто его спрашиваетъ, широко улыбнулся, показавъ рядъ бѣлыхъ зубовъ и отвѣтилъ горничной какой то фразой, которую Петя не понялъ. Всѣ прислуги горничныя и кухарки, стоявшія у забора, вдругъ, взвизгнувъ, бросились вразсыпную, а уланы работавшіе на дворѣ дружно загоготали.

Прошло нѣсколько дней и эскадроны Л. Гв. Уланскаго полка въ конномъ строю, въ походной формѣ, выровнялись покоемъ на плацу около Кадетскаго лагеря. Въ серединѣ находился аналой, а около него полковой штандартъ. Стройно пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Вѣтерокъ раздувалъ пламя въ кадилѣ и по зеленой травкѣ медленно стлался голубоватый дымъ ладона. — «На враги же по-

бѣду и одолѣніе» — какъ то особенно четко и вразумительно донесся до Пети мягкій басъ дьякона.

Спокойно, неподвижно, стояли въ строю хорошенькія одномастныя лошадки. Иногда точно волна пробѣгала по фронту, когда крестились люди.

Окончился молебенъ. Неподалеку отъ Пети къ спѣшенному офицеру улану подошелъ старикъ въ отставной генеральской формѣ. Не говоря ни слова онъ обнялъ и поцѣловалъ молодого человѣка. Петя замѣтилъ, что на глазахъ у обоихъ навернулись слезы.

«Вотъ странно. Развѣ взрослые тоже иногда плачутъ».

Полкъ развернулся и справа по четыре двинулся къ Петербургскому шоссе. Трубачи заиграли бравурный, невольно захватывающій слушателя, полковой маршъ. На солнцѣ переливались веселыми огнями серебрянные инстурменты оркестра и поблескивали металлическія ножны уланскихъ сабель. Передъ Петей выявлялась незабываемая картина выступленія въ походъ одного изъ лучшихъ полковъ нашей, не знающей себѣ въ мірѣ равной, конницы.

Что такое. За послѣднимъ эскадрономъ вдругъ цѣлой толпой побѣжали какія то женщины въ платочкахъ. Онѣ плачутъ. Нѣкоторыя хватаются за стремена уходящихъ уланъ и громко голосятъ. Это солдатскія жены, матери и невѣсты.

Петѣ это не понравилось — «Какой безпоря-

докъ» — подумалъ онъ — «Какъ красиво уходилъ полкъ, а тутъ эти бабы всю картину испортили».

Читатель, не суди Петю очень строго. Вѣдь ему было тогда всего семъ лѣтъ.

---

30 Августа 1879 года, День Тезоименитства Александра II. Родители Пети опять на дачѣ въ Петергофѣ. Въ этотъ день отецъ взялъ сына съ собой въ Верхній садъ «Сегодня Государь Свои именины празднуетъ» — сказалъ онъ Петѣ «и мы Его увидимъ, когда Онъ будетъ выходить изъ церкви».

Изъ дверей вышли и встали по сторонамъ ея два казака-конвойца. — «Государь идетъ» — шепнулъ Петѣ отецъ. На галлереѣ, соединяющей украшенную золоченымъ куполомъ дворцовую церковь съ главнымъ зданіемъ, показался высокій стройный военный въ формѣ Л. Гв. Гусарскаго полка. Петѣ Онъ почему то показался усталымъ и точно чѣмъ то озабоченнымъ. Начинающіе сѣдѣть баки еще болѣе оттѣняли впавшія щеки. Государь не выглядѣлъ радостнымъ и веселымъ.

Увидя, что дачники, ихъ было около сотни, Его привѣтствуютъ, Александръ II, остановился и любезно поклонился.

Когда Петя пошелъ съ отцомъ домой, онъ отъ всей души пожалѣлъ Государя. — «Мнѣ сказалъ папа, что Онъ сегодня празднуетъ, а на самомъ дѣлѣ Онъ выглядитъ совсѣмъ грустнымъ и одинокимъ».

Трагическій 1881 годъ. Вступилъ на престолъ Александръ III. По Петербургу и его окрестностямъ словно змѣи поползли мрачные слухи: «Подъ всю столицу подведены мины и скоро всѣхъ взорвутъ».

Лѣтомъ среди чащи деревьевъ Англійскаго парка стали видны конвойные терцы и кубанцы, неустанно несшіе усиленную охрану царской резиденціи.

Въ то же самое время новый Государь постоянно разъѣзжалъ на тройкѣ въ открытомъ экипажѣ съ русской упряжью и звонкими бубенчиками. Никакого конвоя около Него не было.

Взрослые говорили. — «Ахъ! Зачѣмъ эти бубенчики! Неровенъ часъ! Сохрани Богъ»!

Но дѣти на улицахъ Петергофа, а въ томъ числѣ и Петя, были довольны: За версту было слышно, что Царь съ Семьей ѣдетъ и они со всѣхъ ногъ бѣжали навстрѣчу экипажу, чтобы увидѣть Царскую фамилію. Когда, поравнявшись съ коляской, ребятишки снимали шапки, Государь съ Императрицей привѣтливо кивали имъ головой, а Царскія дѣти улыбались видя передъ собой радостныя лица.

Петя съ отцомъ отправились осматривать Бабыгонскій павильонъ. Красивое двухэтажное зданіе съ колоннадой, — копія какого то древне греческаго храма. Снаружи въ хорошенькомъ садикѣ красуется бронзовая группа подаренная

когда то Николаю 1-му королемъ Прусскимъ. Она изображаетъ аллегорически «Нибеллунгову» вѣрность Пруссіи идеѣ Священнаго Союза.

Внутри павильона Петю съ отцомъвстрѣчаетъ дворцовый служитель, пожилой человѣкъ, держащій себя очень чинно и съ большой выдержкой. На немъ мундирный фракъ, цвѣтной жилетъ и свѣтло коричневыя гетры. Грудь украшена Георгіемъ и рядомъ медалей.

— Ихъ Имп. Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Георгій Александровичъ удостоили вчера посѣтить нашъ павильонъ, — разсказываетъ служитель.

— Оно конечно, Ихъ Высочества, какъ и всѣ дѣти дѣлаютъ, изволили изъ экипажа выскочивши, прямо бѣгомъ по лѣстницѣ вверхъ побѣжать, но тутъ воспитатель Ихній сейчасъ же всей строгостью Ихъ остановилъ и сказалъ:

«Куда бы Вы ни прибыли, Вы должны прежде всего со служащими поздороваться».

И Ихъ Высочества тотчасъ же вернулись и каждаго изъ насъ осчастливили: съ каждымъ поздоровались.

Шли годъ за годомъ. Петя Околицынъ успѣлъ побывать «у стѣнъ недвижнаго Китая» участвуя въ Боксерскомъ походѣ, испыталъ и страду Портъ Артурской осады. Лишь за годъ до Большой вой-

ны, въ 1913 году лѣтомъ, ему удалось провести нѣсколько недѣль въ любимомъ имъ Петергофѣ.

Такими же тѣнистыми, уютными и ласкающими глазъ онъ нашелъ широкія, вѣковыми дубами, липами и кленами обсаженныя аллеи Нижняго Сада. При порывахъ вѣтерка съ моря все такъ же шумѣли своими вершинами эти, густой листвой покрытыя, деревья. Петѣ казалось, что онѣ шепчутъ ему сказку о безвозвратно умчавшихся годахъ его юности.

Въ такомъ же блестящемъ видѣ и безупречномъ порядкѣ Петя нашелъ всѣ сады, дворцы и павильоны лѣтней Царской резиденціи. Въ садикѣ Монплезира около, Петромъ созданнаго, словно изъ стекла построеннаго, дворца, позолоченныя копіи статуй Кановы по прежнему были окружены особой заботой придворныхъ садовниковъ, создавшихъ изъ этой части парка чисто волшебный уголокъ.

На главной аллеѣ, ведущей къ Монплезиру, оказалась воздвигнутая за послѣдніе годы статуя Великаго Основателя Петергофа. Петръ былъ изображенъ Антокольскимъ во весь ростъ, съ палкой и въ треугольной, характерной для Его времени, шляпѣ.

Государь съ Семьей сейчасъ на Своей дачѣ въ Александріи. Поэтому «Весь Петербургъ», все, что такъ или иначе связано со Дворомъ, Царской гвардіей и Большимъ свѣтомъ — всѣхъ можно

было встрѣтить въ вечерніе часы «На музыкѣ» въ Нижнемъ саду.

Гуго Варлихъ, имѣющій европейское имя дирижеръ и композиторъ, управляетъ придворнымъ симфоническимъ оркестромъ. Вотъ смолки послѣдніе аккорды сыгранной этимъ, однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ, оркестромъ пьесы.

Изъ коляски, остановившейся на сосѣдней аллеѣ, выходитъ нѣсколько нарядныхъ дамъ. Навстрѣчу имъ изъ павильона, гдѣ находятся музыканты, выбѣгаетъ молодой солдатикъ. Онѣ его окружаютъ и кажется страннымъ на первый взглядъ, что простой солдатикъ является центромъ особаго вниманія этихъ дамъ Большого свѣта.

Но на самомъ дѣлѣ — это не солдатикъ, а только что блестяще окончившій Петербургскую Консерваторію молодой виртуозъ на скрипкѣ, носящій итальянскую фамилію. Участіе въ Собственномъ оркестрѣ русскаго Царя, — это первый шагъ къ славѣ. По волѣ создателя оркестра Александра III, музыкантамъ была дана форма очень близкая къ формѣ нижнихъ чиновъ арміи.

Прошло еще четыре года и грянула «Великая, безкровная». Сѣверная столица оказалась покрытой шелухой подсолнуховъ и находящейся въ рукахъ банды разнузданныхъ, совершенно потерявшихъ человѣческій образъ, «людей въ солдатскихъ шинеляхъ.

Петѣ, когда онъ въ эти дни находился въ Пе-

тербургѣ, почему то казалось что Петергофъ долженъ остаться въ сторонѣ отъ этого безобразія. Воображеніе упорно продолжало рисовать ему прежній дореволюціонный Петергофъ, вылощенный, чистый. Ему захотѣлось, когда наступило нудное, тяжелое лѣто 17 года, отдохнуть отъ Петербурга, углубившись въ чащу густыхъ Петергофскихъ парковъ, манящихъ къ себѣ свѣжестью своей листвы и радостными переливами радуги, играющей на залитой солнцемъ водяной пыли фонтановъ.

Что же онъ тамъ узрѣлъ на первыхъ же шагахъ. Онъ увидѣлъ что Англійскій дворецъ, который такъ гармонировалъ своей классической колоннадой и строгими, стильными, линіями фасада съ просторомъ поросшихъ зеленой травкой лужаекъ его окружающихъ, захваченъ углубляющими революцію солдатами какой то воинской части.

Плохо выстиранныя рубахи и портянки гирляндами болтались развѣваемыя вѣтромъ, украшая собою настежъ раскрытыя окна дворца. Посмотрѣвъ внутрь черезъ эти окна, можно было видѣть массивныя золоченыя рамы картинъ. Дворецъ этотъ, какъ извѣстно, былъ какъ бы музеемъ батальной живописи. Сейчасъ эти произведенія искусства, скопленныя за два вѣка, перестали существовать. Картины отъ края до края были искромсаны и изрѣзаны штыками и обрывки холстовъ висѣли жалкими лохмотьями.

Дорожки парковъ такъ, ласкавшіе прежде взоръ своей нарядной прибранностью, сейчасъ были покрыты горами мусора и отбросовъ. Повсюду конскій и коровій пометъ. Даже трава на лужайкахъ и та напоминала о революціи. Она выглядѣла затоптанной, безпорядочными клочьями ростущей и пожелтѣвшей.

Окна верхняго дворца кто то наспѣхъ, кое какъ, забилъ досками, видимо, изъ опасенія, что «сѣрыя шинели» повыбиваютъ стекла. На всемъ лежалъ отзвукъ «мерзости запустѣнія»...

Но солнце свѣтило какъ и до революціи. Оно озаряло своими лучами караульную будку. Ружье часового валялось на травѣ. Самъ онъ, также, принявъ горизонтальное положеніе, видимо, отдыхалъ послѣ понесенныхъ трудовъ.

Изъ воротъ верхняго сада вышла и направилась ко дворцу кучка какихъ то людей. Шли они не вмѣстѣ, а растянувшись на порядочное разстояніе, покуривая и останавливаясь по временамъ, чтобъ побесѣдовать. Такъ какъ они тащили ружья, то можно было догадаться, что это новый дворцовый караулъ идетъ на смѣну. Сзади галдящихъ и безобразящихъ солдатъ шелъ понуря голову молодой офицеръ, видимо, караульный начальникъ.

Новый часовой подошелъ къ лежащему на травѣ. Онъ также прежде всего бросилъ въ сторону свою винтовку и улегся. Оба раскуривая разказывали другъ другу какія то новости. Смѣна на постахъ производилась очень удобнымъ и упрощеннымъ способомъ.

«А гдѣ же, землякъ, ваши остальные ребята», — спросилъ вновь пришедшій. «Да они ужь съ часъ какъ купаться пошли туды къ морю», — былъ отвѣтъ. «Теперь поди скоро вернуться: домой идти обѣдать».

«Лучше бы я не ѣздилъ», — думалъ Петя, когда онъ возвращался на переполненномъ солдатней поѣздѣ въ столицу. Ему казалось что онъ только что опустилъ въ могилу кого то родного и близкаго: не стало больше дорогого ему по воспоминаніямъ Петергофа.

— «Да, пришелъ предсказанный Достоевскимъ «чумазый» и все загадилъ своей грязной, кровью покрытой рукой, «Но не навѣкъ же это. Проснется же Россія, смахнетъ она своей властной рукой всю эту революціонную накипь и снова возстанетъ въ своей прежней славѣ и величіи».

Памятникъ русской славы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой.
А. С. Пушкинъ (Русланъ и Людмила).

Подъ утро слегка запорошило снѣгомъ въ Гатчинскомъ паркѣ. Еще не начинало свѣтать, но уже яснѣе стали выдѣляться на фонѣ зимы темныя, неподвижныя, фигуры часовыхъ, стоящихъ на постахъ вокругъ простого по архитектурѣ и скромнаго по виду каменнаго трехэтажнаго зданія, въ которомъ жилъ съ Семьей Бѣлый Падишахъ, какъ Его называли подвластные Ему народы Средней Азіи — государь Александръ III.

Дворецъ еще спалъ. По свѣжей порошѣ прошла неторопливымъ шагомъ очередная смѣна наружнаго караула и безшумно, шажкомъ, прослѣдовалъ по Большой аллеѣ, мимо воротъ сада, казачій дозоръ конвойной сотни. Слышно лишь было какъ лошадки, осторожно ступая по зимнему пути, по временамъ фыркали, попавъ изъ теплой конюшни на утренній холодокъ.

Только въ одномъ окнѣ былъ виденъ свѣтъ: личный царскій камердинеръ Кузьма Захарычъ давно уже былъ на ногахъ. Онъ занимался тщательной провѣркой вещей обмундированія своего

Высокаго Хозяина, которыя по росписанію полагались на сегодняшній день. Подойдя поближе къ керосиновой лампѣ, стоявшей на столикѣ въ углу, онъ въ данную минуту внимательно разсматривалъ только что принесенную помощникомъ гардеробнаго, завѣдующимъ обувью, пару высокихъ парадныхъ сапогъ съ подборами.

Кузьма Захарычъ «Мой вѣрный Личарда», какъ его шутя называлъ Александръ III, давно уже слѣдовалъ за государемъ во всѣхъ Его поѣздкахъ, пріобвыкъ ко всѣмъ порядкамъ и особенностямъ жизни во дворцѣ, научился мягко и не слышно ступать по скользко натертому паркету пріемныхъ залъ, а, главное, онъ до тонкости изучилъ всѣ вкусы, привычки и требованія своего Хозяина.

Мундирный фракъ Кузьмы Захарыча съ нашитыми на отворотахъ двуглавыми орлами, щепетильность съ какой онъ всегда былъ одѣтъ въ часы дежурствъ, гладко выбритый подбородокъ и выхоленные бакенбарды — все это придавало особѣ царскаго камердинера видъ парадный и представительный. Онъ давно уже имѣлъ классный чинъ и чиновничью кокарду на фуражкѣ и былъ очень гордъ, тѣмъ что въ спискахъ чиновъ министерства Двора противъ его фамиліи было обозначено: «Въ Особомъ отдѣлѣ дворцовыхъ служащихъ». Это означало: въ личномъ распоряженіи Его Величества.

Помощникъ Гардеробнаго Карлъ Рекстинъ,

высокій, широкоплечій, бравый лифляндецъ, бѣлобрысый съ гладко причесанными подъ проборъ волосами, скромно стоялъ у притолоки пока Кузьма Захарычъ, серьезный и озабоченный, осматривалъ обувь, принесенную «Директоромъ департамента Сапожныхъ дѣлъ». Такъ именовалъ иногда рослаго красиваго Рижанина царскій камердинеръ.

У Александра III было довольно много на дворцовой службѣ такихъ какъ Рекстинъ, уроженцевъ Прибалтійскаго края. Они нравились Ему своей аккуратностью, исполнительностью и трезвостью. Они, правда, выглядѣли по большей части довольно угрюмыми и несообщительными, но это то качество: отсутствіе болтливости, какъ кажется, больше всего и привлекало къ нимъ государя.

Въ «Угловой гардеробной» гдѣ большую часть времени въ часы дежурствъ проводилъ Кузьма Захарычъ, стояли шкафы для платья. Это была небольшая комната въ одно окно. Нависшіе аркой своды придавали этому помѣщенію нѣсколько средневѣковый характеръ. Царскій камердинеръ ухитрился, однако, устроить въ ней уютный уголокъ для себя. Тамъ у него стояло удобное мягкое кресло, въ которомъ онъ и подремывалъ иногда, сидя съ газетой въ рукахъ въ ожиданіи призывного звонка от своего Высокаго Хозяина. На стѣнкѣ у столика были устроены полочки. На нихъ красовался полный чайный при-

боръ и бойкій мальчишка, кухонный помощникъ и племянникъ старшаго истопника, былъ пріученъ приносить Кузьмѣ Захарычу въ извѣстные часы большой чайникъ кипятку. Дверь комнаты выходила прямо въ корридоръ, ведущій въ Собственные Ихъ Величествъ покои.

— «Не любитъ государь нашъ сапогъ жесткихъ да неразношенныхъ» — говорилъ камердинеръ, убирая въ шкафъ принесенную Рекстинымъ пару сапогъ. — «Ваше дѣло простое: вычистилъ да принесъ — вотъ и все... А вотъ одѣвать ихъ да снимать — тутъ надо и умѣнье и снаровку. Мнѣ это дѣлать приходится, другой кто, пожалуй, и не съумѣлъ бы: чтобы не очень больно Самому то было, потихоньку да осторожненько съ сапогомъ то орудовать надо».

— «Только и спокой Его ногамъ» — продолжалъ Кузьма Захарычъ, запирая на ключъ стеклянную дверь шкафа, — «когда подашь вонъ ту пару, что на нижней полкѣ. «Обычныя» по реестру они значатся. Ужь и чинили то ихъ сколько разовъ, а все-жъ строго на строго заказано ихъ не выбрасывать. Дивится люди народъ иногда, видя что Царь такой Великой страны, а на сапогахъ латочки нашиты».

Кузьма Захарычъ твердо соблюдалъ свою придворную «присягу»: никогда ни однимъ словомъ не обмолвиться передъ постороннимъ человѣкомъ о томъ какъ живутъ его Высокіе Хозяева и что дѣлаютъ въ Своемъ интимномъ кругу. Въ

свое время въ церкви Зимняго дворца совершенъ былъ обрядъ бракосочетанія Императора Александра II съ княгиней Юрьевской. Каждый поваренокъ на дворцовой кухнѣ зналъ объ этомъ конечно, но такъ какъ государь предпочелъ держать это событіе не обнародованнымъ, то тайна была строго соблюдена и петербургская публика только послѣ кончины Монарха узнала объ его второмъ бракѣ.

Но Рекстинъ былъ свой братъ — личная прислуга и въ утренней тишинѣ еще спящаго дворца съ нимъ можно было поболтать и посудачить о чемъ угодно.

Кузьма Захарычъ усадилъ гостя въ кресло, а самъ не торопясь, съ нѣкоторой нарочитой торжественностью въ движеніяхъ, вытеръ чистымъ полотенцемъ стаканъ и блюдечко, налилъ Рекстину чаю и, сказавъ — «Покорнѣйше прошу-съ» — съ вѣжливымъ придворнымъ поклономъ поставилъ передъ гостемъ.

— «Вотъ вы, Карла Карлычъ, говорите» — продолжалъ разговоръ хозяинъ — «Насчетъ того, что ѣдутъ сегодня Ихъ Величества въ столицу памятникъ Славы въ Измаиловскомъ полку открывать... А позвольте васъ спросить: какъ вы полагаете, въ честь кого этотъ самый монументъ воздвигается».

— «О... Конесно, честь Россійскій побѣдоносный армій» — сказалъ Рекстинъ съ нѣкоторымъ

оттѣнкомъ самодовольства въ голосѣ, помѣшивая ложечкой въ стаканѣ.

На минуту въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Кузьма Захарычъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ вылощеннымъ и модернизованнымъ придворнымъ служителемъ, но въ смыслѣ выполненія традиціоннаго русскаго обряда, чаепитія, оставался самыхъ консервативныхъ взглядовъ. Передъ нимъ сейчасъ стояла большая фарфоровая росписная чашка съ надписью «Дарю въ день Ангела» и онъ любилъ баловаться чайкомъ «въ прикуску» въ своемъ уютномъ, закрытомъ для посторонняго глаза уголкѣ дворца. Сейчасъ, усѣвшись на табуреткѣ, онъ пилъ чай медленно, держа блюдечко высоко поднятымъ въ своей правой пятернѣ, совершенно такъ же, какъ онъ дѣлалъ это въ юности въ родномъ селѣ.

— «Такъ-съ... Побѣдоносной, вы говорите»,- сказалъ онъ, поставивъ блюдечко на столъ, — «Вы, вѣдь, Карла Карлычъ, кажись, тоже въ арміи то этой были. И награду боевую имѣете, такую же, какой и я удостоенъ».

— «Такъ тоцно... За Горній Дубнякъ... Билъ ефрейторъ седьмой рота Лейбъ гвардіи Семеновскій»...

— «Значитъ по вашему такъ выходитъ: вотъ сидимъ мы съ вами да чаекъ попиваемъ, а тѣмъ временемъ насъ въ Питерѣ прославлять собираются и монументъ намъ воздвигаютъ... Чудесное дѣло... А вы вотъ что позвольте васъ спросить: что

же эта армія то побѣдоносная сама по себѣ съ турками воевала или, можетъ, у нея и начальники были».

— «О, конесно... Его Высоцество Главнокомандуюсцій»...

— «Правильно говорите... Даже два Главнокомандующихъ было: другой на Кавказѣ... Ну, а теперь спрошу я васъ, дражайшій Карла Карлычъ, а что если бы случилась вдругъ такая бѣда: не далъ бы намъ Богъ побѣды и вернулись бы мы оба съ вами домой со стыдомъ, туркой побитые... Кого бы тогда всѣхъ больше поносили: зачѣмъ дескать ты не подумавши туркамъ войну объявлялъ, если одолѣть ихъ не съумѣлъ и этимъ насъ всѣхъ только въ грѣхъ ввелъ».

— «О... Это, конесно, Его Велицество»...

— «Вотъ то то и оно то. А вы знаете, милѣйшій: съ кого первый спросъ — тому и вся слава, И слава и монументъ сегодняшній, все это нашему Благодѣтелю и Царю покойному, Александру Николаевичу. А что насъ съ вами, Карла Карлычъ, касается, то оба мы не больше, какъ слуги Его вѣрные, должность свою по присягѣ исполнявшіе. Такъ ужь изстари ведется: славенъ Царь — славна и Его армія. А потому и на насъ съ вами лучи Его славы краешкомъ попадаютъ... Такъ то-съ...»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ
Владыка Сѣвера Одинъ въ Своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ...

А. С. Пушкинъ («Отрывок»)

Александръ III всталъ въ это утро рано. Весь предстоящій день, начиная с поѣздки въ столицу на открытіе памятника, былъ уже расписанъ и распредѣленъ у Него по минутамъ. Оставалось лишь раннее утро въ Его распоряженіи, а Ему надо было, не откладывая, отвѣтить на письмо Его двоюродной сестры: королевы Эллиновъ Ольги Константиновны. Она пребывала въ это время у себя въ Афинахъ, а съ государемъ Ее связывала еще съ дѣтства тѣсная дружба.

Въ Своей любимой и неизмѣнной, просторной, сѣрой домашней тужуркѣ, которую подъ названіемъ «укороченное пальто» Онъ ввелъ въ число вещей офицерскаго обмундированія, государь вошелъ въ рабочій кабинетъ. Тамъ еще царилъ полумракъ, лишь огонекъ лампады озарялъ серебрянную ризу и темный ликъ иконы и потрескивая разгорались сухіе березовые полѣнья въ широкомъ устьѣ старинной голландской кафельной печи. Отблескъ этого пламени перебѣгалъ взадъ и впередъ по прихотливо-узорчатому рисунку пушистаго Смирнскаго ковра, озаряя по временамъ лакированныя ножки массивнаго письменнаго стола и играя веселыми зайчиками на обояхъ противуположной стѣны.

Александръ III любилъ во всемъ порядокъ. Это сразу было видно по той систематичности, съ какой Онъ Самъ раскладывалъ на Своемъ столѣ обложки съ дѣлами и письмами. Бумагъ этихъ ни Кузьма, ни его помощникъ, второй личный камердинеръ, не смѣли трогать. Поэтому государь, случалось, лично взявъ тряпку, вытиралъ на столѣ пыль и приводилъ все въ должный видъ. Толстый ворохъ министерскихъ докладовъ, прошедшихъ черезъ руки государя наканунѣ и получившихъ Его резолюціи, лежалъ на отдѣльномъ, меньшаго размѣра столѣ. Однажды, сидя за этимъ столикомъ, Александръ III прочелъ донесеніе министра Иностранныхъ дѣлъ о томъ, что представитель какого то государства, изъ числа второстепенныхъ, сталъ проявлять недолжную развязность, граничащую съ нахальствомъ, по адресу Россіи. Тогда на поляхъ донесенія государь, со свойственной Ему прямотой и образностью выраженій, положилъ, получившую въ свое время большую извѣстность, резолюцію «Такая парша, а туда же лѣзетъ».

На письменномъ столѣ стоялъ на почетномъ мѣстѣ парадный приборъ съ чернильницами, украшенными золотой арматурой въ видѣ рыцарскихъ доспѣховъ съ гербами на щитахъ: Романовскимъ, вставшимъ на дыбы геральдическим ъ звѣремъ — грифомъ, и Датскимъ королевскимъ. Это былъ подарокъ большого друга государя и Его Тестя, короля Христіана 9-го, сдѣланный въ день какого то семейнаго праздника.

Государь чиркнулъ спичкой и зажегъ большую керосиновую столовую лампу. Парадную чернильницу Онъ оставилъ въ покоѣ, а вынулъ изъ ящика стола простую банку съ чернилами, купленную когда то Кузьмой по Его порученію въ ближайшей ко дворцу лавочкѣ.

Про Него говорили Его братья: — «Саша у насъ извѣстный каллиграфъ». — Дѣйствительно четкій и красивый, слегка наклонный и немного женственный почеркъ Александра III дѣлалъ Его письма очень легко читаемыми.

— «Дорогая Ольга» — такъ началъ Онъ Свое письмо». — Уже Я писалъ Тебѣ, что на сегодня назначено открытіе памятника Славы на площади у собора Св. Троицы. Какая грусть овладѣваетъ, когда вспомнишь, что съ нами нѣтъ больше Апапа,* Моего дорогого, незабвеннаго Родителя, а Твоего любимаго и всѣмъ сердцемъ любившаго Тебя Дяди. Вѣдь сегодняшній день въ сущности — цѣликомъ Его день. На Своихъ плечахъ Онъ вынесъ и выстрадалъ минувшую войну и, если Богъ даровалъ побѣду Его знаменамъ, это была полностію Его побѣда...». —

Государь задумался, положилъ перо, всталъ и подошелъ къ окну, казавшемуся, благодаря необычайной толщинѣ стѣнъ стариннаго зданія, амбразурой крѣпостной пушки. Когда Онъ поднялъ штору, въ комнату проникъ молочный от-

*) Такъ называли Александра II члены Его Семьи.

блескъ блѣднаго, утреннимъ туманомъ окутаннаго, разсвѣта.

Четкими правильными линіями выдѣлялись опушенныя свѣжимъ снѣжнымъ налетомъ аллеи сада. Темными пятнами на свѣтломъ фонѣ казались одиночныя ели и сосны. Унылыя, мрачныя, свинцовыя облака низко нависали и покрывали все видимое пространство неба.

Александръ III невольно вспомнилъ нудные тяжелые дни военной невзгоды осенью 77 года — «Тогда такія же удручающаго вида тучи наползали на долину Лома со стороны Варны». —

Ему пришла на память болгарская деревушка Ломъ Паланка. Въ ней многое было Имъ пережито. Тамъ помѣщалась Штабъ-квартира Рущукскаго отряда, которымъ Онъ тогда командовалъ, будучи Наслѣдникомъ Престола. Въ окна небольшого домика, который Онъ занималъ, яростно стучалась балканская сырая осень въ видѣ крупныхъ капель дождя, барабанившихъ по стекламъ. Ему вспомнились безсонныя ночи, когда съ начальникомъ Его штаба Ванновскимъ, Онъ, склонившись надъ картой, съ волненіемъ ожидалъ донесеній оттуда, откуда доносился глухой перекатъ орудійной стрѣльбы.

И какъ внезапно, какъ неожиданно надвинулись грозныя событія. Сначала все шло какъ нельзя болѣе гладко и успѣшно: съ налету перешли Дунай. Гурко съ небольшимъ отрядомъ

смогъ перевалить черезъ главный хребетъ, спустился въ заменитую долину Розъ и слалъ уже донесенія изъ Ени Загры.

Вдругъ начались невзгоды. Пришлось уйти изъ Ловчи. Болгарскія дружины сильно пострадали подъ Ески Загрой. Гурко былъ оттянутъ на сѣверъ. Начался напоръ турокъ, значительно превосходившихъ насъ числомъ, на Шипкинскій и Ханкіойскій перевалы. Вмѣстѣ съ осенью пришли союзники непріятеля: тифъ и дизентерія. Ряды въ нашихъ ротахъ порѣдѣли.

Появился на сцену Османъ паша. Онъ былъ умнѣе и дальновиднѣе своихъ коллегъ: Мухтара и Сулеймана. Онъ рѣшилъ использовать давно уже признанное за турецкимъ аскеромъ достоинство: превосходнаго защитника земляныхъ укрѣпленій. Въ нихъ онъ можетъ отсиживаться съ большимъ упорствомъ. Артиллерійскимъ огнемъ его не выгонишь, а брать укрѣпленія штыковой атакой — это значитъ терять огромное количество драгоцѣнныхъ русскихъ жизней. Мы это испытали въ первую, вторую, а въ особенности въ третью Плевну. Мы потеряли 16 тысячъ 30 Августа въ день Царскихъ именинъ. Взятъ былъ не имѣющій большого значенія Гривицкій редутъ. Въ общемъ же наше наступленіе захлебнулось и день праздника обратился въ день скорби и печали.

Александръ III прошелся по комнатѣ. Изъ стоящаго на простѣночномъ столикѣ наряднаго,

филигранной работы, ящика Онъ вынулъ папиросу и закурилъ. Мундштуки были русскаго образца, но на каждомъ изъ нихъ красовался причудливый витіеватый вензель: арабскія письмена. Эти гіероглифы были личнымъ гербомъ султана Абдулъ Гамида. Знатоки увѣряли, что въ этомъ гербѣ прописаны были всѣ многочисленные титулы повелителя правовѣрныхъ, Калифа и прямого потомка пророка Магомета.

Турецкій посолъ Шакиръ паша, любимецъ Двора и Петербургскаго Большого свѣта, всегда лично доставлялъ государю султанскій подарокъ: ящики съ папиросами. При этомъ онъ на изысканномъ французскомъ діалектѣ, съ оттѣнкомъ восточной экзотики въ манерахъ и рѣчи, увѣрялъ государя, что только два человѣка въ мірѣ курятъ такой табакъ: русскій императоръ и турецкій Падишахъ. Табакъ этотъ, между прочимъ, былъ заготовленъ строго сообразуясь со вкусомъ государя: средней крѣпости и безъ всякой примѣси пряныхъ ароматовъ, свойственныхъ египетскимъ сортамъ.

— «Хорошій народъ турки» — подумалъ государь — «Они были бы чудными сосѣдями для насъ, если бы страна ихъ не лежала какъ разъ поперекъ пути Россіи къ теплому морю. Не разъ приходилось съ ними воевать, да и въ будущемъ, вѣроятно, придется».

На стѣнѣ, противъ письменнаго стола, висѣла въ рамѣ увеличенная фотографія Александра 2-го.

Онъ былъ снятъ въ шинели солдатскаго сукна, какъ въ 1877 году было принято на театрѣ военныхъ дѣйствій. Ярко горящіе какимъ то лихорадочнымъ огнемъ глаза ясно выдѣлялись на похудѣвшемъ отъ тяжелыхъ заботъ лицѣ.

— «Да... Таковъ былъ Апапа въ Порадимѣ въ тяжелые дни начала Сентября».

Государю пришелъ на память историческій, полный драматизма, военный совѣтъ послѣ 3-ей Плевны. Начальникъ штаба Непокойчицкій ровнымъ безстрастнымъ голосомъ, какъ читаютъ псалтирь по покойнику, сдѣлалъ подробный и съ виду вполнѣ обоснованный докладъ: наша армія въ опасномъ, слишкомъ выдвинутомъ и растянутомъ положеніи. Она можетъ быть разбита по частямъ. Надо немедленно снять осаду Плевны, отступить за Дунай, а весной начинать все сначала.

— «Дядя Николай сидѣлъ мрачный и молчалъ» — вспоминалось государю. Отецъ съ тяжелымъ чувствомъ слушалъ докладъ. Ему было ясно, что Ставка какъ бы умываетъ заранѣе руки. Если Онъ скажетъ «Отступленія не будетъ», то вся отвѣтственность ляжетъ на Него единолично». —

Александръ 2-ой лучше, чѣмъ кто либо понималъ тогда, что наше отступленіе въ данныхъ условіяхъ, это не только проигрышъ кампаніи. Это — потеря войны. Насъ самихъ приглашали расписаться въ своемъ пораженіи и позорѣ.

Своимъ рѣшеніемъ: не отступать Онъ, какъ потомъ оказалось, повернулъ ходъ событій по другому руслу и далъ Россіи побѣду.

Когда Непокойчитскій кончилъ, Александръ 2-ой просилъ присуствующихъ выразить свои мнѣнія. Ему страстно хотѣлось чтобы кто нибудь, не членъ Его Семьи, высказалъ бы тѣ мысли, какія Имъ владѣли и этимъ поддержалъ Его въ принятомъ Имъ рѣшеніи. Но всѣ отдѣлывались общими мѣстами. Вдругъ къ удивленію всѣхѣ выступилъ Левицкій, скромный и застѣнчивый генералъ квартирмейстеръ Ставки. Онъ былъ не въ чести въ арміи. Его постоянно высмѣивали: сухой теоретикъ, схоластикъ, педантъ, профессоръ въ очкахъ, а тутъ вдругъ онъ смѣло сказалъ тѣ слова высокаго патріотизма, которыхъ такъ ждалъ Александръ 2-ой.

Царь Освободитель не забылъ этого и одинъ изъ первыхъ Георгіевъ послѣ паденія Плевны былъ данъ Левицкому Имъ лично.

Елена... Огненными буквами запечатлѣлось въ памяти у всѣхъ участниковъ войны названіе этого маленькаго болгарскаго городка. Здѣсь Сулейманъ паша бросилъ массу въ 25000 на нашъ Сѣвскій полкъ, стоявшій какъ разъ въ стыкѣ между отрядомъ Цесаревича и войсками Радецкаго.

Штабъ Рущукскаго отряда съ лихорадочной поспѣшностью слалъ подкрѣпленія корпусу бар. Деллингсгаузена. Прорывъ нашего фронта былъ

быстро ликвидированъ, но пушки, русскія пушки остались въ рукахъ у турокъ. Вѣдь за два вѣка, что мы вели войны съ турками, случаи потери нами орудій можно сосчитать по пальцамъ.

Но наступилъ, наконецъ, день Мечки. Сулейманъ, обнаглѣвъ послѣ Елены, предпринялъ наступленіе широкимъ фронтомъ противъ отряда Цесаревича, былъ отбитъ, сброшенъ въ Ломъ и въ безпорядкѣ отступилъ. Побѣда Рущукскаго отряда была полная и рѣшительная.

Этотъ день припоминался Александру III такимъ радостнымъ, точно свѣтлый день Пасхи. Сѣвъ на коня Онъ въѣхалъ въ деревню сквозь которую часъ тому назадъ съ боемъ прошли наши цѣпи. Издалека изъ за зеленыхъ холмовъ, которые еще утромъ были мѣстомъ развертыванія непріятельскихъ резервовъ доносился веселый орудійный гулъ. Тамъ наша конная артиллерія била по бѣгущимъ туркамъ.

Около обгорѣлаго дома на окраинѣ села лежала груда турецкихъ труповъ. Это былъ результатъ работы нашихъ батарей, которыя въ теченіи нѣсколькихъ дней пристрѣливались къ этому мѣсту, расположенію цѣлаго табора редифа. Наполеонъ сказалъ когда то, что убитый непріятель всегда пріятно пахнетъ, но эти турки вѣроятно не слыхивали о такомъ изрѣченіи великаго корсиканца и попахивали довольно таки тошнотворно.

Навстрѣчу Августѣйшему Начальнику Рущукскаго отряда шелъ уводимый въ резервъ, только

что понесшій большія потери и смѣненный свѣжими войсками батальонъ. Онъ шелъ, какъ полагается на полѣ битвы, съ развернутымъ знаменемъ. Два молодыхъ офицера, ассистенты, одинъ съ повязкой на головѣ другой съ рукой на перевязи, шли по бокамъ знаменщика, атлетическаго вида подпрапорщика. Знамя было юбилейное съ лентами. Вышитый золотомъ вензель Александра II ярко выдѣлялся на темномъ фонѣ дыма отъ пожарища. Дулъ довольно сильный вѣтеръ, знаменщикъ съ видимымъ усиліемъ удерживалъ древко у плеча, а полотнище съ шумомъ трепалось.

Сейчасъ государь съ радостнымъ чувствомъ вспомнилъ объ этой встрѣчѣ: — «Да мнѣ довелось услышать побѣдный шелестъ, знамененъ, но до этого многое пришлось пережить».

Александръ III взглянулъ на наружный термометръ у рамы окна. «Два градуса ниже нуля. Днемъ во время парада будетъ, вѣроятно, одинъ или два градуса тепла».

Онъ нажалъ кнопку звонка и сказалъ камердинеру когда тотъ показался въ дверяхъ: — «Кузьма. Доложи дежурному флигель адьютанту, что Я приказалъ параду быть въ шинеляхъ».

Государь произнесъ по солдатски «шине-лЯхъ», съ удареніемъ на Яхъ, а не по интеллигентски «ши-нЕ-е-ляхъ».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

> Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, недвижно стоявшемъ и насторожившимъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита, но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ...
>
> В. М. Гаршинъ («Изъ воспоминанiй рядового Иванова»)

Петя Околицынъ, кадетъ третьей роты Морского училища, шелъ въ строю четверымъ съ лѣваго фланга своего взвода. Черезъ Николаевскiй мостъ батальонъ перешелъ безъ музыки и барабаннаго боя и затѣмъ вытянулся длинной колонной вдоль нарядной, торцами вымощенной, Англiйской набережной. Въ этотъ утреннiй часъ улицы столицы казались пустынными. Только въ зеркальныхъ окнахъ аристократическаго вида особняковъ появилось нѣсколько головъ, съ любопытствомъ взглянувшихъ на проходящихъ мимо кадетъ.

Капельмейстеръ, шедшiй впереди оркестра, оглянулся, сказалъ что то вродѣ: — «Номеръ сорокъ первый... Разъ-два-три четыре...» — и взмахнулъ руками. Дружный аккордъ веселаго вызывающаго марша разомъ вырвался изъ мѣдныхъ трубъ и кларнетовъ. Онъ, казалось, все заполнилъ собою, далеко разносясь въ морозномъ воздухѣ.

Слышно было какъ дребезжали стекла въ окнахъ, отвѣчая на тяжелые удары турецкаго барабана и солидные «Упъ-Упъ-Упъ» величественно и грозно звучавшаго громоздкаго геликона.

Это былъ «Буланже Маршъ», почему то очень вошедшій въ Россіи въ моду въ тѣ годы. Онъ напоминалъ собою объ эффектной, хотя и эфемерной фигурѣ французскаго красиваго и молодцоватаго генерала съ бородкой «Анри Катръ». Его портреты верхомъ на конѣ, въ треуголкѣ съ плюмажемъ, украшали въ тѣ дни первыя страницы нашихъ журналовъ. Онъ былъ тогда «безъ пяти минутъ» Гитлеръ или Муссолини. Но, какъ извѣстно, въ рѣшительный моментъ вмѣсто того чтобы выгнать надоѣвшихъ парижанамъ парламентаріевъ изъ палаты и стать диктаторомъ, онъ вдругъ пошелъ на попятный и тогда пѣсенка его была спѣта.

Переведенные довольно топорно на русскій языкъ куплеты «Буланже Марша» часто исполнялись однокашниками Пети въ часы вечернихъ вокально-музыкальныхъ упражненій въ ротной курилкѣ и поэтому невольно запоминались. Въ пѣсенкѣ этой описывалось. какъ семья парижанъ, взявъ запасъ провизіи, направлялась на традиціонный парадъ войскъ парижскаго гарнизона въ день Національнаго праздника 14 Іюля и Петя, шагая въ тактъ музыки, мысленно напѣвалъ:

У тещи же — бы — ла
Телячья го — ло — ва

Турецкій барабанъ вмѣстѣ съ тарелками яркими четкими ударами оттѣнилъ эти «же — бы — ла» и «г о — ло — ва». Петя съ улыбкой взглянулъ вправо. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ той же шеренгѣ, шествовалъ его другъ бѣлокурый остзеецъ фонъ Дрейзе, имѣвшій въ данный моментъ недовольный видъ. Судьба наградила этого потомка рыцарей довольно круглымъ лицомъ и парой всегда широко раскрытыхъ, но мало выразительныхъ глазъ. Поэтому въ ротной курилкѣ слова французскаго марша соотвѣтственно измѣнили и обычно исполняли въ крайне непріятной для бѣднаго Дрейзе версіи:

У Дрейзе же — бы — ла

Телячья го — ло — ва

Корнеты и кларнеты дружно подхватили на высокихъ нотахъ:

У зятя окорокъ свиной

Вина онъ также взялъ съ собой.

Легко, весело и незамѣтно шагалось подъ звуку веселаго марша. Петѣ по временамъ, глядя на неподвижную линію плечъ передъ нимъ идущихъ шеренгъ, казалось что батальонъ стоитъ на мѣстѣ, а лента домовъ справа и ограда гранитной невской набережной слѣва движутся навстрѣчу въ тактъ музыки. Батальонъ училища слѣдовалъ безъ ружей. Военно учебныя заведенія должны были только «присутствовать» на парадѣ по слу-

чаю открытія памятника Славы въ честь побѣдъ въ войну 1877-78 года, а не «участвовать» въ немъ.

И вотъ такой неслися мы гурьбой
На праздникъ боевой съ такой заку.у-у-ской,
Чтобы всю нить движенья прослѣдить
И за здоровье арміи французской пить...

Капельмейстеръ рѣзкимъ движеніемъ поднялъ руки кверху и музыка вдругъ смолкла — «Смирно, равненіе на лѣво...» послышалась команда. Слѣва окутанная слегка дымкой сѣроватаго утренняго тумана вздымалась громада Исаакіевскаго собора. Когда смолкъ оркестръ, стало какъ то необычайно тихо кругомъ. Только слышался мѣрный шагъ въ ногу идущаго батальона.

Точно видѣніе сѣдой старины дворцовый гренадеръ въ высокой медвѣжьей шапкѣ наполеоновскихъ временъ, стоящій на часахъ у памятника Императора-рыцаря, взялъ на караулъ по ефрейторски и замеръ въ неподвижной позѣ.

Вознесенскій проспектъ показался Петѣ узкимъ и тѣснымъ переулкомъ послѣ простора и шири столичныхъ площадей. Дома выглядѣли сейчасъ какими то новыми и незнакомыми. Петя привыкъ на нихъ смотрѣть съ тротуара, а теперь онъ шелъ посрединѣ улицы. На перекресткахъ эхо стало доносить откуда то издалека отраженный звукъ игравшего маршъ «Веселый Кузнецъ»

училищнаго оркестра. Казалось гдѣ то другой хоръ секундой позже исполняетъ тотъ же маршъ.

По мѣрѣ приближенія къ Измаиловскому проспекту все люднѣе и люднѣе становилась улица. У Измаиловскаго моста уже стояла густая сплошная толпа зрителей, сдерживаемая полиціей и конными жандармами.

Сейчасъ первые ряды этой публики были уже въ 2-хъ, 3-хъ шагахъ отъ проходившихъ шеренгъ и Петя былъ не на шутку обиженъ, когда молоденькая и хорошенькая барышня, смотря на его взводъ, громко воскликнула: — «Они совсѣмъ еще мальчики, эти морскіе кадеты».

Парадъ долженъ былъ состояться на Измаиловскомъ проспектѣ. Тамъ какая то невидимая рука съ математической точностью передвигала массы войскъ. Части одна за другой вступали на свое мѣсто. Морское училище выстроилось длинной линіей, протянувъ свои двѣ шеренги вдоль тротуара, пройдя Троицкій соборъ и повернувшись лицомъ на средину проспекта. Слѣва былъ слышенъ гулъ музыки подъ звуки своихъ полковыхъ маршей прибыли полки Преображенскій и Семеновскій. Посмотрѣвъ назадъ черезъ лѣвое плечо, Петя могъ теперь видѣть высокую, задрапированную пока парусиннымъ покрываломъ, колонну новаго памятника и родъ павильона или палатки, предназначенной для Особъ Императорской фамиліи.

Какъ то необычайно забилось сердце у Пети, когда онъ услыхалъ восторженное «Ура», которое вдругъ покатилось откуда то издалека и все болѣе и болѣе ширясь и усиливаясь, со стихійной мощью приближалось къ собору. Войска привѣтствовали своего Верховнаго Вождя.

Петя видѣлъ какъ Царская Семья вышла изъ коляски. Государь сказалъ что то Своему Брату Владиміру, командовавшему парадомъ. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ съ его начинающими сѣдѣть баками, всегда нѣсколько нахмуренными густыми бровями и серьезнымъ выраженіемъ лица казался Петѣ почему то строгимъ, сердитымъ и угрюмымъ.

Великій князь вышелъ на средину улицы. Трубачъ казакъ-конвоецъ взялъ въ руки свой инструментъ и труба запѣла. Серебристые мелодичные звуки ея были сигналомъ «На молитву». Когда онъ кончилъ Великій князь махнулъ шашкой. Команда «Фуражки долой» хоромъ пронеслась по рядамъ войскъ.

Вѣтеръ только по временамъ доносилъ до Пети звуки церковнаго пѣнія знаменитой Придворной капеллы. «Мно-га-я лѣ-ѣ-та...» послышалось въ концѣ молебна. Короткій сигналъ «Молитвенный отбой,» Общая команда «Накройсь» и церковная часть церемоніи кончилась.

Великій князь махнулъ шашкой. Одновременно съ пріемомъ «На краулъ» чудный, торжественный,

ни съ какимъ другимъ національнымъ гимномъ несравнимый, родной для русскаго сердца гимнъ «Боже Царя храни» покрылъ все собою. Аккорды его звучали могущественно и грозно. Его исполняли разомъ всѣ собранные на парадъ многочисленные оркестры. Петя взглянулъ на своихъ сосѣдей по фронту. Всѣ они выглядѣли глубоко взволнованными. Онъ самъ чувствовалъ что у него слезы навернулись на глаза въ эту минуту. Завѣса тѣмъ временемъ медленно сползала съ памятника. Онъ весь состоялъ изъ рядовъ турецкихъ пушекъ, взятыхъ нашими войсками въ минувшую войну.

Тутъ произошло то, чего Петя никакъ не ожидалъ: государь отдѣлился отъ группы Высокихъ Особъ, бывшихъ въ павильонѣ и вышелъ на средину улицы Своей спокойной увѣренной походкой. Тамъ, гдѣ появлялся этотъ Царственный Великанъ, все кругомъ Него начинало казаться уменьшившимся въ размѣрѣ. Онъ какъ бы царилъ однимъ Своимъ видомъ. Ему для этого не нужно было ни коронъ, ни горностаевыхъ мантій.

Ему подвели крупнаго, достойнаго Его носить, коня. На конѣ этомъ Онъ, обычно, выѣзжалъ на парадахъ. Лошадь эта, прежде чѣмъ ее начали подавать государю, проходила какъ бы особую школу: ее «выпугивали.» Сидящій на ней берейторъ проѣзжалъ мимо фронта наряженной спеціально для этого «выпугиванья» воинской части и сол-

даты по командѣ начинали кричать самымъ неистовымъ образомъ «Ура». Лошадь привыкала постепенно къ этимъ крикамъ и не показывала при крикахъ «Ура» на парадахъ, имѣя сѣдокомъ государя, никакой нервности.

Государь командовалъ когда то Лейбъ эскадрономъ Царскосельскихъ гусаръ, а затѣмъ и самымъ полкомъ и былъ неутомимымъ ѣздокомъ на парфорсныхъ охотахъ и длинныхъ многоверстныхъ полевыхъ поѣздкахъ. По Его манерѣ подойти къ лошади, по тому, какъ Онъ легко, однимъ движеніемъ, безъ малѣйшаго видимаго усилія оказался въ сѣдлѣ можно было почувствовать, что Онъ кавалеристъ, съ юныхъ лѣтъ сроднившійся съ конемъ.

Александръ III обнажилъ шашку. Петя понялъ что это значитъ: Онъ принялъ на Себя командованіе парадомъ. Онъ какъ бы вступилъ въ строй стоявшихъ передъ Нимъ войскъ. «Самъ будетъ командовать» — пробѣжалъ шепотъ по рядамъ кадетъ.

Какъ то необычайно торжественно звучали уставныя команды, когда ихъ подавалъ Александръ III. Государь послѣдовательно скомандовалъ. «Смирно», «На плечо» и «Къ церемоніальному маршу». Затѣмъ послышалась обычная команда парадовъ того времени: Пополуротно на полуротной дистанціи, равненіе на право. Первая полурота шагомъ»... Государь повернулъ коня и занялъ Свое мѣсто во главѣ колонны войскъ.

Петя зналъ, что по уставу честь привести все войско въ движеніе принадлежитъ одному изъ самыхъ младшихъ въ чинѣ участниковъ парада: поручику или подпоручику, который командуетъ первой полуротой головной роты. Это были Преображенцы. Сейчасъ Петя не могъ ихъ видѣть т. к. полусотня казаковъ конвоя, занявъ свое мѣсто позади Монарха, скрыла пѣхоту изъ поля зрѣнія кадетъ. Петя догадывался, что въ данную минуту этотъ молоденькій офицеръ выходитъ впередъ, и поворачивается лицомъ къ своей полуротѣ. Порывъ вѣтерка донесъ слова команды. Голосъ былъ совсѣмъ юношескій, еще не установившійся, но слово «Маршъ» прозвучало громко и повелительно. Разомъ зарокотали барабаны и подъ этотъ грохотъ двинулась впередъ полусотня конвоя. «Бумъ-бумъ» двойнымъ ударомъ закончилъ эту музыку турецкій барабанъ и громадный, славящійся на весь міръ хоръ Преображенскаго полка мощнымъ аккордомъ вступилъ въ маршъ.

Государь нѣкоторое время слѣдовалъ во главѣ войскъ, но, поравнявшись съ памятникомъ, Онъ вдругъ повернулъ коня вправо, поднялъ шашку «подъ высь», и давъ коню шпоры, перевелъ его на галопъ. Сдѣлавъ красивый традиціонный «заѣздъ» Онъ у самаго памятника разомъ одержалъ коня и салютуя опустилъ шашку.

— «Кому же Онъ отдаетъ честь» — думалъ Петя — «Онъ — Верховный Вождь Русской арміи и величайшій въ мірѣ монархъ». — Но тот-

часъ же онъ понялъ: государь отдаетъ честь Своему покойному Отцу, которому Россія обязана побѣдой. Онъ отдаетъ честь тѣмъ многимъ десяткамъ тысячъ героевъ русскихъ воиновъ, которые до конца выполнили свой долгъ и присягу и навсегда остались на далекихъ поляхъ Болгаріи и Малой Азіи.

Мимо Пети проходили Преображенцы, знамена которыхъ развѣвались когда Петръ велъ свои полки противъ испытанныхъ въ бояхъ войскъ Карла 12-го. Сейчасъ Петя увидѣлъ кто былъ тотъ молоденькій офицеръ который командовалъ первой полуротой Преображенцевъ. Это былъ Вел. князь Николай Александровичъ, Наслѣдникъ престола.

Мимо кадетъ проходила какъ бы исторія Россіи за послѣдніе два вѣка. Золотомъ горѣли на солнцѣ шлемы и латы Кавалергардовъ и Конной Гвардіи, напоминая о славныхъ атакахъ этихъ полковъ на поляхъ Аустерлица и Бородина. Колыхались, переливая разными цвѣтами флюгера на пикахъ уланъ. Шли войска, предки которыхъ побывали съ боемъ и въ Парижѣ и въ Берлинѣ. Гремѣли на булыжной мостовой окованныя желѣзомъ колеса тяжелыхъ пушекъ Гвардейской артиллеріи. Орудія эти нѣсколько лѣтъ тому назадъ смотрѣли своими жерлами на столицу Турціи.

— «Какъ я счастливъ, что я ношу погоны и составляю часть русской воинской силы», — раз-

мышлялъ Петя. — «Нѣтъ въ мірѣ Монарха выше и славнѣе моего Государя. Нѣтъ въ мірѣ страны краше и лучше моей дорогой родины Россіи».

Царскій смотръ.

Было чудное тихое утро, какихъ много бываетъ въ Іюлѣ въ окрестностяхъ Сѣверной столицы. Темные, неподвижные корпуса судовъ Практической эскадры Балтійскаго моря, отражались какъ въ зеркалѣ въ спокойныхъ водахъ Финскаго залива.

Вотъ пробѣжалъ паровой катеръ и поднятая имъ волна идетъ куда то вдаль, чуть не до самаго Ораніенбаумскаго берега.

Сейчасъ на броненосцѣ наводится послѣдній лоскъ передъ Царскимъ смотромъ. Люди, поставленные во фронтъ «въ первомъ срокѣ», въ ослѣпительной бѣлизны форменкахъ, выглядятъ молодцами.

Въ тѣ годы флотъ получалъ новобранцевъ изъ такъ наз. «рѣчныхъ губерній». Много было здоровыхъ рослыхъ боробовъ из Архангельской и Вологодской губерній. Это былъ чудный элементъ. Семилѣтній срокъ службы давалъ возможность выработать изъ нихъ первоклассныхъ моряковъ.

Увы. Развитіе техники и уменьшеніе срока службы заставили Морское вѣдомство впослѣдствіи отказаться отъ этихъ губерній, получивъ вмѣсто нихъ фабричные раіоны. Во флотъ стали

попадать въ большомъ числѣ подмастерья съ заводовъ, рабочіе металлисты. Это былъ первый шагъ къ полученію на суда «красы и гордости революціи».

Старшій офицеръ съ боцманомъ обходятъ всѣ низы броненосца. Все ужъ кажется прибрано, вездѣ ярко сіяетъ «мѣдяшка», но снова и снова осматриваются всѣ укромные углы и закоулки: не окажется ли гдѣ нибудь засунутой въ послѣдній моментъ грязной тряпки или швабры.

На высокомъ переднемъ мостикѣ броненосца командиръ и вахтенный начальникъ напряженно смотрятъ въ бинокль въ сторону Петергофа. Тамъ, среди бархатнаго ковра зелени парковъ виднѣется ярко свѣтлая полоска стариннаго Верхняго дворца съ сіяющимъ на солнцѣ крестомъ Придворной церкви. Ниже, прижавшись къ береговой чертѣ, видны скромныя постройки государевой дачи — Александріи, а еще далѣе за стѣной деревьевъ еле замѣтенъ отблескъ куполовъ Сергіевской лавры.

— В. В-іе, яхта «Александрія» дала ходъ — докладываетъ матросъ-сигнальщикъ.

Отъ Петергофской казенной пристани отдѣлилась какая то точка и стала увеличиваться, приближаясь к Кронштадту. Вотъ уже видно какъ колеса небольшой рѣчной яхты взбиваютъ бѣлую пѣну. На гротъ мачтѣ ея брейдъ вымпелъ Государыни Императрицы: орелъ на желтомъ полѣ

и двѣ длинныя синія косицы. Государь всегда приказываетъ подымать его вмѣсто своего брейдъ вымпела, когда Императрица на яхтѣ.

Вотъ «Александрія» становится на якорь на Маломъ Кронштадтскомъ рейдѣ около большой, сравнительно недавно построенной царской яхты «Полярная Звѣзда».

Александръ III съ юныхъ лѣтъ любилъ флотъ и море. Будучи Наслѣдникомъ и только что сочетавшись бракомъ съ Датской принцессой Дагмарой онъ вмѣстѣ съ молодой супругой на цѣлыя недѣли уходилъ изъ Петербурга на собственной крошечной паровой яхтѣ «Славянка» и проводилъ это время въ Финляндскихъ шхерахъ, вдали отъ сутолоки столичной жизни. Позднѣе Онъ сталъ владѣльцемъ яхты «Царевна» болѣе солидной и комфортабельной. Въ лѣтніе мѣсяцы сѣверная природа какъ бы даритъ насъ своей улыбкой. Воспѣтыя поэтами бѣлыя ночи особенно хороши на широкихъ плесахъ между шхерами. Послѣ вступленія на престолъ Государь продолжалъ Свои лѣтнія путешествія на яхтахъ, считая лучшимъ отдыхомъ для Себя отъ трудовъ и заботъ правленія пребываніе среди моряковъ на яхтѣ и ловлю рыбы среди быстринъ рѣки Кюмень въ Южной Финляндіи.

«Полярная Звѣзда» была построена по Его личнымъ указаніямъ. Послѣ Его кончины эта яхта стала представлять поэтому какъ бы пловучій музей, посвященный Его памяти. На ней

не производили никакихъ передѣлокъ или измѣненій и тщательно сберегали все въ томъ точно видѣ какъ было при Немъ. Почти каждая вещь на этой яхтѣ была выбрана ея покойнымъ Хозяиномъ для Себя и по Своему вкусу.

Вамъ могли показать на «Полярной Звѣздѣ» стулья и кресла. Вы поразились бы массивностью ихъ конструкціи, въ особенности солидностью ножекъ. Это были какія то колонны изъ крѣпчайшаго дуба, а не ножки. Все это было, конечно, не рѣзное, а гладкое и простое.

Всякій кто помнитъ Александра III, можетъ легко себѣ представить: почему Онъ не любилъ тонкой ломкой мебели. Вѣроятно не разъ образцы той художественной мебели, которой украшены Петербургскіе дворцы, убранные по большей части въ стилѣ Барокко, трещали подъ этимъ Богатыремъ, являвшимся какъ бы олицетвореніемъ силы и мощи Его имперіи.

Стаканы въ буфетѣ на яхтѣ сдѣланы были также по особому заказу. Александръ III Самъ указалъ какой толщины должны быть стѣнки ихъ. Такіе и сдѣлали. Стаканы получились небывалые по виду и тоже богатырскіе: не разбивались, если ихъ на полъ кинуть, а раздавить такой массивный стаканъ рукой было положительно невозможно.

Но крѣпость стакановъ требовалась Государемъ нѣсколько по другой причинѣ, чѣмъ крѣпость стульевъ.

Александръ III говорилъ:

— «Мнѣ всегда жаль бываетъ нашихъ молодцовъ вѣстовыхъ матросовъ на яхтѣ, когда они разобьютъ что нибудь. Они такъ пугаются при этомъ и такой у нихъ видъ несчастный дѣлается. Нужно заказать для нихъ небьющуюся посуду».

Такую посуду и заказали. Тарелки и блюда были литыя чистаго серебра. По правдѣ сказать не очень красиво онѣ выглядѣли. Чуть потертая ножемъ и вилкой тарелка сразу теряла первоначальный блескъ и полировку и выглядѣла оловянной. Но посуда не билась.

На яхтѣ послѣ кончины Государя вамъ могли показать Его любимый уголокъ на верхней палубѣ позади верхней рубки, въ которой помѣщалась парадная столовая. Тамъ была скамья, вродѣ дивана, тоже по Его указанію построенная. Тамъ Онъ проводилъ обыкновенно большую часть дня, окруженный Своей семьей.

Отъ «Александріи» отвалилъ паровой катеръ и направился къ «Полярной Звѣздѣ». На гротъ мачтѣ этой яхты плавно и медленно поднимается Императорскій Штандартъ — знакъ, что Государь вступилъ на палубу ея и лично вступилъ въ командованіе собраннымъ на рейдѣ Своимъ флотомъ. Сейчасъ Онъ — старшій на рейдѣ адмиралъ. Всѣ приказанія по флоту сейчасъ идутъ

прямо отъ Него. Всѣ адмиралы, начальники отрядовъ, стали Его младшими флагманами. Они только репетуютъ т. е. повторяютъ сигналы поднимаемые на «Полярной Звѣздѣ» по приказанію Государя.

Какъ только Штандартъ дошелъ до клотика мачты, грянулъ салютъ. Весь флотъ, стоящій на Кронштадтскихъ рейдахъ, началъ отдавать почесть своему Верховному Вождю. Рейды окутались клубами порохового дыма.

На броненосцѣ, о которомъ я разсказываю, Александръ III еще не бывалъ ни разу. Корабль былъ только что оконченъ постройкой и дѣлалъ свое первое плаваніе. Смотръ ему Государь намѣревался произвести сейчасъ же послѣ Своего посѣщенія корабля старшаго изъ присутствующихъ флагмановъ. Посѣщая корабль этого флагмана Александръ III какъ бы выполнялъ предписываемый уставомъ и этикетомъ морской вѣжливости отвѣтный визитъ старшаго адмирала-младшему.

Петя Околицынъ былъ самымъ младшимъ изъ мичмановъ на броненосцѣ. Худенькій и щуплый офицерикъ, только что прошлой осенью соскочившій с училищной скамьи онъ, по мнѣнію солидныхъ и пожилыхъ судовыхъ лейтенантовъ, былъ еще «совсѣмъ зеленый» или иначе: «желторотый фендрикъ у котораго еще молоко на губахъ не обсохло». Украшенные окладистыми бородами

старшіе его коллеги часто говорили ему: «Васъ, мичмановъ, долго и сильно драть надо, прежде чѣмъ изъ васъ какой нибудь толкъ выйдетъ».

Но Петя не вполнѣ съ этимъ соглашался и при случаѣ съ гордостію заявлялъ, что ему — «уже третій десятокъ лѣтъ идетъ». Значитъ — человѣкъ въ лѣтахъ.

Команда на броненосцѣ была построена повахтенно на верхней палубѣ и выравнена въ нитку. Офицеры — въ треуголкахъ и мундирахъ, старыхъ традиціонныхъ морскихъ мундирахъ, простыхъ по покрою, но изящныхъ по виду, двухбортныхъ, въ которыхъ золотое шитье въ видѣ якорей на воротникахъ и обшлагахъ такъ гармонировало съ черными фономъ мундирнаго сукна. Въ девятисотыхъ годахъ, послѣ японской войны, эти мундиры были почти совсѣмъ упразднены: такъ рѣдко ихъ стали одѣвать.

Петя Околицынъ и его однокашникъ по корпусу Семеновъ, какъ самые младшіе мичмана на суднѣ, были назначены фалрепными. Обязанность фалрепнаго: стоять на нижней площадкѣ наружнаго трапа и подавая въ руки прибывающаго на судно лица высокаго чина пеньковый, обтянутый цвѣтнымъ сукномъ «фалрепъ» помочь ему выйти изъ шлюпки и вступить на трапъ. Офицеры назначаются фалрепными только для монарховъ, какъ особая почесть. Конечно, такая же почесть оказывается и Императрицѣ.

На сосѣднемъ кораблѣ раздалось громкое непрекращающееся «ура». Государь отбываетъ съ него и направляется на броненосецъ. Команда «Свистать фалрепныхъ». Раздался звукъ боцманской дудки, Петя и Сергѣевъ быстро сбѣжали внизъ по трапу.

Петя, стоя у края нижней площадки, у самой воды, взялъ въ руки фалрепъ и замеръ въ неподвижной позѣ. Къ трапу подходилъ паровой катеръ съ «Полярной Звѣзды» блестя полировкой краснаго дерева. Мѣдная труба его горитъ какъ золото. Катеръ — ближе. На носу его видны два рослыхъ и бравыхъ матроса Гвардейскаго экипажа с крючками въ рукахъ.

На рулѣ катера сѣдой вице адмиралъ, съ генералъ адьютантскими аксельбантами, флагъ капитанъ Его Величества. На немъ лежитъ отвѣтственность за безопасность Монарха, во время Его пребыванія на флотѣ. Въ то же время онъ является, когда Государь подъ штандартомъ командуетъ Своимъ флотомъ, начальникомъ штаба Августѣйшаго Адмирала.

На кормовомъ сидѣньи въ центрѣ Императрица Марія Феодоровна. Государыня кажется совсѣмъ миніатюрной сидя между такими Великанами какъ Ея супругъ и Его братъ Генералъ Адмиралъ Алексѣй Александровичъ. Оба Брата во флотскихъ сюртукахъ съ кортиками.

На всю жизнь въ памяти Пети яркимъ остал-

ся этотъ моментъ. Въ первый разъ въ жизни онъ такъ близко увидѣлъ Того, кто повелѣваетъ шестой частью вселенной и могъ непосредственно слышать Его голосъ. Раньше онъ правда, видѣлъ Государя на площади Зимняго дворца во время Зимнихъ парадовъ, но тогда впечатлѣніе было слишкомъ мимолетное: Государь здоровался и не останавливаясь проѣзжалъ дальше.

Петя услышалъ, какъ у самаго трапа В. Кн. Алексѣй сказалъ своему Брату по французски: «Я надѣюсь, что мы все успѣемъ сдѣлать до завтрака, но надо поторапливаться. Я ужь далъ знать, что мы къ 3-мъ часамъ вернемся». У Пети промелькнула мысль: «И самодержавнымъ монархамъ не всегда удается свободно располагать своимъ временемъ».

Петѣ всегда казалось, что Государь въ разговорѣ долженъ все говорить не какъ простые смертные, а въ какомъ то повелительномъ, Ему одному свойственномъ тонѣ. Но катеръ еще не дошелъ до трапа, какъ Государь, видя, что двое юношей офицеровъ стоятъ на площадкѣ, вытянувшись въ струнку въ указанной уставомъ позѣ, съ фалрепами въ рукахъ, добродушно улыбнулся и какъ то особенно просто, неоффиціально, обратившись къ мичманамъ сказалъ:

«Господа, помогите Императрицѣ выйти».

Одинъ мигъ и молодые люди были внизу у самаго катера. Они осторожно помогли Ея Величе-

ству подняться на тѣ три ступеньки, которыя ведутъ на площадку.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но никогда не изгладился изъ памяти Пети тотъ моментъ, когда покойная Императрица, ставъ на площадку, поблагодарила самымъ милостивымъ образомъ въ отдѣльности каждаго изъ двухъ офицеровъ, никогда не могъ изгладиться из ихъ памяти.

Никакіе портреты, никакія фотографіи не могутъ передать того впечатлѣнія, которое производила покойная Государыня. Ея улыбка, выраженіе Ея глазъ, весь Ея Образъ — все это было какъ бы олицетвореніемъ сердечной доброты и трогательнаго вниманія къ окружающимъ. Императрица была тогда во цвѣтѣ лѣтъ. Она не обладала такой классической красотой, какъ Ея старшая сестра, королева Англійская Александра, но въ Ней было рѣдкостное, счастливое, сочетаніе обаятельной наружности съ высокой красотой внутренней.

Государь сталъ обходить фронтъ офицеровъ. Мичмана-фалрепные быстро заняли свое мѣсто въ строю. Командиръ броненосца называлъ фамиліи каждаго и Государь, подавая офицеру руку, внимательно вглядывался въ лицо и сразу же безошибочно узнавалъ тѣхъ, кто Ему былъ представленъ раньше. «Вы, мнѣ помнится, на Джигитѣ въ прошломъ году были» сказалъ Онъ лейтенанту, вахтенному начальнику, который на этомъ

клиперѣ сдѣлалъ трехъ лѣтнее плаваніе. «Это вашъ братъ Гродненскій гусаръ»,—спросилъ Онъ одного изъ мичмановъ. «Я его недавно видѣлъ» добавилъ Государь «И былъ очень радъ за него: онъ прекрасно академію кончилъ».

Императрица также обходила фронтъ офицеровъ, милостиво здороваясь со всѣми, Она также обладала прекрасной памятью на лица и легко узнавала тѣхъ, кого раньше видѣла. Офицеры цѣловали Ей руку.

Начался обходъ команды. У Государя время строго на учетѣ: всюду, гдѣ Его ожидаютъ, Онъ прибываетъ именно въ тотъ моментъ, какой заранѣе былъ Имъ назначенъ. Но Онъ все таки находитъ время и разспросить боцмана о его медали «За спасеніе погибающихъ» и спросить какого то очень молодого матроса: какой онъ губерніи, грамотный ли онъ, живы ли родители и пишетъ ли онъ имъ.

«Броненосецъ къ осмотру».

Всѣ разбѣжались по своимъ мѣстамъ завѣдыванія частями корабля. Государь сталъ обходить палубы броненосца, внимательно все осматривая и всѣмъ интересуясь. Объясненія Ему давалъ Его братъ Генералъ Адмиралъ. Когда Великій Князь затруднялся отвѣтить на вопросъ, онъ взглядывалъ на командира броненосца, тотъ выступалъ впередъ и докладывалъ.

Петя стоялъ въ Батарейной палубѣ около

плутонга изъ 2-хъ шести-дюймовыхъ орудій, которымъ онъ командовалъ. Онъ чувствовалъ какъ сильно забилось его сердце, когда Государь со свитой подошелъ къ его пушкамъ. Сейчасъ Онъ въ нѣсколькихъ шагахъ и Петя можетъ слышать каждое Его слово.

«Очень хорошо что траверзы между орудіями здѣсь солиднѣе сдѣланы чѣмъ на Александрѣ» сказалъ Государь. Петю поразили эти слова: самъ онъ уже два мѣсяца отбывалъ артиллерійскія ученья около своихъ пушекъ и никогда мысль о толщинѣ траверзовъ не приходила ему въ голову. «Вонъ Онъ какой — Государь нашъ,» — подумалъ онъ.

Государь прошелъ дальше, батарейная палуба опустѣла. Въ мичманскую Петину голову пришла тутъ такая мысль «Сейчасъ всѣ взоры направлены на Государя. Если я контрабандой уйду отъ своихъ пушекъ и присоединюсь къ Его свитѣ — никто меня не хватится. А между тѣмъ тогда я не упущу этотъ, быть можетъ единственный въ жизни, случай быть вблизи Государя и слышать, что Онъ говоритъ.

Зная, что судовому начальству сейчасъ не до него, Петя быстро догналъ группу лицъ, шедшихъ за Государемъ. Вотъ о чемъ думалось ему въ то время, когда онъ въ качествѣ свободнаго зрителя слѣдовалъ за Монархомъ величайшей въ мірѣ державы въ Его пути по кораблю:

«Какой красавецъ нашъ Алексѣй (Вел. Князь

Генералъ Адмиралъ). Какой онъ стройный при такомъ высокомъ ростѣ. Какъ онъ спокойно и увѣренно себя держитъ — прирожденный баринъ. Какъ онъ почтительно докладываетъ Государю, а вѣдь это его родной Братъ».

«Какой богатырь Государь. Какъ Онъ похожъ на Алексѣя, но тотъ изящный, а Государь-крѣпкій и могучій. Посмотрѣвъ на Него сразу видишь, что и вправду Онъ руками можетъ мѣдные пятаки и желѣзныя подковы гнуть.

«Зачѣмъ Государь говоритъ нам «Вы. Его Отецъ всѣмъ» «Ты» говорилъ и дѣдъ тоже. Зачѣмъ Онъ такой добрый. Развѣ можно съ нами и со всѣми кто есть въ Россіи быть такимъ добрымъ. Николая I, говорятъ, трепетали, Александра II-побаивались. Онъ иногда бывалъ грозенъ. А сейчасъ я иду за Царемъ въ нѣсколькихъ шагахъ и сознаю, что у меня къ Нему чувство любви, преданности, готовности все, буквально все сдѣлать, что бы Онъ ни потребовалъ, а страху къ Нему нѣтъ. Хорошо ли это».

Разсуждая такимъ образомъ Петя незамѣтно самъ для себя все ближе и ближе продвигался къ Государю, постепенно обгоняя одного за другимъ шедшихъ за Нимъ лицъ. Взоры всѣхъ были направлены на Государя. Выраженіе лица Александра III было серьезно, но иногда, когда Онъ обращался къ В. Князю, легкая улыбка скрашивала Его лицо и въ Его глазахъ пробѣгала искорка юмора. Чувствовалось, что Онъ очень наблю-

дателенъ и что въ Своей интимной средѣ Онъ не прочь и пошутить и посмѣяться.

Петѣ, когда въ этотъ день онъ шелъ за широкой спиной Государя, казалось, что могучая грудь этого Исполина вѣчно будетъ щитомъ для нашей необъятной родины противъ всѣхъ невзгодъ. Глядя на такого Богатыря, полнаго силъ и здоровья, мысль о Его близкой (черезъ два съ небольшимъ года) кончинѣ, никакъ не могла прійти Петѣ въ голову.

Флагъ капитану подали какую то телеграмму. Онъ, продолжая идти за Государемъ, прочиталъ вслухъ адресъ на ней: «Николаю Александровичу» и почти не оборачиваясь протянулъ руку съ телеграммой, видимо желая вручить депешу кому то идущему позади. «Это вамъ» сказалъ онъ.

Очень молодой капитанъ 2 ранга въ сюртукѣ гвардейскаго экипажа скромно державшійся гдѣ то сзади, откликнулся на этотъ зовъ. За минуту передъ тѣмъ Петя, пробираясь въ первые ряды и смотря исключительно на Государя, а не на своихъ сосѣдей, оттѣснилъ этого офицера, не замѣтивъ двухъ полосокъ на его погонахъ и сочтя, что это кто то изъ молодежи, его сверстниковъ.

Сейчасъ Петя оглянулся и мгновенно «смылся», «исчезъ,» «испарился». Тутъ только онъ понялъ, что, вдвигаясь въ первые ряды, онъ своимъ локтемъ оттеръ отъ Государя ни больше, ни меньше, какъ Наслѣдника престола.

Великій князь сдѣлалъ шагъ впередъ и съ легкимъ поклономъ взялъ телеграмму, поблагодаривъ флагъ капитана. Старикъ адмиралъ лишь слегка головой кивнулъ, занятый Государемъ. Онъ былъ очень близокъ съ Наслѣдникомъ. Забота о молодомъ Николаѣ Александровичѣ была возложена на адмирала Родителями Наслѣдника, когда тотъ дѣлалъ свое памятное плаваніе на «Памяти Азова» на Дальній Востокъ въ 1890 году.

Спустились въ каютъ компанію. Императрица, разсматривая фотографіи на стѣнахъ, отошла немного въ сторону. Видимо Она устала и хотѣла сѣсть. На бѣду стулья на броненосцѣ были устроены по новой (въ тѣ времена) системѣ. Они были закрѣплены вокругъ стола, причемъ каждый изъ нихъ вращался не вертикальной оси. Чтобы сѣсть надо было сначала повернуть тяжелый стулъ спинкой къ столу и сидѣньемъ къ себѣ. Императрица остановилась въ недоумѣніи.

Государь и всѣ офицеры были въ этотъ моментъ въ противуположномъ концѣ каютъ компаніи и около Государыни оказался въ единственномъ числѣ минный офицеръ броненосца Александръ Семеновичъ Сергѣевъ, милѣйшій и добродушнѣйшій курскій помѣщикъ, общій любимецъ какъ офицеровъ, такъ и команды, преданный Царю служака. Государь и Императрица прямо обоготворялись имъ и представлялись ему какъ бы особо отъ прочихъ смертныхъ создан-

ными, высшими существами. Въ каютъ компаніи въ просторѣчіи, всѣ звали его «Семеныч».

Семенычъ не обладалъ, однако, находчивостью придворнаго. Неизвѣстно какія чувства охватили его, когда судьба неожиданно поставила его лицомъ къ лицу съ Императрицей, но отъ страха или волненія онъ замеръ и продолжалъ стоять, вытянувшись, какъ во фронтѣ «провожая глазами» Государыню.

Марія Федоровна, не зная что дѣлать съ неудобнымъ стуломъ, безпомощно оглянулась кругомъ, а Семенычъ все стоитъ на вытяжку въ трехъ шагахъ отъ Императрицы, глядитъ на Нее во всѣ глаза и напряженно молчитъ. Лишь его правая рука, какъ бы непроизвольно, дѣлáетъ какое то неувѣренное кольцеобразное движеніе. Приглядѣвшись можно было догадаться, что онъ крутитъ указательнымъ пальцемъ, давая понять, что стулъ надо повернуть на оси.

Государыня поняла, улыбнулась, Сама, съ нѣкоторымъ усиліемъ повернула тяжелый стулъ и сѣла.

— Какъ же вы, Семенычъ, не догадались сами стулъ Ей повернуть, а вмѣсто того стали пальцемъ Ей сигналы дѣлать — спрашивали его потомъ.

— Самъ не знаю какъ это вышло... Когда я увидѣлъ Государыню противъ себя, я такъ взволновался, что совсѣмъ остолбенѣлъ. Что я дѣлалъ и какъ, я и самъ не помню.

Злоключенія Семеныча, однако, этимъ не кончились. Императрица, видя, что онъ находится въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, по свойственной Ей добротѣ, захотѣла его ободрить. Она увидѣла, что онъ стоитъ около пьянино, поэтому, вполнѣ естественно, Она избрала темой разговора съ Семенычемъ — музыку.

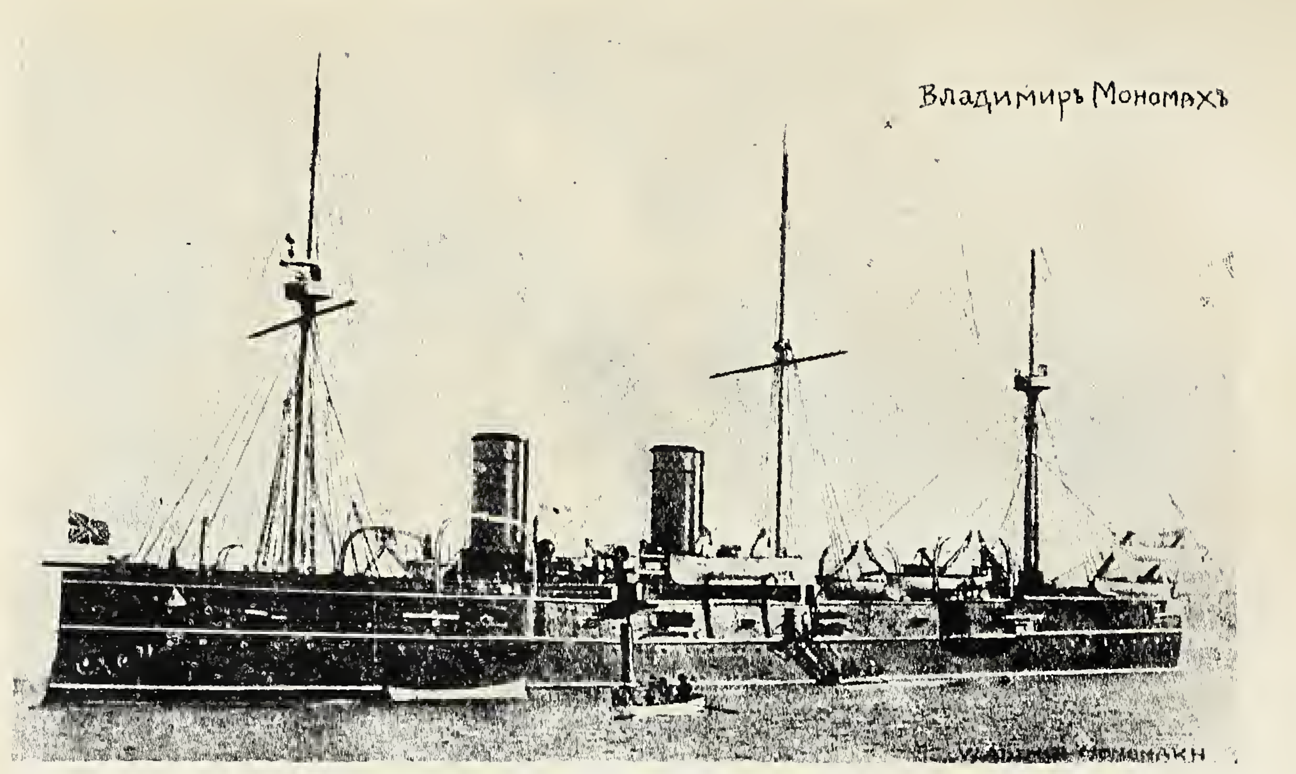
— Вы играете на рояли

— Такъ точно В. И. В-во—рявкнулъ Семенычъ и окончательно обомлѣлъ. Ему пришла въ голову мысль «Вдругъ Она скажетъ: сыграйте мнѣ что нибудь, а я вѣдь даже Чижика однимъ пальцемъ играть не умѣю».

По счастью Императрица не заставила его проявлять свое искусство.

Тотъ же самый Семенычъ, который растерялся и обомлѣлъ, когда оказался глазъ на глазъ съ Императицей, черезъ нѣсколько лѣтъ, командуя миноносцемъ во время войны съ Японіей, проявилъ высшую степень геройства и самоотверженія, когда оказался окруженнымъ непріятелемъ во много разъ превышающимъ его въ силахъ. Самъ онъ былъ убитъ, отказавшись спустить флагъ. Миноносецъ его былъ пущенъ ко дну двумя людьми изъ его команды, которые заперлись внутри машиннаго отдѣленія въ тотъ моментъ когда побѣдители японцы входили на палубу, считая русскій миноносецъ своимъ призомъ. Герои эти погибли вмѣстѣ со своимъ кораблемъ. Впослѣдствіи въ Петербургѣ на Каменно

островскомъ проспектѣ былъ воздвигнутъ памятникъ въ ознаменованіе этого событія, а именемъ храбраго командира былъ окрещенъ новый миноносецъ русскаго флота «Лейтенантъ Сергѣевъ».

Крейсеръ Владимиръ Мономахъ.

На „Владиміръ Мономахъ".

Крейсеръ «Владиміръ Мономахъ» входилъ на Гонконгскій рейдъ. На переходѣ изъ Нагасаки его изрядно потрепало, какъ это и полагается во время зимняго муссона. Въ сѣверной части Китайскаго моря была снѣжная пурга. Было холодно, сыро и непріятно.

Гонконгъ встрѣтилъ пришельцевъ ясной погодой. Солнышко, выглянувши изъ за тучъ ярко освѣтило много разъ омытые соленой океанской волной борта крейсера.

На бакѣ готовились къ постановкѣ на якорь. Комендоры возились около громоздкихъ цѣпныхъ канатовъ, а боцманъ, осматривая наружный бортъ съ полубака уже неоднократно помянулъ въ полголоса чьихъ то родителей. Боцманское сердце кровью обливалось при видѣ тѣхъ потековъ ржавчины, на безукоризненномъ ранѣе борту, которыми наградилъ крейсеръ за послѣдній переходъ сердитый дѣдушка - океанъ.

Жизнерадостный щуплый блондинчикъ мичманъ баронъ Грауденцъ съ розовымъ, еще дѣтскимъ, лицомъ, полный того оживленія, которое даетъ человѣку ранняя молодость и любимое, близкое сердцу дѣло, хлопоталъ около главнаго компаса. Баронъ былъ младшимъ штурманомъ.

Командиръ крейсера — «Зиновей» (съ удареніемъ на Ей) какъ обычно называли подчиненные капитана I ранга Зиновія Петровича Рожественскаго, стоялъ у поручней передняго мостика. Выше средняго роста, видный, представительный съ небольшой черной подстриженной бородкой, въ которую начала уже прокрадываться сѣдина, онъ выглядѣлъ очень серьезнымъ, даже, пожалуй мрачнымъ, замкнутымъ въ себѣ и смотрѣвшимъ исподлобья на все окружающее.

Грудь его была украшена бѣлымъ крестикомъ на черно-оранжевой лентѣ. Онъ былъ герой «Весты» небольшого коммерческаго парохода, наспѣхъ вооруженнаго нѣсколькими пушками въ 1877 году. «Веста» у турецкихъ береговъ нарвалась на вражескій броненосецъ, но удачно отбилась, нанеся своему страшному противнику даже нѣкоторый уронъ.

Впослѣдствіи судьба уготовила Рожественскому тяжелое испытаніе. Небывалый въ исторіи походъ броненосной эскадры изъ портовъ Балтики до береговъ Японіи при условіяхъ военнаго времени и невозможности поэтому пользоваться услугами попутныхъ портовъ привлекъ къ Рожественскому вниманіе всего міра. Командуя этой эскадрой онъ былъ тяжело раненъ въ Цусимскомъ бою и находясь въ безсознательномъ состояніи сданъ чинами его штаба въ плѣнъ къ японцамъ.

Кончина Зиновія Петровича, бывшаго послѣ

Японской войны въ отставкѣ прошла въ свое время почти незамѣченной въ Россіи. Какъ это ни покажется страннымъ, англійская пресса зато отозвалась тогда рядомъ статей въ которыхъ Рожественскій назывался «Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ флотоводцевъ въ исторіи флотовъ». Потеря Цусимскаго сраженія не ставилась ими въ вину адміралу. Указывалось что все предпріятіе съ походомъ эскадры на Дальній Востокъ было заранѣе осуждено на неудачу при существовавшемъ тогда соотношеніи силъ противниковъ и сложившихся условіяхъ.

Когда крейсеръ «Алмазъ» и два миноносца, пройдя горнило Цусимскаго боя, прорвались во Владивостокъ, то офицеры ихъ, не зная еще о полной гибели нашей эскадры, говорили «Былъ бы только живъ и невредимъ Рожественскій. Онъ и съ остатками нашей эскадры справится съ японцами: тѣ вѣдь тоже пострадали». Такова была вѣра въ адмирала на его эскадрѣ.

Зиновей взялъ бинокль и нѣсколько времени пристально вглядывался въ бѣгущую навстрѣчу крейсеру красивую панораму высокихъ скалистыхъ береговъ, покрытыхъ кое гдѣ на крутыхъ склонахъ полутропической густой зеленью. Высокая фигура Рожественскаго какъ бы доминировала на мостикѣ, хотя онъ почему то имѣлъ привычку слегка «сутулиться» и опускать голову. Онъ

считался во флотѣ знатокомъ Англіи и ея заморскихъ владѣній, въ частности: знатокомъ тѣхъ военныхъ устройствъ, посредствомъ которыхъ островная держава властвовала опираясь на свой флотъ, въ самыхъ отдаленныхъ отъ метрополіи частяхъ земного шара. До командованія «Мономахомъ» онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Лондонѣ, въ качествѣ военно морского агента и лично зналъ тѣхъ людей, которые вѣдали военнымъ и морскимъ дѣломъ Великобританіи.

Онъ довольно долго вглядывался въ черту берега, какъ бы что то отыскивая. Затѣмъ, видимо, найдя то, что онъ искалъ, Рожественскій обратился къ Грауденцу который случайно въ этотъ моментъ оказался поблизости.

«Посмотрите, баронъ» сказалъ онъ, передавая младшему штурману бинокль, — «Вы видите этотъ небольшой холмикъ ниже ярко бѣлаго домика на полугорѣ. Вглядитесь внимательно... Вы тогда замѣтите едва видную горизонтальную линію гласиса, а выше его пять хорошо замаскированныхъ траверзовъ. Шесть большихъ орудій должно быть на этомъ форту. Когда я былъ агентомъ в Лондонѣ у меня были свѣденія, что эту батарею, одну изъ самыхъ важныхъ для обороны Гонконга англичане перевооружили, но, какія они тамъ пушки поставили, такъ и осталось для насъ вопросомъ. Вѣрнѣе всего, что длинныя 9, 2 дюймовыя, но возможно что и 12 дюймовыя, а это большая разница». —

«А нельзя ли намъ съ берега потомъ постараться увидѣть эти пушки» сказалъ Грауденцъ. «Вѣдь выше ихъ какіе то дома, вѣроятно есть проѣзжая дорога, куда и мы можемъ проникнуть»...

«Ну, нѣтъ, батенька, это вы и не пытайтесь. Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Японіи, нѣтъ такой серьезной и безустанной охраны подходовъ къ фортамъ, какъ у англичанъ. Приблизившись вы непремѣнно наткнетесь или на стѣну или на ограду и вездѣ часовые. Если вы рискнете и подойдете къ запретной зонѣ васъ непремѣнно арестуютъ и подъ судъ можете попасть. Будутъ большія непріятности и для васъ и для крейсера». —

Грауденцъ тѣмъ не менѣе постарался отмѣтить въ своей записной книжкѣ окружающіе батарею предметы, набросавъ на скорую руку кроки съ указанімъ мѣстъ орудій.

Въ это время въ каютъ компаніи офицерство собралось, чтобы на скорую руку выпить стаканъ чаю передъ тѣмъ, какъ всѣхъ вызовутъ наверхъ на авралъ: становиться на якорь.

Мономаховскій старожилъ лейтенантъ Гедиминовъ, дѣлавшій на крейсерѣ уже второе дальнее плаваніе и бывшій знатокомъ Дальняго Востока, собралъ вокругъ себя кружокъ молодежи, которой онъ разсказывалъ объ особенностяхъ Гонконга.

— «Насъ англичане вообще недолюбливаютъ» говорилъ онъ — «а здѣсь, въ Гонконгѣ, эта не-

любовь почему то особенно рѣзко всегда высказывалась. Стояли мы здѣсь на «Мономахѣ» въ прошлое плаваніе, лѣтъ семь тому назадъ, когда онъ назывался еще «полуброненоснымъ фрегатомъ» и имѣлъ полное парусное вооруженіе.

Пока мы стояли, мѣстныя газеты старались насъ какъ можно громче облаять: и команда то у насъ безобразно себя ведетъ на берегу, и оборванцы то наши матросы и все прочее въ такомъ же родѣ... Между тѣмъ люди наши одѣты были всегда безукоризненно, а вели они себя на берегу прямо идеально, если сравнить ихъ съ постоянно пьяными англійскими «блю джекетами».

Простояли мы тутъ недѣли двѣ — три и ушли въ Сингапуръ. Слѣдомъ за нами туда прибыли Гонконгскія газеты, вышедшія на другой день послѣ нашего ухода. Напечатано въ нихъ было примѣрно слѣдующее:

— «Русскій военный корабль, представитель того государства, въ которомъ главную роль играетъ кнутъ и произволъ властей, не дождался даже того момента, когда онъ покинетъ территоріальныя воды Гонконга». —

Фрегатъ находился еще на нашемъ рейдѣ, когда какая то несчастная жертва звѣрства и варварства московитовъ была подвергнута ужасной безчеловѣчной казни. Какъ только «Мономахъ» далъ ходъ, снявшись съ якоря, на нокѣ (концѣ) его рея былъ повѣшенъ человѣкъ. Толпы зри-

телей на берегу съ ужасомъ и негодованіемъ взирали на эту возмутительную сцену и т. д. и т. д.». —

Прочитавъ такой разсказъ стали мы думать и гадать: откуда все сіе. Всѣмъ намъ было хорошо извѣстно, что послѣдній разъ, когда людей вѣшали на нокахъ рей — это было именно въ Англіи во времена Нельсона, послѣ подавленія знаменитаго Норскаго морского бунта. Въ нашемъ флотѣ мы о такихъ и не слыхивали.

Дальше — еще лучше. Въ ту пору штатнаго Русскаго консульства въ Гонконгѣ еще не было. Имѣлся т. наз. «Почетный» вице консулъ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ нѣмецкой или голландской національности.

Консулъ этотъ рѣшилъ, что онъ долженъ какъ то реагировать на статьи о «Мономахѣ». Думалъ онъ думалъ да и послалъ письмо въ редакцію, оффиціально на бланкѣ консульства:

Русскій де фрегатъ никакого человѣка на нокѣ рея не вѣшалъ. Но русскіе, народъ очень благочестивый и богомольный, и они въ свою Страстную пятницу (это въ январѣ то) имѣютъ обычай вѣшать на нокахъ рея чучелу Іуды. Несомнѣнно выполненіе такого религіознаго обряда и ввело въ невольное заблужденіе сотрудника вашей уважаемой газеты. Примите и пр. Подпись: Россійскій вице консулъ такой то.

Показали эти статьи нашему командиру. Тотъ только сказалъ: «Будь у насъ сейчасъ война съ

Англіей, съ какимъ бы удовольствіемъ я послалъ залпъ всѣмъ бортомъ въ этотъ поганый Гонконгъ». —

Крейсеръ сталъ на якорь. Произведены были обычные салюты, сдѣланы оффиціальные визиты. Зиновей вернулся съ берега, побывавъ у губернатора и сказалъ старшему офицеру:

«Можно уволить очередное отдѣленіе команды на берегъ. Только, пожалуйста, предупредите людей, что здѣсь насъ русскихъ очень не любятъ и поэтому вести они себя должны особенно примѣрно. Тутъ всякое лыко въ строку готовы намъ поставить».

Собрались на берегъ и офицеры. На паровой катеръ сѣли два «желторотыхъ» мичмана: Грауденцъ и его однокашникъ по выпуску Благово, такой же веселый и жизнерадостный, какъ и баронъ. Онъ былъ изъ «дипломатической» семьи и поэтому какъ то особенно легко и свободно справлялся съ иностранными языками.

Съ ними за кампанію отправился и старшій артиллеристъ Гедиминовъ по каютъ компанейскому прозванью «Дѣдъ», а также молодой трюмный механикъ Никифоровъ, котораго всѣ звали «Саша». Послѣдній былъ страстнымъ фотографомъ-любителемъ. Всегда въ рукахъ его былъ заряженный кодакъ.

Въ тѣ времена весь свѣтскій Гонконгъ часовъ около 4-хъ дня выѣзжалъ въ кэбахъ и колясках

на большую, густо обсаженную развѣсистыми деревьями аллею, которая, начинаясь въ самомъ городѣ, шла дугою мимо роскошныхъ виллъ — особняковъ, а дальше огибала одну изъ достопримѣчательностей острова: европейское кладбище, имѣющее видъ цвѣтника или пальмаріума.

Отсюда былъ какъ на ладони виденъ весь рейдъ. Съ другой стороны дороги громоздились горные склоны, покрытые внизу густыми порослями и перерѣзанные во многихъ мѣстахъ прихотливо вьющимися дорожками. Наши офицеры невольно залюбовались этой картиной. Во всемъ была видна рука владѣльцевъ острова, англичанъ, обратившихъ кусокъ голаго безводнаго камня, какимъ былъ Гонконгъ до ихъ прихода, въ культурный и благоустроенный центръ.

Экипажей на аллеѣ было много. Автомобилей, подымающихъ пыль и отравляющихъ воздухъ, тогда еще не было. Чинно и безшумно катились одна за другой коляски съ представителями и представительницами мѣстнаго «бомонда», когда наши офицеры вышли на аллею.

«Посмотри, барончикъ, право же это наши знакомыя американки Бетти и Джэнъ изъ Іокогамскаго «Нумберъ Найнъ» — сказалъ Благово, съ изумленіемъ смотря на одну изъ колясокъ.

Знакомство съ этими молодыми особами было, впрочемъ, такого рода, что обнаруживать его при публикѣ было не совсѣмъ удобно. Но американки, одѣтыя очень просто и со вкусомъ во

все темное, играли очень искуссно роль хорошо воспитанныхъ барышень изъ общества. Онѣ сидѣли около патронирующей ихъ пожилой дамы и, что называется, «глазъ не подымали» на прохожихъ.

Эта и тому подобныя встрѣчи заставили нашихъ офицеровъ задержаться на аллеѣ. Они незамѣтно отошли довольно далеко отъ города и уже собирались взять коляску и ѣхать обѣдать въ «Гонконгъ отель» какъ вдругъ вниманіе Грауденца было привлечно видомъ бѣлаго зданія, которое ему мелькомъ показалъ командиръ, когда они входили на рейдъ.

«Подождите» — сказалъ онъ — «Мы совсѣмъ недалеко отъ очень интереснаго мѣста. Мнѣ кажется, если мы свернемъ въ эту боковую аллею и дойдемъ по тропинкѣ до коттеджа, саженяхъ въ сорока отсюда, мы сможемъ увидѣть съ горжи ту батарею, которой такъ интересуется Зиновей, и окажемся въ состояніи сказать ему: какого калибра пушки на ней». —

Гедиминовъ, какъ человѣкъ болѣе пожилой и положительный, согласившись съ тѣмъ, что повидать пушки было конечно очень интересно, все таки добавилъ:

«А не выйдетъ ли непріятностей изъ всего этого. Вдругъ какъ тутъ запретная зона на этой аллейкѣ».

Но молодежь, не безъ нѣкотораго основанія, ему возразила: «Будь тутъ запретная зона — были

бы часовые и заборы. А тутъ нѣтъ ни того ни другого». —

Боковая аллейка была не длинная. Наши изслѣдователи (всѣ они были въ штатскомъ платьѣ) не торопясь прошли по ней и уже подходили къ коттеджу, какъ вдругъ кто то громкимъ и сердитымъ голосомъ крикнулъ имъ по англійски «Стой». —

Къ нимъ подходилъ быстрымъ шагомъ одѣтый въ мундиръ ярко алаго цвѣта сержантъ британской арміи, точно изъ подъ земли выросшій, а со стороны коттеджа въ то же время показались три рослыхъ смуглыхъ сикха въ чалмахъ и съ винтовками въ рукахъ.

«Битва русскихъ съ кабардинцами» — сказалъ Благово, но остальные даже не улыбнулись на его шутку.

— «Отдайте мнѣ вашъ аппаратъ» — сказалъ Никифорову сержантъ. Нечего дѣлать — съ кодакомъ пришлось разстаться: сила была на сторонѣ англичанъ.

Благово и Грауденцъ съ негодованіемъ потребовали отъ сержанта объясненія причины такого нападенія на нихъ вооруженной силой. Сержантъ въ отвѣтъ сначала рявкнулъ что то вродѣ: «Не разговаривать», — но потомъ показалъ на небольшую дощечку, укрѣпленную на столбикѣ въ началѣ боковой аллеи. Дощечка была настолько мало замѣтна, что наши офицеры, проходя мимо нея не обратили на нее вниманія.

На ней значилось «Крѣпостная запретная зона. За нарушеніе правилъ о зонѣ: кары по такимъ то статьямъ законовъ».

Въ Гонконгскомъ домѣ предварительнаго заключенія, куда попали наши друзья послѣ того какъ ихъ тщательно обыскали въ караульномъ помѣщеніи, они были водворены въ крохотную камеру въ нѣсколько шаговъ длиной, отгороженную отъ общаго корридора желѣзной рѣшеткой. Мебели не было, только пуки грязной соломы на полу. Было холодно, откуда то дуло, а изъ за рѣшетки камеры, расположенной напротивъ, виднѣлись нагло улыбающіяся рожи уголовныхъ преступниковъ, китайцевъ или малайцевъ съ интересомъ и удовольствіемъ разсматривавшихъ четверыхъ европейцевъ, попавшихъ въ каталажку.

«Непріятно то, что они у меня отобрали мою записную книжку, а въ ней, какъ на грѣхъ, есть эскизъ этого злополучнаго форта, который я набросалъ когда мы входили на рейдъ» — сказалъ Грауденцъ.

— «А у васъ, Саша, какъ дѣла съ вашимъ кодакомъ» — спросилъ онъ Никифорова — «Что они тамъ на фильмахъ могутъ найти». —

— «Ничего особеннаго: самые обыкновенные уличные виды. Въ самый послѣдній моментъ, когда я увидалъ, что этотъ красный омаръ къ намъ бѣжитъ, я сразу же сообразилъ, что онъ

аппаратъ у меня отыметъ и на скорую руку прощелкнулъ всѣ оставшіяся фильмы, наведя кодакъ на крыльцо коттеджа и на цвѣточныя клумбы... Нельзя было аппарата отдавать съ неснятыми фильмами. Англичане могли бы тогда нарочно снять на нихъ что нибудь чтобы насъ скомпрометировать». —

Извѣстіе о томъ, что наши четыре офицера арестованы по подозрѣнію въ шпіонажѣ и посажены въ тюрьму, холодную и неотапливаемую, гдѣ содержаться обычно только китайцы, достигло въ этотъ же вечеръ какъ русскаго консула, такъ и Зиновея.

Арестованнымъ удалось получить связь съ консуломъ не сразу. Пришлось порядкомъ пошумѣть и поскандалить. Зато сразу же, какъ только Зиновей, одѣвъ эполеты, повидалъ военнаго губернатора и чѣмъ то ему пригрозилъ, условія содержанія узниковъ радикально измѣнились. Ихъ перевели въ теплую свѣтлую комнату, прилично обставленную. Появились наши матросы вѣстовые съ постельными вещами, папиросами и обѣденными судками, а еще черезъ часъ пришелъ къ арестованнымъ нанятый Зиновеемъ опытный юристъ - защитникъ, англичанинъ.

Утромъ Зиновей еще разъ поѣхалъ къ англійскимъ властямъ и съ особымъ, ему одному свойственнымъ, умѣньемъ, поговорилъ съ ними. Проживши довольно долго въ Лондонѣ онъ хорошо зналъ, какія пружины тутъ слѣдовало нажать и

чѣмъ на мѣстныхъ сановниковъ можно было воздѣйствовать. Нашихъ узниковъ выпустили на честное слово, обязавъ ихъ явиться на судъ вечеромъ.

На суднѣ была большая радость, когда они прибыли. На время всѣ какъ будто забыли, что судебная процедура еще не кончена и что нашимъ офицерамъ продолжаетъ грозить тюрьма на много лѣтъ.

Въ то же время всѣхъ не мало удивило извѣстіе, что Зиновей рѣшилъ устроить свой отвѣтный оффиціальный пріемъ гонконгскихъ властей какъ разъ въ этотъ вечеръ и именно въ тотъ часъ, когда эти власти черезъ своихъ подчиненныхъ будутъ судить его офицеровъ.

Морской уставъ строго воспрещаетъ обсужденіе какихъ либо распоряженій начальства въ помѣщеніи каютъ компаніи, поэтому за общимъ столомъ въ этотъ день, вмѣсто обычнаго веселаго гула разговоровъ наблюдалось довольно угрюмое настроеніе. Всѣ были молчаливы и озабочены. Зато въ интимномъ разговорѣ въ каютѣ офицеры не стѣсняясь высказывали свое удивленіе и неодобреніе такому приглашенію англичанъ.

— «Неужели ему, самому не будетъ противно видѣть у себя въ гостяхъ этихъ господъ, которые безъ всякихъ основаній, по одному подозрѣнію, были способобы запереть русскихъ офицеровъ въ тюрьму, гдѣ содержатся обычно только китай-

скіе «ходи» — уголовные преступники. Международная вѣжливость, конечно, есть вещь весьма почтенная, но въ данный моментъ ею, казалось бы, лучше было и пренебречь». —

Наступилъ часъ отправки въ судъ. Вся каютъ компанія со стѣсненнымъ сердцемъ провожала сослуживцевъ. Всѣ, крѣпко пожимая имъ руки, горячо желали успѣха и удачи.

Передъ самымъ прибытіемъ англійскихъ властей на крейсеръ Зиновей позвалъ старшаго офицера и вполголоса отдалъ ему какое опредѣленное, категорическое, приказаніе.

«Старшой» сказалъ — «Слушаюсь» — взглянувъ при этомъ на командира широко раскрытыми отъ изумленія глазами....

На полуютѣ подъ тентомъ судовой оркестръ исполнялъ обѣденную программу музыки. Подъ звуки марша «Двуглавый Орелъ» гостепріимный хозяинъ Зиновей пригласилъ гостей к отдѣльному закусочному столу. Онъ былъ большой мастеръ въ дѣлѣ пріемовъ иностранцевъ, а вкусы англичанъ онъ зналъ въ совершенствѣ и на этотъ разъ щегольнулъ избраннымъ ассортиментомъ русскихъ рыбныхъ закусокъ, специально для этого случая сберегавшихся во льду. Такого рода деликатесы наши военныя суда обычно получали съ проходившихъ мимо пароходовъ Добровольнаго флота.

Под звуки увертюры изъ «Руслана и Людмилы» начался самый обѣдъ. Гости подъ вліяніемъ выпитыхъ ими нѣсколькихъ рюмокъ «Решіанъ водка» уже были достаточно веселы и оживлены. Зиновею было легко поддерживать за столомъ разговоръ на легкія общія темы. Само собой разумѣется и гости и хозяинъ избѣгали всякаго намека на печальный случай съ русскими офицерами.

Усадивъ около себя почетныхъ представителей власти Зиновей заранѣе поручилъ чиновъ ихъ свиты заботамъ судового старшаго штурмана и младшаго артиллериста. Оба были лингвистами въ достаточной мѣрѣ и сейчасъ, сидя на младшемъ концѣ стола старались преодолѣть въ себѣ чувство непріязни къ англичанам. Памятуя, что «Намъ всякій гость дается Богомъ» они вполнѣ удовлетворительно справлялись со своей обязанностью хозяевъ, невольно слѣдуя при этомъ примѣру командира.

Около половины восьмого, когда оркестръ исполнялъ вальсъ изъ «Спящей красавицы» и обѣдъ дошелъ уже до середины, флагъ офицеръ англійскаго адмирала, высокій сухощавый лейтенантъ, вдругъ почувствовалъ, что палуба подъ его ногами стала слегка встряхиваться. Какъ морской офицеръ онъ сразу понялъ, что «Мономахъ» даетъ пробные обороты своимъ машинамъ. Это дѣлается обычно передъ самой съемкой съ якоря. Его это нѣсколько удивило, ибо насколько ему

было извѣстно крейсеръ не предполагалъ въ этотъ день уходить въ море.

— «Что это значитъ» — спросилъ онъ своего сосѣда, штурмана — «Кажется у васъ машины проворачиваютъ. Развѣ вы собираетесь уходить въ море».

Штурмана самого удивило легкое потряхиванье кормы. Видимо было, что сначала одну машину опробовали, потомъ — другую. Онъ невольно подумалъ: — «Съ чего это чифъ (старшій механикъ) вдругъ машины вертѣть началъ въ неуказанное время». —

Но на вопросъ англичанина надо было что то отвѣтить и онъ вполнѣ увѣреннымъ тономъ сообщилъ: «Ахъ, это у насъ маленькая переборка была въ машинѣ и теперь ее пробуютъ поэтому». —

Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, громко заработала рулевая машинка, а затѣмъ опытное ухо англичанина моряка уловило стукъ парового шпиля. Отчетливо чувствовалось какъ одно за другимъ звенья якорнаго каната входятъ черезъ клюзъ внутрь крейсера. Было ясно видно, что подтягиваютъ якорный канатъ. Это дѣлается обычно за полчаса до съемки съ якоря.

Штурманъ, самъ, конечно, недоумѣвая что все означаетъ, объяснилъ англичанину — «у насъ, видите ли, паропроводъ вспомогательныхъ меха-

низмовъ только что перебирали и осматривали. Поэтому сейчасъ эти машины и пробуютъ» — Англичанинъ, повидимому, успокоился.

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ командирской каюты показался старшій офицеръ. Лицо его сіяло радостью и онъ, видимо, хотѣлъ лично доложить о чемъ то важномъ».

— «Вы простите меня, сэръ» — сказалъ Зиновей, вставая и обращаясь къ страшему изъ своихъ гостей, губернатору Гонконга — «Мой помощникъ хочетъ мнѣ что то сказать». —

Старшій офицеръ шепнулъ командиру, когда тотъ подошелъ къ нему: «Все благополучно. Офицеры вернулись, отдѣлались денежнымъ штрафомъ». —

— «Отлично... Въ такомъ случаѣ машины больше не нужны. Можно прекратить пары въ лишнихъ котлахъ и потравить якорный канатъ, какъ раньше было». —

———————

Засѣданіе суда состоялось. Всѣмъ нашимъ офицерамъ предъявлено было обвиненіе въ шпіонажѣ. Главной и въ сущности единственной уликой была записная книжка Грауденца со схемой форта.

Англійскій судъ сохранилъ въ себѣ много средне - вѣкового. Намъ, россіянамъ, воспитаннымъ на «Судебныхъ уставахъ Имп. Александра

2-го» такой судъ кажется очень напоминающимъ наши старые — дореформенные.

Тѣмъ не менѣе судъ далъ полную возможность адвокату англичанину представить всѣ данныя въ пользу обвиняемыхъ. Зиновей нанялъ очень знающаго, опытнаго, юриста и тотъ, путемъ ссылки на ранѣе состоявшіяся рѣшенія англійскихъ судовъ по подобнымъ же дѣламъ, доказалъ, что законъ не преслѣдуетъ иностранцевъ, если они зарисовываютъ какіе либо участки крѣпостной территоріи, дѣлая это съ палубы своихъ судовъ, какъ и было въ данномъ случаѣ.

Окончилось дѣло признаніемъ офицеровъ виновными только въ нарушеніи полицейскихъ правилъ, которыми воспрещаются прогулки въ раіонѣ батарей. Они были приговорены къ денежному штрафу: 30 или 40 гонконгскихъ долларовъ съ каждаго. Штрафъ былъ, конечно, сейчасъ же уплаченъ.

Гости англичане отбыли съ крейсера съ тѣми же почестями и съ той же церемоніей, какъ и при ихъ встрѣчѣ. И гонконгскій губернаторъ и генералъ, командующій войсками гарнизон и адмиралъ начальникъ эскадры въ китайскихъ водахъ, всѣ на прощанье крѣпко жали руку Зиновею и благодарили за прекрасно проведенный вечеръ.

Когда отвалила послѣдняя англійская шлюпка и фалрепныхъ отсвистали старшій офицеръ, стоявшій около Зиновея когда тотъ провожалъ гостей обратился къ нему со слѣдующимъ вопросомъ:

— «Зиновій Петровичъ. Могу я васъ спросить. Почему вы сегодня передъ пріѣздомъ къ намъ всей этой знатной публики приказали мнѣ имѣть пары въ котлахъ, и все въ готовности каждую минуту сняться съ якоря: прогрѣтую машину и до панера подтянутый якорный канатъ.» —

Зиновей повернулся къ своему помощнику и окинулъ его своимъ серьезнымъ задумчивымъ взглядомъ. Старшій офицеръ, глядя на высокую фигуру смотрящаго нѣсколько исподобья Рожественскаго, невольно подумалъ въ этотъ моментъ: «Да. У этого человѣка слово не расходится съ дѣломъ». —

Вотъ что отвѣтилъ Зиновей своему помощнику:

— «Если бы наши офицеры не вернулись къ концу моего обѣда это бы значило что они попали въ тюрьму. Поэтому я рѣшилъ выйти въ море забравъ весь гонконгскій генералитетъ въ видѣ заложниковъ.

Здѣсь на берегу до сихъ поръ жива мрачная легенда о «Чучелѣ Іуды», которое когда то болталось у насъ на нокѣ рея. Англичане считаютъ насъ за народъ Востока, жестокій и мстительный. Поэтому я вполнѣ убѣжденъ былъ, что черезъ

два, или, много, черезъ три часа мы получили бы въ цѣлости всѣхъ нашихъ задержанныхъ англичанами офицеровъ въ обмѣнъ на знатныхъ лицъ попавшихъ въ наши руки.

А дальше... Дальше: «Суди меня Богъ и Военная Коллегія»...

На моряхъ въ духовномъ санѣ.

Архимандритъ о. Аввакумъ, плававшій съ И. А. Гончаровымъ въ 1853 — 1854 годахъ, знакомъ каждому, кто читалъ «Фрегатъ Палладу». Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о немъ писатель:

«Всѣми любимый и самъ всѣхъ любившій. Мудреная наука жить со всѣми въ мирѣ и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвѣщенной религіи».

Фрегатъ «Паллада», старый, отслужившій свой вѣкъ ветеранъ паруснаго флота, оказался въ годину крымской войны въ Тихомъ океанѣ, гдѣ у непріятеля уже имѣлась новинка того времени: паровыя суда.

«Вдругъ однажды (разсказываетъ Гончаровъ) раздался крикъ: — Пароходъ идетъ. Дымъ виденъ. — Поднялась суматоха. — Пошелъ по орудіямъ, — скомандовалъ офицеръ. Всѣ высыпали на верхъ. Кто-то позвалъ и отца Аввакума. Онъ неторопливо, как всегда, вышелъ и равнодушно смотрѣлъ, куда всѣ направили зрительныя трубы и въ напряженномъ молчаніи ждали, что окажется.

Скоро всѣ успокоились: это оказался не пароходъ, а китоловное судно, поймавшее кита и вытапливавшее изъ него жиръ. Отъ этого и дымъ. Непріятель все не показывался. — Бѣгаетъ нечестивый, ни едину же ему гонящу, — слышу я голосъ сзади себя.

Это о. Аввакумъ выразилъ такъ свой скептическій взглядъ на ожидаемую встрѣчу съ врагами».

Архимандритъ Аввакумъ былъ выдающійся ученый синологъ, прожившій лѣтъ 15 въ Пекинѣ при нашей миссіи. Онъ былъ однимъ изъ помощниковъ графа Путятина при заключеніи тяньцзинскаго трактата, по которому вошелъ въ составъ Россійской имперіи громадный Пріамурскій край.

Обыкновенно же на суда флота назначались духовной властью простые скромные іеромонахи, изъ далекихъ, провинціальныхъ монастырей. Образованіе ихъ по большей части ограничивалось той выучкой, которую они получили въ своей обители.

Жизнь окружающей ихъ на кораблѣ среды, конечно, отличалась по нравамъ и обычаямъ отъ жизни въ монастырѣ. Большая часть офицеровъ каждой каютъ-компаніи это юнцы 20—25-лѣтняго возраста.

Въ одномъ порту вниманіе этой блестящей, веселой и легкомысленной молодежи привлекаютъ стройныя бѣлокурыя съ голубыми глазами дочери Альбіона. Черезъ недѣлю всѣ эти красавицы

уже забыты и офицерство наперегонки ухаживаетъ за граціозными и пылкими жгучими брюнетками въ Испаніи.

Веселый шумъ, который эта молодежь подымаетъ во время завтрака или обѣда въ каютъ-компаніи, очень мало напоминаетъ монастырскія трапезы. По строгому уставу монашества тамъ нѣтъ разговоровъ, а слышно только благоговѣйное чтеніе вслухъ «Житія святыхъ».

Если бы судовой священникъ сталъ усиленно проявлять нетерпимость къ шумному проявленію той радости жизни, которой полны бываютъ молодые люди въ первые годы офицерства, то въ жизни каютъ-компаніи появилось бы много совершенно нежелательныхъ осложненій и шероховатостей.

Но, по присущему русскому человѣку свойству вездѣ уживаться и ко всякой средѣ приспособляться, судовые батюшки, люди всегда пожилые, неизмѣнно во всѣхъ случаяхъ проявляли много такта, добродушія и снисходительности къ окружающей ихъ молодежи. По большей части они очень быстро завоевывали уваженіе къ себѣ и душевное расположеніе со стороны своихъ соплавателей.

Духовныя власти очень рѣдко назначали на суда лицъ бѣлаго духовенства. Вакансіи эти почти исключительно замѣщались іеромонахами, по причинамъ скорѣе всего экономическимъ. Какъ

мнѣ помнится, морское министерство никакого жалованья судовымъ священникамъ не платило, ограничиваясь выдачей такъ называемыхъ «пассажирскихъ денегъ», что-то вродѣ 30 рублей въ мѣсяцъ во внутреннемъ и 45 — въ заграничномъ плаваніи. Эта небольшая сумма предназначалась, собственно, для уплаты каютъ-компаніи за столъ священника. Но на флотѣ была традиція, свято соблюдаемая со временъ XVIII вѣка, передавать пассажирскія деньги духовенству полностью, принимая расходы по его содержанію на общій счетъ офицеровъ. Одинокій человѣкъ іеромонахъ еще могъ прожить кое-какъ на эти деньги въ плаваніи, но семейному іерею принимать должность судового священника было прямо невыгодно въ матеріальномъ отношеніи.

Морской уставъ предписывалъ отводить судовому священнику каюту по возможности ближе къ помѣщенію команды для того, чтобы каждый матросъ имѣлъ къ батюшкѣ свободный доступъ во всякое время.

На попеченіи священника были ящики, въ которыхъ въ обыкновенное время хранились щиты разборнаго иконостаса и церковная утварь. Для церкви выбиралось обычно наиболѣе показное, красивое помѣщеніе въ батарейной или жилой палубѣ. Собрать тамъ иконостасъ было дѣломъ 10—15 минутъ. Морское министерство не жалѣло средствъ на снабженіе судовъ иконами хорошаго письма. Когда иконостасъ собранъ, то казалось, что

это не походная временная церковь, а постоянная, такъ все хорошо было пригнано и гармонировало съ окружающими предметами. Въ жаркихъ странахъ можно было тотъ же иконостасъ собрать на верхней палубѣ подъ парусиннымъ тентомъ.

Въ помошь батюшкѣ обычно назначался одинъ изъ офицеровъ для завѣдыванія церковнымъ имуществомъ, но главными и наиболѣе дѣятельными помощниками священника по большей части были люди изъ команды, имъ самимъ выбранные: причетникъ, завѣдующій свѣчнымъ ящикомъ и регентъ. Для такого рода дѣятельности наиболѣе приспособленными оказывались фельдшера, писаря и содержатели судового имущества унтеръ-офицерскаго званія.

Регентство почти всегда было монополіей фельдшеровъ. Въ фельдшерской школѣ администрація, повидимому, очень любовно и со знаніемъ дѣла обучала молодыхъ людей церковному пѣнію и флотъ получалъ оттуда превосходныхъ регентовъ. Никогда не было недостатка въ желающихъ пѣть въ хорѣ на судахъ флота. Хорошихъ голосовъ въ командѣ также всегда находилось достаточно, особенно среди уроженцевъ южныхъ губерній. Басы да октавы находились легко. Труднѣе было, конечно, подобрать составъ теноровъ для верхнихъ партій. Этимъ всегда занимались батюшка съ регентомъ, испытывая голоса въ началѣ плаванія.

Намъ офицерамъ больше нравилось, когда на-

ши судовые хоры давали намъ простое обиходное пѣніе. Было отрадно, находясь гдѣ-нибудь въ тропикахъ, среди Индійскаго океана, будучи въ церкви, перенестись душой на далекую родину. Но, какъ общее правило, регенты наши любили себя показать, разучивая съ хоромъ сложныя, съ сольными номерами, партитуры. Само собой разумѣется, что въ этомъ имъ никто не мѣшалъ.

На суднѣ расписаніе дня строго составлено по минутамъ. Поэтому наканунѣ праздника старшій офицеръ очень часто говорилъ священнику:

— Ужъ вы, батюшка, пожалуйста, такъ все устройте, чтобы безъ четверти одиннадцать обѣдню кончить, а иначе все праздничное расписаніе будетъ нарушено и обѣдъ команды запоздаетъ.

На меньшаго размѣра судахъ (2-го ранга) священниковъ не имѣлось. Тамъ вмѣсто литургіи по воскресеньямъ и праздникамъ служили обѣдницу, спеціально изданную для этой цѣли св. синодомъ. Въ нее были включены особыя трогательныя молитвы о «мореплавающихъ». Имѣлся обычно хоръ пѣвчихъ, но иконостаса не было, а ставился аналой въ части палубы, нарядно убранной флагами. Чтецомъ бывалъ иногда кто-нибудь изъ офицеровъ, если оказывался съ подходящимъ голосомъ и съ умѣніемъ подавать возгласы въ тонъ хору, но по большей части для этого выбирался кто-нибудь изъ команды.

На большихъ миноносцахъ балтійскаго флота

команды было человѣкъ девяносто. Предполагалось, что, находясь у своихъ береговъ, мы всегда будемъ имѣть возможность посылать людей въ береговыя церкви по воскресеньямъ. Поэтому богослуженіе на судахъ не было организовано. Но мы мѣсяцами плавали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ православной церкви.

Командуя «Сибирскимъ Стрѣлкомъ», я какъ-то узнаю, что на «Всадникѣ», нашемъ сосѣдѣ, производится церковная служба. Командовалъ этимъ миноносцемъ Оттонъ Оттоновичъ Рихтеръ, одного со мною выпуска изъ Морского корпуса и большой мой пріятель. Ѣду къ нему:

— Какъ это тебѣ удалось устроить?

Онъ сейчасъ же снабдилъ меня экземпляромъ морской «обѣдницы», изданіемъ, тогда уже бывшимъ библіографической рѣдкостью, которое онъ досталъ самъ съ большимъ трудомъ. На нашемъ миноносцѣ мы тотчасъ же сняли съ него копію на пишущей машинкѣ.

Оттонъ Оттоновичъ, кромѣ того, подробно разсказалъ мнѣ: что нужно пріобрѣсти для церкви, какъ все оборудовать, чтобы наладить благолѣпную церковную службу. Помню, онъ говорилъ мнѣ:

— Ты самъ ходи первое время на спѣвки и не давай пѣвчимъ затягивать темпы. У всѣхъ нашихъ хоровъ есть слабость: какъ только они попадутъ удачно другъ другу въ тонъ, такъ и тя-

нутъ, наслаждаются красотой своего пѣнія, а тогда вся служба идетъ какъ-то вяло и теряетъ въ благолѣпіи.

Устроилась мало по малу церковная служба и на другихъ миноносцахъ, все подъ руководствомъ того же Оттона Оттоныча, котораго мы прозвали «отцомъ благочиннымъ». Этотъ покойный мой другъ столь преданный и энергичный дѣятель на пользу Православной церкви, самъ, между прочимъ, былъ, какъ мнѣ помнится, лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Въ первое мое мичманское плаваніе за-границей на броненосцѣ судовымъ священникомъ у насъ былъ іеромонахъ о. Мина, прибывшій къ намъ изъ одной изъ сѣверныхъ, извѣстныхъ очень строгимъ уставомъ, обителей. Тамъ онъ былъ «отцомъ рухольнымъ» — должность, повидимому, хозяйственнаго характера. На его наружности и всемъ обиходѣ какъ-бы отразилась суровая природа сѣвера, голые, мохомъ поросшіе камни и рѣдкія хвои, окружающіе монастырь. Онъ выглядѣлъ угрюмымъ и малообщительнымъ.

Нашъ броненосецъ, войдя въ Гудзонъ, стоялъ на якорѣ на «Истъ Риверъ», противъ пристани ферри на 42 улицѣ. Въ Нью-Іоркѣ въ Іюлѣ было душно и жарко.

Батюшка, раньше совсѣмъ не съѣзжавшій на берегъ, рѣшилъ поѣхать подышать воздухомъ и прогуляться пѣшкомъ. Его привлекалъ къ себѣ тогда только-что построенный Бруклинскій мостъ

и онъ хотѣлъ до него добраться. Статское платье у него было заблаговременно закуплено еще въ Кронштадтѣ въ татарскихъ ларькахъ противъ Гостинаго двора. Хоть и не модный былъ его нарядъ и не совсѣмъ по мѣркѣ, но о. Мина находилъ, что зато «матеріалъ добротный». Въ шляпѣ съ широкими полями нашъ іеромонахъ со своими длинными волосами имѣлъ видъ нѣсколько «артистическій» и не совсѣмъ обычный.

Прошло не больше часу или двухъ и вдругъ вахтенный начальникъ видитъ, что батюшка уже возвращается на очередной шлюпкѣ, чѣмъ-то глубоко взволнованный:

— Нога моя въ этомъ Нью Іоркѣ не будетъ, — съ негодованіемъ заявилъ онъ. — Это Содомъ и Гоморра какая-то, а не городъ.

Оказывается, о Мина усталъ и присѣлъ отдохнуть на скамейку, повидимому, въ Централъ паркѣ, и, снявъ шляпу, мирно обмахивался платочкомъ.

— Сижу я, — разсказывалъ онъ. — И вдругъ какая-то проходитъ... этакая... въ шляпкѣ... Посмотрѣла на меня весело и сѣла на ту же скамейку. Ну, я думаю, что же, сиди, я тебѣ не мѣшаю. А только она потомъ начала мнѣ что-то со смѣшкомъ говорить по-своему: ла-та-та, ла-та-та. Я, въ отвѣтъ ей: оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ, а она какъ захохочетъ, да вдруг, тьфу, какъ схватитъ меня обѣими руками за грудки...

Не радъ былъ о. Мина, что сгоряча разсказалъ о своемъ приключеніи, потому что потомъ мичмана, уѣзжая на берегъ, говорили ему:

— Ѣдемъ, батя, вмѣстѣ: познакомишь насъ со своей дамой.

На сосѣднемъ съ нами крейсерѣ въ той же эскадрѣ священникомъ былъ іеромонахъ о. Авель. Онъ былъ изъ «гвардейскаго» монастрыя. Такъ во флотѣ называли петербургскую Александро-Невскую лавру. По всему обиходу он былъ куда болѣе «модный» батюшка, чѣмъ нашъ скромный о. Мина.

О. Авель былъ спеціалистомъ по игрѣ въ шашки и постоянно безжалостно обыгрывалъ своихъ партнеровъ-мичмановъ и въ «поддавки», и въ «крѣпкія» Злополучный мичманъ въ концѣ концовъ восклицалъ:

— Какой же ты Авель, батя. Ты самый, что ни на есть, братоубійственный Каинъ оказываешься.

Передъ походомъ въ Тулонъ, гдѣ насъ ожидалъ торжественный пріемъ по случаю соглашенія между Россій и Франціей, о. Авель засѣлъ за самоучитель французскаго языка и преуспѣлъ въ этомъ діалектѣ. По крайней мѣрѣ ему самому такъ казалось.

Показывая крейсеръ группѣ французовъ, батюшка привелъ ихъ въ офицерскій камбузъ и, перстомъ указавъ на повара, сказалъ:

— Вуаля се нотръ поврь (Вотъ одинъ изъ нашихъ нуждающихся).

Гости французы готовы были уже полѣзть въ карманъ за пожертвованіемъ, къ которому ихъ какъ бы призывалъ русскій кюре. Но сытая, широкая, улыбающаяся физіономія профессора кулинарнаго искусства настолько не соотвѣтствовала понятію о нуждѣ, что они только посмотрѣли на о. Авеля съ недоумѣніемъ.

Почтенный о. іеромонахъ думалъ, что «поваръ» и по-французски будетъ «повар». Надо только произносить не «поваръ», а «поврь».

Во время этой стоянки наши батюшки были предметомъ особаго чествованія со стороны французскихъ дамъ, предсѣдательницей которыхъ была извѣстная мадамъ Аданъ. Всѣмъ іеромонахамъ эти дамы торжественно поднесли золотые наперсные кресты. Французъ художникъ хитроумно использовалъ рисунокъ православнаго 8-конечнаго креста, обвивъ его сдѣланной изъ зеленой и голубой эмали вѣткой незабудокъ. Конечно, по идеѣ все это было даже трогательно, но крестъ съ такимъ украшеніемъ получился, на нашъ глазъ, нѣсколько «чудной».

О. Авель, тѣмъ не менѣе, не задумываясь, возложилъ его себѣ на грудь и щеголялъ въ немъ и на суднѣ, и на берегу.

— А ты, батя, отчего безъ креста ходишь, — не разъ укоряли на броненосцѣ о. Мину. — По-

смотри, Авель: какой онъ молодецъ и какой красивый въ новомъ крестѣ, а ты все чего то боишься и стѣсняешься...

Какъ-то разъ о. Мина, обычно сумрачный и угрюмый, вошелъ въ каютъ-компанію оживленный съ веселымъ и радостнымъ выраженіемъ на лицѣ и громко объявилъ:

— А Авель-то... Авель-то... разоблачился.

— Какъ такъ, разоблачился? Что это, батюшка, значитъ?

Оказалось, въ св. синодѣ полюбовались затѣйливымъ рисункомъ креста съ незабудками, но нашли такую комбинацію нѣсколько легкомысленной и неподходящей. Поэтому разрѣшено было нашимъ батюшкамъ сохранить эти кресты какъ подарокъ, но на себя ихъ отнюдь не возлагать.

Однажды изъ Россіи прибылъ въ Тихоокеанскую эскадру новый корабль и священникъ съ него началъ по обычаю объѣзжать своихъ коллегъ по эскадрѣ.

На одномъ изъ судовъ іеромонахъ былъ большой «простецъ». Онъ, конечно, по обычаю облобызался съ вновь прибывшимъ. Когда старшій офицеръ пригласилъ гостя остаться, пообѣдать и усадилъ его на почетное мѣсто по правую руку отъ себя, то судовой іеромонахъ былъ посаженъ напротивъ своего коллеги.

Обязанность поддерживать разговоръ съ прибывшимъ іереемъ скоро, однако, хозяину іеромо-

наху надоѣла. Еще обѣдъ не пришелъ къ концу, а онъ уже всталъ изъ-за стола, заявивши:

— Притомился я, чтой-то. Пойти, развѣ, въ каюту соснуть. А ты бы, отецъ, ѣхалъ домой.

— Что вы, что вы, батюшка, — хоромъ, возмущенно заявили офицеры. — Мы нашего гостя ни за что, не отпустимъ. Вы, если хотите, уходите, а онъ ужъ съ нами останется.

Когда іеромонахъ удалился, то гость покачалъ сочувственно головой и глубокомысленно замѣтилъ:

— А хомутоватъ вашъ отецъ-то!...

За всѣ мои многолѣтнія плаванія въ различныхъ эскадрахъ и въ разныхъ моряхъ я припоминаю одинъ единственный случай, когда судовой іеромонахъ оказался, что называется, «не на высотѣ» въ смыслѣ исполненія своего долга.

На одномъ изъ крейсеровъ Тихоокеанской эскадры въ 90-хъ годахъ судовое начальство вдругъ начало обнаруживать на суднѣ явно выпившихъ людей, когда сообщенія съ берегомъ давно не было и добыть спиртные напитки казалось бы невозможно. Сколько ни старались выяснить источникъ появленія водки на суднѣ, принявъ самыя строгія мѣры къ пресѣченію привоза ея, ничего не помогало: по временамъ пьянство на суднѣ возобновлялось.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ

поступила жалоба со стороны команды, со стороны, такъ сказать, кліентовъ того таинственнаго кабатчика, котораго тщетно старались изловить. Къ общему изумленію, таковымъ оказался судовой іеромонахъ.

Что же побудило команду выдать такого, казалось бы выгоднаго для нея человѣка? Выяснилось, что продажа водки производилась слѣдующимъ образомъ:

Раздается стукъ въ дверь въ батюшкиной каютѣ. Онъ говоритъ:

— Войдите!

Входитъ матросъ и почтительно останавливается на порогѣ:

— Я, батюшка, насчетъ бутылочки.

— Хорошо, запри за собой дверь и клади, деньги на столъ.

Уплата произведена и деньги батюшкой убраны.

Продавецъ, не торопясь, вынимаетъ изъ шкафика подъ каютнымъ умывальникомъ бутылку и начинаетъ ее разсматривать.

— А хороша водка... ишь ты, какъ слеза прозрачная, — говоритъ онъ, любуясь напиткомъ. — Надо ее попробовать...

У покупателя слюньки начинаютъ течь отъ предвкушенія удовольствія.

Но батюшка не спѣшитъ отдать бутылку, онъ

беретъ рюмку, наливаетъ ее дополна, снова разсматриваетъ на свѣтъ и, наконецъ, крякнувъ отъ удовольствія, выпиваетъ:

— Ахъ! Хороша водка... и крѣпости надлежащей...

Покупатель переминается съ ноги на ногу, испытывая муки Тантала, но продавецъ еще одну рюмку пьетъ на его глазахъ и только тогда разстается съ бутылкой. Покупавшіе водку чувствовали себя каждый разъ до глубины души обиженными, видя, что продавецъ пьетъ уже купленный ими напитокъ и надъ ними же издѣвается, заставляя стоять, ждать и терзаться. Въ концѣ концовъ, они не выдержали и рѣшили пожаловаться начальству.

Духовныя власти, въ распоряженіе которыхъ былъ отправленъ этотъ іеромонахъ, поступили съ нимъ строго, заключивъ его за «грѣхъ корчемства» въ монастырь на покаяніе.

Судовые іеромонахи могли имѣть свои слабости и недостатки, какъ и всѣ люди, но многолѣтняя исторія нашего флота показываетъ, что въ трудныя трагическія минуты боя съ сильнѣйшимъ противникомъ судовой священникъ въ епитрахили, съ крестомъ въ рукахъ, неизмѣнно оказывался на открытыхъ, наиболѣе опасныхъ и поражаемыхъ частяхъ корабля, ободряя людей словомъ молитвы и окропляя ихъ святой водой.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ эпизодовъ

послѣдней войны на Балтійскомъ морѣ талантливый морской писатель А. Зернинъ въ своемъ очеркѣ «Бой у Эстергарна».

«У выхода изъ боевой рубки онъ (младшій штурманъ) видитъ игумена (о. Вассіана) въ епитрахили, съ кропиломъ въ рукахъ. Величавое спокойствіе разлито на его лицѣ. Взрывъ у таранкаго отдѣленія потрясаетъ мостикъ. Струею воздуха игуменъ и младшій штурманъ отбрасываются къ рубкѣ. Сигнальщики испуганно жмутся другъ къ другу. Игуменъ невозмутимо движется впередъ и кропитъ ихъ святой водой. Всѣ стягиваютъ фуражки и крестятся. Медленно, точно за богослуженіемъ, игуменъ спускается съ мостика, подходитъ къ носовой башнѣ и кропитъ ее водой. Орудіе мечетъ огонь изъ своего жерла, оглушая страшнымъ громомъ. Воздушная волна рветъ волосы и рясу. Игуменъ тихо поворачивается назадъ и, крестообразно помахивая кропиломъ, идетъ на корму по спардеку. Штурманъ и сигнальщики невольно оглядываются ему вслѣдъ. Игуменъ тихо движется по лѣвому борту, ничѣмъ не прикрытый.

Глухой, давящій виски взрывъ сотрясаетъ корабль. Съ праваго шкафута взлетаетъ столбъ огня и щепокъ. Лязгъ разрываемаго желѣза рѣжетъ слухъ. Облако пара со свистомъ вылетаетъ изъ лопнувшаго паропровода и растекается по шкафуту. Видно, какъ щепки и обрывки желѣза, кувыркаясь въ воздухѣ, падаютъ вокругъ игумена. Онъ останавливается и кропитъ разорвавшуюся трубу.

Изъ камбузной двери стремительно выскакиваетъ трюмный Шерамудиновъ, расторопный матросъ, татаринъ. Онъ проворно перекрываетъ паръ и вводитъ въ дѣйствіе запасную проводку. Игуменъ благословляетъ его крестомъ и кропитъ водой. Шерамудиновъ, не отрываясь отъ работы, сбрасываетъ съ головы шапку.

Игуменъ медленно поворачивается и богослужебной поступью идетъ дальше. Водяная пыль отъ всплесковъ тонкой завѣсой накрываетъ его и мелкими каплями серебрится на рясѣ и на клобукѣ...»

За два съ лишнимъ вѣка существованія Русскаго флота много судовыхъ священниковъ положили свою жизнь за свою родину. Какъ примѣръ, вотъ синодикъ боя 14—15 мая 1905 года. Волны Цусимскаго пролива мѣрно колышатся надъ мѣстомъ трагической гибели іеромонаха о. Назарія («Кн. Суворовъ»), іеромонаха о. Иннокентія («Имп. Александръ III»), іеромонаха о. Варлаама («Бородино»), іеромонаха о. В. Никольскаго («Ослябя»), іеромонаха о. Киріяна («Наваринъ»).

„Бурскій генералъ“.

Девятнадцатый вѣкъ подходилъ къ концу. Къ концу подходило и царствованіе престарѣлой королевы Викторіи, когда Англія, какъ у насъ тогда въ Россіи говорили, «влипла въ непріятную исторію».

Она начала войну съ двумя Южно африканскими республиками: Оранжевой и Трансваалемъ. Правящимъ классомъ въ этихъ странахъ были «буры» или «боеры» потомки выходцевъ изъ Голландіи. Приманкой для англичанъ были золотые пріиски и алмазныя розсыпи, которыми республики славились.

Англичане добросовѣстно подготовились къ этой войнѣ, стянувъ въ должный моментъ достаточныя для покоренія буровъ силы. Такъ по крайней мѣрѣ казалось всѣмъ въ Европѣ, когда военныя дѣйствія начались. Однако, превосходныя войска Островного королевства, имѣвшія за собой богатый боевой опытъ многихъ колоніальныхъ войнъ, неожиданно начали претерпѣвать одно пораженіе за другимъ. Оказалось, что противникъ ихъ: немногочисленное ополченіе буровъ обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ использовать условія мѣстности. Кромѣ того защитники республикъ выдѣлили изъ своей среды нѣсколько высокоталантливыхъ вождей «генераловъ».

Неудачи въ Южной Африкѣ всполошили всю Англію. Престижъ Великобританіи страдалъ жестоко. Ей пришлось напрячь всѣ свои силы, чтобы съ честью выйти изъ борьбы. Въ концѣ концовъ ей это и удалось, но нашъ разсказъ относится къ тому періоду войны, когда буры торжествовали одну побѣду за другой.

Сосѣди Великобританіи въ большинствѣ радовались тогда постигшей ее бѣдѣ и дружно выражали свое сочувствіе бурамъ. У насъ въ Россіи высказывались въ это время такого рода мысли по адресу англичанъ: «Ага... Попались голубчики... Бьютъ васъ буры и по дѣломъ вамъ: много лѣтъ подрядъ старались вы нашему отечеству всякій вредъ дѣлать. Пускай теперь кто нибудь другой вамъ сочувствуетъ, а ужъ не мы».

Стояла безвѣтренная ясная погода, какая рѣдко случается зимой въ раіонѣ Англійскаго Канала. Быстроходный пароходъ - экспрессъ весело и шумно постукивалъ лопастями своихъ колесъ по водѣ, выйдя изъ Дувра и торопясь поспѣть въ Калэ къ уходу курьерскаго Парижскаго поѣзда. Лучи солнца серебрили водную гладь и яркой гаммой цвѣтовъ радуги играли въ брызгахъ вырывавшихся изъ подъ кожуховъ парохода.

Въ числѣ пассажировъ на экспрессѣ былъ мистеръ Вилкоксъ, плотный и солидный господинъ, занимавшій довольно важный постъ въ

какомъ то промышленномъ лондонскомъ предпріятіи. На его обязанности было ѣздить довольно часто на континентъ по дѣламъ фирмы. Мистеръ Вилкоксъ терпѣть не могъ качки и сейчасъ поэтому былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа: погода была какъ по заказу хороша и даже зыбь не чувствовалась.

Онъ также былъ очень доволенъ тѣмъ, что встрѣтилъ на пароходѣ своего знакомаго, значитъ есть съ кѣмъ перекинуться словомъ во время завтрака. Садиться за столъ въ одиночку Вилкоксъ не любилъ.

Случайнымъ спутникомъ его былъ мосье Маршанъ, французъ, постоянно живущій въ столицѣ Англіи, какъ представитель какой то Парижской фабрики. Словоохотливый какъ всѣ французы, онъ, проживъ долго среди англичанъ, примѣнился къ нимъ и вполнѣ усвоилъ ихъ манеру обмѣниваться во время завтрака и обѣда лишь короткими ни къ чему не обязывающими фразами, отнюдь не пускаясь въ длинные разговоры.

Вилкоксъ и Маршанъ выбрали себѣ отдѣльный столикъ въ пароходной столовой.

— Сегодня прекрасный день, не правда ли, — сказалъ англичанинъ Маршану когда они усѣлись. У Вилкокса была такая манера говорить, какъ будто каждой сказанной имъ фразой онъ осчастливливаетъ собесѣдника.

Маршанъ былъ человѣкъ очень тактичный и выдержанный. Вилкоксъ могъ быть увѣренъ, что

за столомъ онъ не начнетъ разговора ни о недавнемъ разгромѣ британцевъ у Спіонскопа на рѣкѣ Тугелѣ, ни о затруднительномъ и довольно конфузномъ положеніи генерала Уайта, который со своей колонной добрался до Ледисмита только для того чтобы быть окруженнымъ бурами со всѣхъ сторонъ и осажденнымъ въ этомъ городѣ.

— Я надѣюсь, что нашъ пароходъ не опоздаетъ къ парижскому скорому поѣзду — съ нѣкоторымъ подобіемъ улыбки сообщилъ Вилкоксъ Маршану, когда завтракъ дошелъ до середины.

Минутъ черезъ 10 англичанинъ, когда подали кофе, уже готовъ былъ разразиться своей обычной финальной фразой: — Можетъ быть курить намъ будетъ пріятнѣе всего на верхней палубѣ, — какъ вдругъ настроеніе духа его внезапно испортилось.

Въ столовую вошелъ и усѣлся за одинъ изъ столиковъ неподалеку отъ нашей пары высокій, весьма представительный господинъ въ золотыхъ очкахъ. Сразу же бросалась въ глаза его густая, окладистая, темная борода. Вилкоксъ замѣтилъ этого незнакомца еще раньше, на пристани въ Дуврѣ и человѣкъ этотъ ему сразу почему то показался непріятнымъ. Не понравилась ему прежде всего шляпа, мягкая съ широкими полями, которую тотъ носилъ. Такой шляпы въ это время ни одинъ уважающій себя англичанинъ не одѣлъ бы.

По всему было видно что господинъ этотъ — иностранецъ, хотя по англійски онъ говорилъ

вполнѣ хорошо. Носильщики въ Дуврѣ провожали его съ большимъ почетомъ. Видно было что на чай имъ онъ даетъ не скупясь. На пароходѣ старшій стюартъ такъ почтительно поклонился незнакомцу, принеся ему карточку винъ, какъ онъ это дѣлалъ встрѣчая наиболѣе чиновныхъ и титулованныхъ изъ своихъ кліентовъ.

— Какъ будто человѣкъ этотъ не какой нибудь проходимецъ — размышлялъ Вилкоксъ — но почему же онъ мнѣ до такой степени не нравится.

Но тутъ же онъ понялъ причину такой внезапной антипатіи: вся внѣшность господина въ очкахъ была полнымъ до мелочей подобіемъ изображеній самыхъ непріятныхъ для самолюбія англичанина людей: бурскихъ генераловъ. Портреты ихъ въ послѣднее время украшали первыя страницы лондонскихъ газетъ и журналовъ. Кронье, Бота, Деветтъ — все такія же какъ у незнакомца окладистыя бороды, такое же выраженіе въ смотрящихъ поверхъ очковъ глазахъ. Глядя на ихъ изображенія казалось, что люди эти столь спокойно и увѣренно взирающіе на міръ, проникаютъ своимъ взглядомъ въ области, недоступныя для простыхъ смертныхъ. Дѣлалось понятнымъ ихъ вліяніе на войска, которыми они командуютъ.

Вилкоксъ отодвинулъ въ сторону свою чашку кофе и заторопился покинуть столовую и выйти на верхнюю палубу. Маршанъ послѣдовалъ за нимъ.

Высокіе мѣловые обрывы Дувра уже скрылись въ легкой туманной дымкѣ и французскій берегъ былъ близокъ. Въ бинокль уже можно было разсмотрѣть пристань и дома въ Калэ, когда Вилкоксъ и Маршанъ замѣтили на югѣ густой клубъ дыма. Прошла какая нибудь минута и стало уже выясняться, что небольшое, но очень быстроходное судно идетъ на сближеніе съ пароходомъ. Еще 2-3 минуты и Вилкоксъ, посмотрѣвъ на полосу бѣлоснѣжной пѣны, взбитой винтами этого корабля, заявилъ со свойственной ему авторитетностью:

— Это дестроеръ флота Ея Величества. —

Вилкоксъ убѣжденно считалъ себя знатокомъ по морскимъ вопросамъ. Правда въ морѣ онъ бывалъ только въ качествѣ пассажира на пароходахъ ходящихъ изъ Дувра въ Калэ, но онъ числился членомъ въ двухъ яхтъ клубахъ и даже принималъ участіе въ ихъ годичныхъ обѣдахъ. Поэтому онъ любилъ чтобы его мнѣнія по морскимъ дѣламъ выслушивались бы съ почтительнымъ вниманіемъ.

Между тѣмъ высокій бородатый незнакомецъ тоже вышелъ на верхнюю палубу, поднялся на крышу рубки, дошелъ до самой кормы, гдѣ не было другихъ пассажировъ и, ставши такъ, чтобы его внушительная фигура хорошо была видна съ идущаго миноносца, вдругъ снялъ свою широкополую шляпу и помахалъ ею нѣсколько разъ въ видѣ сигнала.

Вилкоксъ крайне изумился, увидѣвъ что де-строеръ, какъ бы повинуясь этому жесту, сразу круто положилъ руль и быстро пошелъ на сближеніе съ пароходомъ. Пассажиры гурьбой высыпали на палубу экспресса, заинтересованные маневрами военнаго судна. Миноносецъ, подойдя совсѣмъ близко разомъ уменьшилъ ходъ и сталъ держаться рядомъ съ пароходомъ. Сейчасъ можно было въ подробности разсмотрѣть это грозное орудіе войны: современный большой первокласный дестроеръ. Но Вилкоксъ могъ вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣть, что это не англійскій миноносецъ.

Его прежде всего поразило то обстоятельство, что на палубѣ дестроера не было ни одного человѣка въ военной формѣ. Машинисты и кочегары, вылѣзшіе наверхъ посмотрѣть на пароходъ имѣли видъ портовыхъ рабочихъ, а не военной команды.

— Странный и въ высшей степени подозрительный корабль, — сказалъ Вилкоксъ Маршану.

На мостикѣ миноносца стояла группа человѣкъ 5-6, повидимому она и управляла его движеніями. Господа эти столь же мало понравились Вилкоксу, какъ и пароходный незнакомецъ. Почти всѣ они были такіе же бородатые, какъ и онъ. Одѣты они были довольно разнокалиберно въ какія то длинныя, невиданныя въ Англіи, пальто съ мѣховыми или барашковыми воротниками. На ногахъ у одного или двухъ были необычайнаго вида глубокія галоши-ботики.

Вся эта компанія, видимо, очень обрадовалась, увидя пароходнаго незнакомца. Она громко и весело прокричала ему нѣчто вродѣ «Ура» послѣ чего люди эти, сильно жестикулируя и перебивая одинъ другого стали что то выкрикивать. Повидимому это были привѣтствія, но Вилкоксъ, вслушавшись, не могъ ничего понять: языкъ былъ ему незнакомъ.

— На какомъ языкѣ они говорятъ — спросилъ онъ Маршана.

— Право не знаю — отвѣтилъ тотъ — Можетъ быть по датски или шведски, а можетъ быть... и по голландски.

Вилкоксъ посмотрѣлъ на флагштокъ дестроера. Тамъ было, правда, нѣчто вродѣ флага, кусокъ флагдука, сильно закопченный дымомъ изъ трубъ. Но миноносецъ, видимо, много разъ мѣнялъ курсъ передъ этимъ и флагъ въ результатѣ безнадежно закрутился вокругъ флагштока.

Таинственный незнакомецъ помахалъ рукой, какъ бы желая что то сказать. Люди на миноносцѣ сразу же покорно замолчали, а онъ сталъ задавать имъ какіе то вопросы, все на томъ же непонятномъ языкѣ. Получивъ отвѣты онъ, какъ показалось Вилкоксу, отдалъ какое то приказаніе и дестроеръ, послушный его волѣ, круто положилъ руля, прибавилъ ходъ и помчался въ ту же сторону, откуда пришелъ.

— Необходимо выяснить, что это за корабль,

гуляющій съ такой подозрительной командой — сказалъ Вилкоксъ.

Пароходъ подошелъ уже къ пристани въ Калэ, когда ему удалось, наконецъ, протолкаться сквозь толпу пассажировъ и нагнать незнакомца, вступившаго въ эту минуту на сходню, ведущую на берегъ.

— Могу я васъ спросить, сэръ,—сказалъ онъ. Въ голосѣ его явно слышалась нотка подозрительности и недружелюбія. — Что это за дестроеръ, съ которымъ вы разговаривали?

Бородатый господинъ остановился, обернулся и съ высоты своего роста съ любопытствомъ посмотрѣлъ на сердито наскочившаго на него плотнаго и короткаго англичанина. Онъ сохранялъ невозмутимо серьезный видъ, но въ глазахъ его пробѣжали какія то веселыя искорки.

— Это одинъ изъ моихъ дестроеровъ — сказалъ онъ такимъ тономъ, какимъ гордый своей флотиліей яхтсменъ говоритъ — Это одна изъ моихъ яхтъ.

Вилкоксъ опѣшилъ: — Одинъ изъ вашихъ? Какъ — вашихъ?... Что это значитъ? А кто вы такой?

Незнакомецъ посмотрѣлъ на него съ нѣсколько удивленнымъ видомъ. Онъ какъ бы хотѣлъ сказать — Вотъ странный человѣкъ: не знаетъ кто я такой!

— Я — бурскій генералъ, — сказалъ онъ вѣско

и внушительно, кивнулъ слегка головой, этимъ показавъ Вилкоксу, что разговоръ оконченъ, повернулся и не торопясь направился по сходнѣ на берегъ мимо стоящаго со скучающимъ видомъ «ажана» (полицейскаго) одѣтаго въ свою традиціонную пелерину и хлопочущихъ около пассажирскаго багажа таможенныхъ чиновниковъ.

Если бы пароходъ перевернулся или у него внезапно взорвался котелъ, — мистеръ Вилкоксъ былъ бы, вѣроятно, не болѣе пораженъ, чѣмъ теперь.

Жители спокойнаго приморскаго французскаго городка были, вѣроятно, не мало изумлены, видя какъ солидный и довольно увѣсистый англичанинъ стрѣлой, подобно лошади на скачкахъ, мчится, находясь въ большомъ волненіи по главной, обсаженной деревьями улицѣ. Вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ мистеръ Вилкоксъ въ послѣдній разъ игралъ въ футболъ на стадіумѣ своего университета, ему не приходилось развивать подобной скорости. Пробѣжавъ нѣсколько кварталовъ и оказавшись передъ зданіемъ съ вывѣской «Британское вице консульство» онъ бурей влетѣлъ въ контору этого учрежденія, отстранилъ рукой клерка, подбѣжавшаго къ нему съ вопросомъ — Что вамъ угодно — и ворвался въ кабинетъ консула, своего стараго знакомаго.

— Мистеръ Вилкоксъ... Что съ вами? — испуганно спросилъ тотъ, подымаясь изъ за своего письменнаго стола.

Когда Вилкоксъ немного отдышался, онъ, рядомъ короткихъ, отрывистыхъ фразъ повѣдалъ консулу о причинахъ своей тревоги:

— Непріятельскіе миноносцы!... Въ двухъ шагахъ отъ стоянки нашего флота!... Бурскій генералъ ими командуетъ!... Въ высшей степени наглый!... Я только что съ нимъ разговаривалъ!

Мгновенно все консульство было поставлено на ноги. Тревожной трелью зазвонилъ телефонъ. Клерки стремглавъ помчались куда то: наводить справки.

———————

Если бы мистеръ Вилкоксъ сколько нибудь зналъ русскій языкъ ему не пришла бы мысль считать встрѣченный въ морѣ миноносецъ угрозой для Англійскаго владычества въ Южной Африкѣ.

Вотъ какого рода разговоры велись, когда дестроеръ этотъ подошелъ къ пароходу:

Когда смолкли первыя шумныя привѣтствія, пожилой господинъ съ сѣдыми, подстриженными въ щетку усами, повидимому лидеръ стоявшей на мостикѣ миноносца группы, взялъ въ руки рупоръ и крикнулъ:

— Добро пожаловать, Петръ Николаичъ. Мы нарочно къ вашему пароходу придержались: знали что вы на немъ... Какъ пріѣдете въ Гавръ прямо направляйтесь въ отель Трокадеро, авеню де ля Ротондъ... Мы всей коммисіей тамъ остановились.

— Такъ себѣ отельчикъ,—послышался рѣзкій тенорокъ плотнаго невысокаго человѣка въ кожаной курткѣ, стоявшаго у компаса миноносца. — Впрочемъ зато до завода и до пристани рукой подать!

— Ждемъ васъ не дождемся, Петръ Николаичъ, — кричалъ на перебой съ другими уцѣпившійся за поручни мостика худощавый господинъ въ очкахъ и барашковой шапкѣ.—Возня съ этими французами на заводѣ: грошевики какихъ не найдешь. Изъ за каждой гайки торгуются.

Но всѣ эти голоса перекрывалъ густой мягкій басъ виднаго бородача блондина, который красовался въ мѣховой шубѣ и шапкѣ въ заднихъ рядахъ стоявшихъ на мостикѣ. — Здорово Петя, дружище... Сколько лѣтъ не видались... Съ самыхъ тѣхъ поръ какъ на «Мининѣ» вмѣстѣ плавали.

Пользуясь тѣмъ, что механизмы работаютъ малымъ ходомъ на палубу миноносца вылѣзъ машинистъ въ каскеткѣ и типичной французской блузѣ сплошь измазанной смазочнымъ масломъ. Онъ выбралъ себѣ удобное мѣстечко на крышкѣ люка, усѣлся, аккуратно выколотилъ золу изъ трубки, постучавъ ею о палубу, мастерски сплюнулъ за бортъ, прислушался къ веселому шуму разговоровъ на мостикѣ и, неодобрительно покачавъ головой, меланхолически замѣтилъ своему коллегѣ, вымазанная сажей голова котораго высунулась въ этотъ моментъ изъ горловины люка:

— Diable!... Comme ils sont drôles, ces Russes là!

Петръ Николаичъ, стоя на рубкѣ парохода, помахалъ рукой. Когда на мостикѣ миноносца всѣ замолчали, онъ спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Какая слѣдующая проба и когда?

— Первая оффиціальная... Послѣ завтра въ десять. Сегодня послѣднюю заводскую заканчиваемъ.

— А когда думаете все закончить?

— Если все пойдетъ хорошо, то въ будущій четвергъ можно будетъ пріемый актъ подписывать. Мы ужъ на пятницу на Нордъ Экспрессъ записались: домой въ Питеръ ѣхать.

— Ну... Спасибо вамъ друзья, что меня встрѣтили и все сообщили — сказалъ Петръ Николаичъ. — А пока... до скораго.

— До свиданья, — послышалось въ отвѣтъ. Миноносецъ разомъ взметнулъ винтами пѣну. Красиво накренившись онъ описалъ дугу и, какъ скаковой конь, которому дали шпоры, помчался вдаль.

Миноносецъ этотъ былъ одинъ изъ нѣсколькихъ, строившихся въ тѣ годы на частной верфи въ Гаврѣ по заказу русскаго правительства. На мостикѣ его были члены коммисіи, командированной изъ Петербурга для производства пріемныхъ испытаній. Это были офицеры флота и корпусовъ инженеръ механиковъ и корабельныхъ инженеровъ.

Миноносецъ еще не былъ принятъ въ казну

и на пріемныхъ испытаніяхъ команда на немъ была вольнонаемная французская.

«Бурскій генералъ» на самомъ дѣлѣ также былъ штабъ офицеръ нашего флота, инженеръ механикъ, академикъ и выдающійся знатокъ въ дѣлѣ машиностроенія. Его очень любили въ морскихъ кругахъ. Сейчасъ онъ ѣхалъ въ Гавръ, чтобы принять участіе въ работахъ, принимающей миноносецъ, коммисіи. Ему приходилось годами жить въ Лондонѣ въ длительной командировкѣ. Онъ наблюдалъ по порученію морскихъ властей за выполненіемъ на англійскихъ заводахъ заказовъ русской казны.

Много вращаясь среди англичанъ, онъ отнюдь не былъ англофобомъ. Но въ же то время онъ никогда не позволялъ ни одному британцу наступить себѣ на ногу. Къ тому же въ тѣ времена онъ, какъ и всѣ въ Россіи, былъ всей душой на сторонѣ буровъ въ ихъ неравной борьбѣ. Ему не понравился тонъ Вилкокса, когда тотъ началъ его допрашивать и онъ сразу же рѣшилъ сбить съ него спѣсь, въ чемъ, какъ видитъ читатель, и преуспѣлъ.

Вѣроятно онъ и самъ не ожидалъ, что его шутка вызоветъ такой переполохъ среди англичанъ.

Мистеръ Вилкоксъ имѣлъ видъ нѣсколько сконфуженный. Онъ былъ сосредоточенъ, угрюмъ

и молчаливъ, когда консулъ по выясненіи дѣла, провожалъ его до дверей своей конторы и съ нимъ прощался.

— Очень жаль сэръ, — сказалъ консулъ посмотрѣвъ на часы.—Занявшись этомъ дѣломъ вы пропустили скорый поѣздъ. Напрасно вы этому господину повѣрили. Онъ такъ явно хотѣлъ надъ вами подшутить.

— Сами вы себя и наказали, — добавилъ хозяинъ улыбаясь и пожимая гостю руку. — Вы лишили себя удовольствія весело провести сегодняшній вечеръ на парижскихъ бульварахъ.

Броненосецъ Князь Потемкинъ-Таврическій.

„Потемкинецъ."

Въ часъ перерыва въ работѣ для завтрака, усѣвшись на траву около желѣзнодорожнаго пути и отложивъ въ сторону наши лопаты мы, секчонъ-мен,ы отдыхали и вели за ѣдой бесѣды.

Насъ было человѣкъ 30 на Арго-Кроссингѣ около Сеаттля. Мы исправляли полотно, таская на плечахъ тяжелыя шпалы и забивая массивными кувалдами костыли.

За недѣлю передъ этимъ мы сошли съ парохода вмѣстѣ со всей остальной очередной русской иммигрантской волной осени 1923 года, почувствовали подъ ногами твердый и гладкій бетонъ Сеаттльской набережной и сразу же окунулись въ сутолоку жизни шумнаго и многолюднаго портоваго города.

Началась, конечно, погоня за «джабами» и вскорѣ «пролетаріи всѣхъ странъ соединились въ одинъ станъ». Всѣ мы на Арго-Кроссингѣ были участниками гражданской войны на разныхъ фронтахъ. Были тутъ и казаки забайкальцы, пережившіе всю тяжесть отступленія въ арміяхъ Колчака, были и пѣхотинцы, прошедшіе съ Деникинымъ страдный путь съ Юга Россіи до Орла и Тулы и обратно. Но въ нашей артели не было ни одного иноземца. Надъ полотномъ дороги слышалась все

время родная, протяжная и музыкальная русская рѣчь.

«Смотрите нашъ—господинъ съ собачкой — пришелъ къ боссу наниматься» сказалъ кто то.

Такое прозвище получилъ отъ насъ на пароходѣ одинъ изъ пассажировъ. Всѣ мы, ѣхавшіе въ Стираджъ,ѣ имѣли почти безъ исключенія видъ мало нарядный и довольно потрепанный. Мятыя кепки на головѣ, потертые локти на пиджакахъ и лоснящаяся нижняя часть туалета сразу показывали, что бумажники наши не переполнены долларами. «Господинъ съ собачкой» рѣзко отличался отъ насъ въ этомъ отношеніи: ловко сидѣвшая на немъ лѣтняя пара, сшитая, очевидно, у хорошаго портного, соотвѣтствующая сезону и обстановкѣ шляпа, все это показывало, что онъ человѣкъ съ достаткомъ. Пробивающаяся сѣдина на вискахъ обнаруживала, что онъ перешелъ уже въ категорію людой средняго возраста.

Супруга его, проводившая послѣобѣденные часы на пароходѣ въ собственномъ шезлонгѣ также производила впечатлѣніе «Грандъ дамъ». Большую заботу оба они проявляли о своей маленькой породистой собачкѣ, которую супругъ постоянно проваживалъ по палубѣ на цѣпочкѣ. Въ своихъ золотыхъ очкахъ и шикарныхъ ботинкахъ онъ имѣлъ самый, что называется, архи-буржуазный видъ.

Къ нашему изумленію сейчасъ онъ примкнулъ

къ нашей артели поденныхъ чернорабочихъ. Онъ подсѣлъ къ нашему кружку и завелъ съ нами бесѣду. Сразу же обнаружилось, что онъ очень простой и непритязательный малый, скромный и добродушный. Фамилія его была Т-скій. Въ характерѣ его проглядывалъ нѣкоторый оттѣнокъ нерѣшительности и даже робости. Отчего то сразу было видно, что онъ никогда не былъ на военной службѣ.

Онъ повѣдалъ намъ, что по пріѣздѣ сюда почти всѣ сбереженія привезенныя имъ въ Новый Свѣтъ онъ ухлопалъ на покупку дома особняка въ Сеатлѣ. Денегъ этихъ не хватило и сейчаеъ онъ будетъ выплачивать помѣсячно, согласно контракта. Домъ, по его словамъ, былъ самый парадный, а плита на кухнѣ вызывала его особое восхищеніе.

«Вы представьте: я нажимаю кнопку и яицо варится въ смятку. Когда оно готово, плита сама стопорится. Нажму другую — и оно варится вкрутую».

«А вы давно за границей» спросили мы.

«Да вотъ уже 18 лѣтъ по разнымъ странамъ слоняюсь. Послѣдніе лѣтъ 6 служилъ рефрежираторнымъ механикомъ на холодильномъ складѣ въ Маниллѣ на Филипинскихъ островахъ».

«Значитъ вы и на войнѣ не были».

«Я очень все это время скучалъ по Россіи и счастливъ былъ бы туда пріѣхать. Да для меня,

знаете ли, всѣ пути возвращенія «туда были отрѣзаны».

Въ это время довольно много насъ, офицеровъ, собралось тѣснымъ кружкомъ около разсказчика. Читатель можетъ себѣ ясно представить ту крайнюю степень изумленія и негодованія, которая изобразилась на нашихъ лицахъ когда мы узнали какой породы птица залетѣла въ наше «бѣлогвардейское» гнѣздо.

«Я вѣдь — потемкинецъ. — Мнѣ пришлось скрываться и потомъ бѣжать изъ Россіи послѣ бунта на броненосцѣ».

* * *

Нѣсколько десятилѣтій отдѣляетъ насъ сейчасъ отъ эпопеи «Потемкина» когда палуба лучшаго, самаго сильнаго и наиболѣе современнаго корабля Черноморскаго флота была вся залита кровью его офицеровъ. Кошмарные детали этого бунта вызвали въ то время глубокое возмущеніе со стороны всѣхъ національно мыслящихъ русскихъ людей. Возстаніе на «Потемкинѣ» было встрѣчено съ чувствомъ живѣйшей радости всѣми недругами нашей родины и явилось жестокимъ ударомъ по Россіи и по русскому дѣлу.

Вновь построенный и еще окончательно не принятый отъ частнаго завода въ казну эскадренный броненосецъ «Князь Потемкинъ Таврическій» стоялъ на якорѣ въ Іюнѣ 1905 года въ пустынной бухтѣ Тендра, неподалеку отъ Одессы,

по временамъ выходя въ море для производства обусловленныхъ контрактомъ съ заводомъ испытаній.

Команда на немъ была только что сформирована и состояла въ большей своей части изъ людей, которыхъ очень охотно на броненосецъ прислали изъ сосѣднихъ береговыхъ и судовыхъ командъ. Въ этихъ случаяхъ очень часто руководятся пословицами: «На Тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже» и «Своя рубашка ближе къ тѣлу».

Офицеры въ большинствѣ были тоже новые и людей своихъ ни въ лицо, ни по фамиліи еще не знали. Этимъ воспользовалась боевая революціонная организація и нѣсколько членовъ ея, переодѣтыхъ матросами, получили возможность проникнуть въ команду корабля и жить на немъ, занимаясь пропагандой и выбирая моментъ для совершенія террористическаго акта.

Время тогда было тревожное: всего нѣсколько недѣль прошло со дня Цусимской катастрофы. Силы подполья зашевелились. Въ обществѣ замѣчалось сильное броженіе. Громко стали раздаваться голоса, критикующіе правительство.

Послѣ привольной жизни вь портовомъ городѣ, гдѣ «Потемкинъ» строился, стоянка въ унылой Тендрѣ, сопровождавшаяся извѣстной «драйкой» т. е. рядомъ ученій и тревогъ, а также усиленными работами по приведенію корабля въ порядокъ и въ «морской видъ» показалась командѣ

очень тяжелой и непріятной. Благодаря всему этому создалась обстановка очень благопріятная для выступленія террористовъ.

Поводъ былъ скоро найденъ: пища плоха, черви въ мясѣ.

Судя по разсказу одного изъ офицеровъ «Потемкина» младшаго инженеръ механика А. Коваленко роковой день 14 Іюня 1905 года начался на броненосцѣ какъ и всѣ дни. Ничего, казалось, не предвѣщало той бури, которая на немъ разразилась. Около полдня офицерство собралось какъ всегда въ каютъ компанію къ обѣду. Былъ тамъ и старшій судовой врачъ Смирновъ, который тольчто осмотрѣлъ, ввиду поступившихъ жалобъ, командное порціонное мясо. Онъ нашелъ что червячки на поверхности этого мяса были явленіемъ обычнымъ въ это жаркое время года. Въ сущности это были не червяки, а личинки, положенныя мухами. Для удаленія ихъ докторъ приказалъ тщательно вымыть мясо водою съ уксусомъ, что и было сдѣлано. Послѣ этого онъ призналъ мясо годнымъ въ пищу.

Но командиръ, обезпокоенный жалобами команды на мясо, вновь вызвадъ себѣ обоихъ судовыхъ врачей и старшаго офицера. Бывшіе въ каютъ компаніи вдругъ услыхали необычный для полуденнаго времени сигналъ «Сборъ всей команды». Строевые офицеры сразу же выбѣжали на верхнюю палубу на свои мѣста, а оставшіеся вни-

зу инженеръ механики почувствовали, что на суднѣ происходитъ что то необычайное.

Вдругъ весь броненосецъ сотрясся отъ крика толпы на верхней палубѣ. Очевидно начался бунтъ. Послышались ружейные выстрѣлы. Толпа стала врываться въ офицерскія помѣщенія. Авторъ воспоминаній съ двумя сослуживцами выскочилъ за бортъ черезъ открытый иллюминаторъ. Одинъ изъ его спутниковъ, лейтенантъ Григорьевъ, былъ тотчасъ же убитъ. Матросы стрѣляли въ воду изъ винтовокъ. Коваленко съ другимъ инженеръ механикомъ спасся задержавшись за артиллерійскій щитъ, стоявшій на якорѣ неподалеку. Отсюда оба они были сняты шлюпкой, присланной за ними съ броненосца, когда первая волна ожесточенія и убійствъ какъ бы прошла.

Лидеромъ бунта былъ матросъ Матюшенко, который и распоряжался теперь всѣмъ на суднѣ. Безпорядки начались, какъ оказалось, когда на верхней палубѣ былъ убитъ лейтенантъ Неупокоевъ. Старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Гиляровскій, выхватилъ тогда винтовку изъ рукъ одного изъ чиновъ караула и собственноручно застрѣлилъ одного изъ убійцъ офицера, матроса Вакуленчука. Но остановить бунтъ Гиляровскій оказался не въ силахъ и тотчасъ же былъ самъ убитъ. Командира броненосца вытащили изъ каюты на верхнюю палубу. Тамъ матросъ Сыровъ, прицѣливаясь въ него изъ винтовки, крикнулъ «Ты разжаловалъ меня, помирай же теперь». Этотъ

«стрѣлокъ» однако, стрѣляя въ упоръ, съумѣлъ промахнуться. Командиръ смогъ передъ смертью перекреститься. Второй пулей онъ былъ убитъ. Старшій докторъ, пытаясь лишить себя жизни, нанесъ себѣ тяжелую пулевую рану и вслѣдъ за тѣмъ еще живымъ былъ выброшенъ за бортъ. Есть основанія полагать что на верхней палубѣ была нѣкоторая борьба между бунтовщиками и частью команды, оставшейся вѣрной присягѣ. Были раненые среди команды и, при попыткѣ вплавь достигнуть стоявшаго на якорѣ вблизи «Потемкина» миноносца, было убито нѣсколько матросовъ, бросившихся въ воду вмѣстѣ съ офицерами. Командиръ миноносца лейтенантъ баронъ Клодтъ фонъ Юргенсбургъ сдѣлалъ попытку снявшись съ якоря уйти отъ «Потемкина», но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ 3-хъ дюймовой пушки съ броненосца вернулся и сдался бунтовщикамъ.

Къ вечеру «Потемкинъ» подошелъ къ Одессѣ и сталъ на якорь на внѣшнемъ рейдѣ. Приходъ его былъ какъ бы сигналомъ для начала безпорядковъ въ городѣ. Трупъ Вакуленчука былъ свезенъ на берегъ и въ видѣ демонстраціи, какъ доказательство жестокости командного состава броненосца, положенъ на набережной. Съ нимъ былъ отправленъ «почетный караулъ» изъ 12 наиболѣе надежныхъ революціонеровъ, вооруженныхъ винтовками. Когда послѣ торжественныхъ похоронъ барказъ съ карауломъ вернулся на броненосецъ,

оказалось что трое изъ караульныхъ сбѣжали. Самъ Матюшенко считалъ что число его приверженцевъ не превышаетъ 150 человѣкъ. Остальная же часть команды, около 450-500, не болѣе какъ терроризованная инертная масса.

Въ Одессѣ черныю прежде всего были разграблены казенныя винныя лавки. Запылали склады въ порту, стала горѣть деревянная ж. дорожная эстокада. Къ городу стали стягиваться войска и раіонъ былъ объявленъ на военномъ положеніи.

«Командиромъ» броненосца по выбору команды былъ сдѣланъ прапорщикъ военнаго времени изъ мореходовъ торговаго флота, Алексѣевъ. Коваленко такъ отзывается о немъ: «Этотъ выборъ удивилъ меня, потому что, насколько мнѣ было извѣстно, Алексѣевъ не отличался особеннымъ умомъ и не питалъ ни малѣйшей симпатіи къ прогрессивнымъ идеямъ. Меня, однако, же не удивило, что онъ принялъ этотъ постъ, такъ какъ онъ былъ силой навязанъ ему въ тотъ моментъ, когда остальныхъ офицеровъ убивали или брали въ плѣнъ, и отказъ съ его стороны могъ стоить ему жизни».

Во время стоянки въ Одессѣ уцѣлѣвшіе офицеры были свезены на берегъ. Можно себѣ представить съ какимъ чувствомъ они смотрѣли на автора воспоминаній, Коваленку, который добровольно переметнулся на сторону убійцъ его сослуживцевъ и остался на «Потемкинѣ».

Въ это время начальникъ эскадры въ Сева-

стополѣ адмиралъ К. получилъ приказаніе выйти съ его отрядомъ въ море и силой оружія подавить бунтъ, не стѣсняясь, если окажется нужнымъ, пустить «Потемкина» ко дну. Въ Одессѣ мал-по-малу войскамъ удалось возстановить порядокъ. Съ броненосца по предполагаемому расположенію войскъ было сдѣлано 2 выстрѣла изъ 6 дюймоваго орудія.

Безпроволочный телеграфъ далъ знать что суда эскадры направляются къ Одессѣ. «Потемкину» ничего не оставалось больше дѣлать какъ выйти въ море. Повидимому Матюшенко и другіе главари бунта сознавали въ это время, что возстаніе идетъ на убыль. Казалось бы нѣсколько выстрѣловъ съ судовъ эскадры, нѣсколько тяжелыхъ снарядовъ съ гуломъ пронесшихся надъ головами бунтовщиковъ или давшихъ эффектные высокіе водяные столбы недолетовъ были бы достаточны чтобы привести броненосецъ къ покорности.

Но, какъ извѣстно, К. приказа не исполнилъ. Вышло худшее, что можно вообразить. «Потемкинъ» получилъ возможность безнаказанно пройти мимо судовъ эскадры на довольно близкомъ разстояніи, послѣ чего К. повернулъ обратно въ Севастополь. Выявилось, что какъ будто бы эскадра испугалась «Потемкина» и ушла, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

Результатъ получился немедленный: «Георгій Побѣдоносецъ» отдѣлился отъ другихъ судовъ и

присоединился къ «Потемкину». Офицеры на броненосцѣ подверглись оскорбленіямъ и были арестованы. Оба корабля направились въ Одессу гдѣ и стали на якорь на внѣшемъ рейдѣ.

Но на другой же день бунтъ на «Георгіѣ» пришелъ къ концу. Броненосецъ, не обращая вниманія на сигналы съ «Потемкина» вошелъ въ Одесскую гавань. Команда «Георгія» принесла повинную и коноводы возстанія были выданы законнымъ властямъ. На «Потемкинѣ», какъ пишетъ Коваленко, измѣна «Георгія» вызвала смятеніе и деморализацію. Вожаки бунта сообразили что дѣло идетъ къ развязкѣ, крайне для нихъ непріятной и рѣшили идти въ Румынскій портъ Констанцу. Прибывъ туда 19 Іюня они попытались достать у румынъ угля и провизіи, но получили отказъ. Послѣ этого сдѣлана была попытка силой достать все что нужно для броненосца въ Феодосіи, но портъ этотъ оказался сильно занятымъ войсками.

Десятидневная эпопея блужданія «Потемкина» по Черному морю окончилась 24 Іюня въ Констанцѣ. Броненосецъ былъ сданъ румынскимъ властямъ, а бунтовщики были свезены на берегъ въ качествѣ политическихъ эмигрантовъ. Деньги изъ судового денежнаго ящика, 24 тысячи рублей, были раздѣлены между матросами. Вскорѣ на рейдъ пришла русская эскадра и на «Потемкинѣ» вновь поднятъ андреевскій флагъ. Алексѣевъ, всѣ унтеръ

офицеры и человѣкъ 60 команды добровольно явились законнымъ властямъ.

Бунтъ на «Потемкинѣ», вызванный агитаторами, находившимися на русской территоріи, явился, какъ оказывается, полной неожиданностью для эсдекской и эсеровской заграничной нашей эмиграціи. Онъ застигъ ее въ расплохъ и случай серьезнаго военнаго бунта, о которомъ эта эмиграція все время мечтала не былъ ею какъ слѣдуетъ использованъ. Ленинъ изъ газетъ узналъ о происходящемъ въ Черномъ морѣ и немедленно выѣхалъ въ Констанцу руководить всѣмъ дѣломъ, но было уже поздно. Когда онъ прибылъ все уже было ликвидировано.

Къ тому, что приведено выше изъ воспоминаній г. А. Коваленко, нужно добавить, что онъ отнюдь не былъ кадровымъ, настоящимъ, офицеромъ нашего флота. Онъ просто поступилъ во флотъ, окончивши одно изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, для того чтобы съ большимъ комфортомъ отбыть воинскую повинность и избѣжать службы въ войскахъ въ званіи нижняго чина. Въ тѣ времена, къ сожалѣнію, это разрѣшалось и подобные господа, нося офицерскіе погоны, были въ то же время элементомъ для флота мало желательнымъ и чуждымъ. Отбывъ срокъ воинской повинности они, обычно, со службы уходили. На нихъ наша офицерская среда такъ и смотрѣла, какъ на «птичекъ перелетныхъ».

Я «Потемкинецъ», продолжалъ свой разсказъ Т., но «Потемкинецъ» особаго рода. Меня можно назвать «Потемкинцемъ по неволѣ».

Т. состоялъ на броненосцѣ въ тревожныя времена 1905 года, но не былъ въ числѣ экипажа его, а былъ штатскимъ человѣкомъ, представителемъ администраціи частнаго завода, изготовлявшаго механизмы корабля. По контракту съ казной заводъ этотъ былъ отвѣтствененъ въ теченіи одного года за всякую поломку въ машинѣ, происходящую отъ изъяна въ матерьялѣ или въ работѣ. Поэтому ему дано было право имѣть на суднѣ въ теченіи гарантійнаго срока своего инженера. Таковъ и былъ Т.

Вотъ, что онъ разсказалъ намъ:

«Стоянка на Тендрѣ выдалась тяжелая, стояла жара, а у меня накопилось много хлопотъ съ машинами корабля. Столовался я въ каютъ компаніи, но въ офицерскомъ кругу бывалъ мало. Больше времени мнѣ приходилось проводить въ низахъ броненосца: у котловъ и механизмовъ и общаться съ машинными унтеръ офицерами и машинистами, многихъ изъ которыхъ я зналъ еще съ завода, куда они были посланы когда шла сборка машины.

За нѣсколько дней до кроваваго происшествія, которое такъ трагически на мнѣ отозвалось, одинъ изъ этихъ моихъ знакомцевъ сказалъ мнѣ: Не хорошо сейчасъ у насъ въ командѣ, даже лица ка-

кія то темныя у людей стали. Какъ бы чего не вышло. Вамъ г. Т. я подъ большимъ секретомъ скажу: будьте осторожны и оставайтесь какъ можно меньше съ господами. Противъ васъ, конечно, никто ничего не имѣетъ — вы человѣкъ вольный, но все таки будьте больше въ своей каютѣ, когда вы не въ машинѣ.

Въ самыя страшныя минуты возстанія, когда на верхней палубѣ шла стрѣльба и лилась кровь, я былъ внизу у своихъ механизмовъ и вышелъ оттуда только тогда когда, повидимому, все стихло.

Вскорѣ меня позвали къ главарямъ: — Вотъ что г. Т. — сказали они мнѣ — мы васъ назначаемъ старшимъ механикомъ на броненосецъ. Я имъ объяснилъ, что вѣдь я, въ сущности, инженеръ конструкторъ, спеціалистъ по части постройки машины и ремонта ея частей, что же касается ухода за машиной и управленія ею, то всякій машинный унтеръ офицеръ несомнѣнно гораздо большій практикъ, чѣмъ я.

Главари что то потолкавали между собой и потомъ сказали мнѣ: — Ну, ладно. Можете идти, а если что намъ нужно будетъ, мы васъ позовемъ. —

Можно себѣ представить, что я перечувствовалъ и пережилъ въ эти дни скитаній броненосца по Черному морю. Оставаясь въ своей каютѣ я мало кого видѣлъ изъ экипажа, но зналъ все та-

ки, что всѣмъ дѣломъ руководитъ крошечная группа въ нѣсколько человѣкъ, составившихъ «комитетъ». Къ нимъ еще до выступленія примкнуло очень охотно нѣсколько десятковъ матросовъ самый отбросъ команды: бывшіе тюремные сидѣльцы и люди разряда штрафованныхъ. Остальная масса инертная и несклонная бунтовать удерживалась въ страхѣ и повиновеніи терроромъ: — Голову свернемъ каждому кто хотъ слово противъ насъ скажетъ — объявляли вожаки.

Но послѣ кроваваго выступленія на Тендровскомъ рейдѣ большинство команды стало разсуждать такъ: — Послѣ того какъ мы пошли на такое преступленіе: командира и офицеровъ убили, наша пѣсенка все равно спѣта. Намъ прощенья не будетъ ни въ какомъ случаѣ. Будемъ поэтому поддерживать вожаковъ и дѣлать все, что они хотятъ.

На суднѣ былъ полный развалъ, грязь и безпорядокъ. Приборкой никто не хотѣлъ себя затруднять.

На второй или на третій день меня потребовали въ комитетъ, засѣдавшій за столомъ въ адмиральской каютѣ. Коверъ тамъ былъ весь заброcанъ окурками. Въ помѣщеніи былъ невообразимый кавардакъ, вездѣ стояли какія то тарелки съ объѣдками.

— Мы вамъ даемъ паровой катеръ съ баркасомъ на буксирѣ и 20 человѣкъ вооруженной ко-

манды. Отправляйтесь на хуторъ на берегу, который видно отсюда и реквизируйте тамъ живой скотъ и овощи. За все забранное дайте владѣльцамъ росписку, что все полностію будетъ уплочено имъ впослѣдствіи новымъ революціоннымъ правительствомъ.

Моя команда разношерстно одѣтая выглядѣла настоящей шайкой разбойниковъ. Всѣ вооружены были, что называется, до зубовъ, были увѣшаны патронными подсумками и кромѣ винтовки у каждаго былъ револьверъ въ кобурѣ. Хотя я былъ какъ будто атаманомъ этой компаніи, но на самомъ дѣлѣ всѣмъ распоряжался одинъ изъ членовъ комитета.

Я чувствовалъ, что если моимъ спутникамъ покажется, что я съ ними не солидаренъ или явится подозрѣніе, что я хочу скрыться — я буду моментально пристрѣленъ. У меня самого никакого оружія не было.

Посылали меня съ этимъ дессантомъ, повидимому, исключительно для писанія пресловутой росписки о реквизиціи. Членъ комитета, руководившій шайкой ,не былъ силенъ въ грамотѣ.

Хуторъ оказался совсѣмъ не такъ близокъ къ берегу, какъ казалось съ броненосца. Много времени потратили также отыскивая куда бы пристать катеру съ баркасомъ.

Не удивительно, что когда, наконецъ, мы вышли на дорогу и были на полпути до цѣли, впе-

реди насъ сверкнуло остріе штыка и мы увидѣли воинскую часть, которая въ боевомъ порядкѣ двигалась намъ на встрѣчу.

Мои спутники мигомъ повернули обратно, но и тамъ была видна стрѣлковая цѣпь. Мы были окружены.

Винтовки и револьверы были брошены на дорогу и всѣ вокругъ меня разбѣжались, стараясь спрятаться въ кустахъ. Я же, поднявъ руки кверху, побѣжалъ навстрѣчу къ шедшимъ по дорогѣ двумъ жандармамъ. Въ нихъ я видѣлъ въ этотъ моментъ избавителей отъ моего плѣненія Вавилонскаго. Никогда жандармскій голубой мундиръ и красные аксельбанты не казались мнѣ такими привлекательными какъ въ эти памятныя минуты.

Я наскоро объяснилъ имъ какую роль я игралъ во всемъ дѣлѣ.

— Очень хорошо — сказали они. — Вы все это разскажете слѣдователю когда васъ будутъ допрашивать, а пока пожалуйте вотъ сюда.

На лужайкѣ подъ тѣнью дерева собрали мало по малу всю нашу шайку, вылавливая каждаго въ отдѣльности и затѣмъ, оцѣпивъ насъ двойной линіей ружейныхъ конвойныхъ, повели въ городъ. Я очутился за стальной тюремной рѣшеткой.

Мѣсяца два тянулось слѣдствіе. Сначала казалось, что всѣхъ насъ для примѣра прочимъ

отправять на висѣлицу, но по мѣрѣ добровольнаго возвращенія потемкинцевъ изъ Румыніи стала болѣе выясняться въ глазахъ слѣдственныхъ властей моя роль въ этомъ дѣлѣ. Однажды на допросѣ слѣдователь сказалъ мнѣ:

«Я нахожу возможнымъ избрать для васъ мѣрой пресѣченія дачу подписки объ невыѣздѣ. Но слѣдствіе будеть продолжаться и я васъ буду по временамъ призывать для допроса».

Послѣ пережитой мною встряски я былъ прямо нервно боленъ, а тутъ еще, когда, наконецъ, я вышелъ изъ тюрьмы, пріятели начали говорить мнѣ: — Дурень ты, сидишь и радуешься, что тебя выпустили. Дождешься, что опять запрутъ тебя въ клѣтку. Стоитъ двумъ, тремъ какимъ нибудь болванамъ, пріѣхавшимъ изъ Румыніи съ перепугу показать, что ты на Потемкинѣ верховодилъ и готово дѣло. Военная юстиція, братъ, дѣйствуетъ быстро и рѣшительно, не разбираясь особенно въ разныхъ тамъ оттѣнкахъ дѣла. Глазомъ моргнуть не успѣешь какъ одѣнутъ тебѣ на голову мѣшокъ, а на шею намыленную веревочную петлю. Тогда ужъ поздно будетъ что нибудь дѣлать. Поэтому утекай-ка ты лучше поскорѣй за-границу, пока живъ.

Подумалъ я подумалъ, да и поступилъ по совѣту друзей. Потомъ уже за-границей я понялъ какого я дурака сваляль, но было уже поздно. Своимъ бѣгствомъ я безповоротно себя скомпро-

метировалъ и закрылъ себѣ всѣ пути возвращенія на родину».

Мы проработали съ Т. на Арго-Кроссингѣ двѣ или три недѣли. Однажды вечеромъ, когда мы собирались идти домой, мы услышали отъ босса столь знакомое каждому американскому рабочему слово «Лей офъ» (увольненіе).

«Идите въ контору и получите удостовѣреніе о числѣ дней вашей работы»-сказалъ онъ намъ.

Мы построились и вздвоенными рядами замаршировали къ административному зданію, послѣдній разъ огласивъ рельсовые пути желѣзнодорожнаго депо громкой солдатской пѣсней.

Соловей, соловей — пташечка

Канареечка — жалобно поетъ.

Больше я Т. не встрѣчалъ. Но мѣсяца черезъ три кто то сообщилъ мнѣ, что ему не повезло. Заработка онъ не нашелъ. Вскорѣ за неплатежъ мѣсячныхъ взносовъ у него отобрали его парадный домъ со всѣми электрическими чудесами. По этой причинѣ или по какой другой, но бѣдный нашъ «Потемкинецъ по неволѣ» печально окончилъ свои дни, лишивъ себя жизни.

Германскій крейсеръ Магдебургъ

Ихъ было одиннадцать.

Волкъ, думая попасть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
КРЫЛОВЪ.

Шелковая темно малиноваго цвѣта занавѣска открытаго бортового иллюминатора слегка шевелилась, колыхаемая вѣтеркомъ, врывавшимся внутрь адмиральской каюты.

Броненосецъ стоялъ на якорѣ въ самой глубинѣ Кильскаго рейда, главной базы германскаго флота.

Запоздалый лучъ негрѣющаго Октябрьскаго солнца, проникшій сквозь складки занавѣски, игралъ зайчикомъ на широкомъ золотомъ нарукавномъ галунѣ сидѣвшаго въ креслахъ плотнаго, пожилого и заслуженнаго моряка. Этотъ чиновный представитель флота кайзера Вильгельма, выхоленный и важный, не носилъ усовъ, видимо подражая въ своей наружности чинамъ британскихъ морскихъ силъ. На лицѣ его въ данный моментъ написаны были: забота и безпокойство. Широкая складка легла на его лбу и онъ въ тактъ своей рѣчи нервно постукивалъ карандашемъ по лежащей передъ нимъ на письменномъ столѣ морской картѣ.

Шелъ третій годъ войны и на картѣ, лежа-

щей передъ адмираломъ, были изображены заливы: Финскій и Рижскій. Красными линіями чьей то заботливой рукой были нанесены на нее русскія минныя загражденія, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ себѣ представлялъ Германскій Морской Генеральный штабъ осенью 1916 года. Синимъ пунктиромъ обозначены были сектора обстрѣла русскихъ фортовъ и временныхъ укрѣпленій.

Сидѣвшій передъ адмираломъ бравый флота капитанъ, баронъ Курцъ фонъ Риттингъ, сухой и высокій, внимательно слушалъ рѣчь своего начальника. Онъ по временамъ вскакивалъ и, стукнувъ со строгой прусской выправкой каблукомъ о каблукъ, почтительно отвѣчалъ на заданный ему вопросъ.

Тогда старикъ торопливымъ жестомъ вновь приглашалъ собесѣдника садиться.

— Мой молодой другъ — сказалъ адмиралъ. — Я вѣдь васъ знаю съ мичманскаго чина, еще съ тѣхъ давнихъ поръ, когда мы съ вами плавали въ Китайскихъ водахъ на старомъ «Ильтисѣ». Поэтому я позволю себѣ бытъ съ вами вполнѣ откровеннымъ и скажу вамъ то, что даже стѣны въ этой каютѣ не должны были бы слышать.

Старикъ продолжалъ свою рѣчь почти шепотомъ и Риттингу пришлось даже нѣсколько придвинуть свое кресло чтобы не проронить ни слова.

— Его Высочество, августѣйшій командующій морскими силами въ Балтійскомъ морѣ, какъ вы

знаете, только что вернулся изъ Спа изъ Верховной Ставки. Пріѣхалъ онъ видимо глубоко взволнованный и потрясенный. Тамъ, сказалъ онъ, всѣ меня встрѣтили съ такимъ видомъ, точно я у нихъ яблоки въ саду воровалъ и на этомъ попался. Самъ нашъ Верховный вождь и повелитель сказалъ Его Высочеству слѣдующее: Наша страна ровно ничего не слышитъ о дѣятельности флота которымъ ты, милый Генрихъ, командуешь въ Балтійскихъ водахъ. На западѣ мы имѣли славное и блестящее дѣло у береговъ Ютландскаго полуострова, а отъ твоихъ балтійцевъ, прости, дружище, за прямоту и откровенностъ, намъ какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока. А вѣдь противникъ твой ни кто иной какъ русскій флотъ, самый ничтожный и неумѣлый врагъ на морѣ...

— Екселленцъ, — привскочилъ Риттингъ. — Вы хорошо знаете, что это не совсѣмъ такъ...

— Знаю, знаю, мой милый, прекрасно знаю, но прошу васъ: сидите и слушайте.

Намъ до крайности нужна, намъ во что бы то ни стало необходима морская побѣда въ Балтійскомъ морѣ. Намъ до зарѣзу требуется, чтобы утреннія берлинскія газеты въ одинъ прекрасный день вышли бы съ крупнымъ заголовкомъ «Новый, колоссальный, успѣхъ нашихъ моряковъ въ русскихъ водахъ».

Вы сами, баронъ, были на послѣднемъ нашем, большомъ военномъ совѣщаніи, которое почтилъ

своимъ присутствіемъ представитель Верховнаго Командованія и мой большой другъ адмиралъ графъ Розенкрейцъ. —

Воспоминаніе объ этомъ большомъ другѣ, очевидно, не было особенно пріятно для старика. Недовольная гримаса пробѣжала по его лицу и онъ нахмурившись помолчалъ нѣкоторое время.

— Вы помните, Риттингъ, — продолжалъ онъ, справившись со своимъ волненіемъ — сколько непріятнаго наговорилъ намъ Розенкрейцъ на этомъ совѣщаніи. Они сидя въ Ставкѣ, оказывается, совсѣмъ потеряли вѣру въ наше умѣнье организовывать крупныя операціи. Онъ все время напоминалъ о намъ нашей прошлогодней неудачной попыткѣ захватить Рижскій заливъ. Два года съ тѣхъ поръ прошло, а они все еще укоряютъ насъ за потерю «Магдебурга» на камняхъ въ Финскомъ заливѣ.

Словомъ сказать: никакихъ серьезныхъ большихъ операцій намъ не разрѣшаютъ, но требуютъ, и требуютъ самымъ категорическимъ образомъ чтобы мы что то предприняли съ тѣми небольшими силами, какія есть въ нашемъ распоряженіи. Вы понимаете, дорогой Риттингъ, съ какой радостью мы всѣ выслушали ваше смѣлое предложеніе: ворваться съ вашимъ дивизіономъ миноносцевъ ночью въ Финскій заливъ и надѣлать тамъ всякой бѣды для русскихъ. Розенкрейцъ такъ раздобрился, что обѣщалъ даже прислать сегодня

три или четыре самыхъ новыхъ миноносца изъ Фридрихсгафена чтобы усилить вашу флотилію.

Позвольте же, дорогой баронъ, отъ всей души пожелать, вамъ полнаго успѣха въ вашемъ смѣломъ предпріятіи — сказалъ адмиралъ, пожимая Риттингу руку на прощанье. — Помните, что вмѣстѣ съ нами весь Фатерландъ съ надеждою взираетъ на васъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ васъ донесенія о побѣдѣ надъ коварнымъ врагомъ. —

— Давайте скорѣе, Фрицъ, мнѣ обѣдать — сказалъ фонъ Риттингъ своему вѣстовому, торопливо спустившись въ свою каюту и бросивъ на стулъ походную кожаную куртку и фуражку. Въ моемъ распоряженіи всего десять минутъ: скоро подойдемъ къ Финскому заливу и мнѣ уже всю ночь придется пробыть на мостикѣ.

Фрицъ, опытный, вышколенный, вѣстовой начальника отряда миноносцевъ, былъ призванъ вновь на службу по мобилизаціи. Онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ кельнеромъ въ одномъ изъ первоклассныхъ ресторановъ въ Гамбургѣ. Поэтому съ особымъ, свойственнымъ такой спеціальности, умѣньемъ и шикомъ онъ ловко и безшумно поставилъ передъ капитаномъ сразу всѣ блюда незамысловатаго походнаго обѣда.

Полкружки густого и темнаго Мюнхенскаго пива, которое любилъ Риттингъ, сразу привели

его въ доброе и спокойное состояніе духа и онъ даже пошутилъ съ Фрицемъ, спросивъ его: очень ли онъ боится русскихъ. Легкое, плавное, постукиваніе машинъ, видъ уютной, комфортабельно обставленной каюты окончательно привели капитана въ благодушное настроеніе. Онъ удобно устроился въ мягкомъ, кожей обтянутомъ креслѣ, закурилъ сигару и дозволилъ себѣ невинное удовольствіе: помечтать.

— Русскіе лѣнивы и безпечны, это всѣмъ извѣстно, — думалъ онъ. Они это явно показали въ войну съ Японіей. Намъ, правда, до сихъ поръ какъ то все не везло въ борьбѣ съ ними, но военное счастье перемѣнчиво. Не будетъ ничего удивительнаго, если на Ревельскомъ или Гельсингфорскомъ открытомъ съ моря рейдѣ я застигну, внезанно туда ворвавшись, всѣ ихъ дредноуты спокойно и безмятежно стоящими на якорѣ. Поднимется тогда, конечно, безпорядочная стрѣльба съ ихъ стороны, результатъ паники, а въ отвѣтъ на это послѣдуютъ спокойные точные и безпощадные минные залпы съ нашей стороны. Гибнетъ одинъ дредноутъ, ложится безпомощно на бокъ другой. Но мы, нѣмцы, великодушны къ побѣжденному врагу. Мы подойдемъ къ кормѣ тонущаго гиганта, спасемъ несчастную погибающую его команду, и заодно снимемъ съ него цѣнный трофей: его кормовой флагъ.

— «А потомъ» — Риттингъ ловко пустилъ кольцомъ дымъ отъ сигары и, вглядываясь въ исчезающее въ воздухѣ колечко, продолжалъ рисовать себѣ картины, ожидающаго его блестящаго будущаго. —

«Встрѣча съ тріумфомъ въ Килѣ... Я ѣду въ Главную Квартиру въ Спа... Тамъ самъ Кайзеръ, полный благоволенія и ласки... Ваше Величество, скажу я ему, скромно опуская глаза, я не считаю, что я заслужилъ такую высокую награду: орденъ «Пуръ ле Меритъ»: я только исполнилъ свой долгъ... Мой дорогой контръ - адмиралъ фонъ Риттингъ, скажетъ онъ мнѣ тогда улыбаясь, я, кромѣ того, назначаю васъ адмираломъ моей свиты...

— Херръ капитанъ, цуръ зее, — прервалъ мечтанія Риттинга, присланный съ вахты фендрихъ— гардемаринъ, Командиръ миноносца проситъ разрѣшенія поворачивать въ Финскій заливъ.

Узкая, свѣтло — багровая полоска, протянувшаяся вдоль горизонта среди мрачныхъ свинцоваго цвѣта тучъ, въ сторонѣ шведскаго острова Готланда обозначала то мѣсто, гдѣ садилось солнце. Всѣ 11 миноносцевъ шли вытянувшись въ одну длинную кильватерную колонну. Такъ, казалось, меньше риску въ случаѣ попаданія на непріятельскія мины. Дулъ легкій нордъ вестъ, по временамъ усиливаясь и тогда, скрываемые вѣтромъ бѣлые гребешки, соленымъ дождемъ смачивали палубу.

Прямо по носу долженъ былъ открываться входъ въ Финскій заливъ, таинственное опасное мѣсто, ибо тамъ стоитъ на стражѣ нѣкто страшный и безжалостный, цѣлъ котораго нанести нѣмцамъ вредъ, убить ихъ и пустить ко дну. Этотъ нѣкто — непріятель. Правда, при всей жуткости проникновенія въ запретную вражескую зону, казалось, до увлекательности интереснымъ своими глазами повидать этого, скрывающагося гдѣ то въ своихъ водахъ, непріятеля.

Но ничего не было видно. Передъ носомъ головного миноносца стѣной стояла непроглядная мгла темной и холодной осенней ночи. «Видимость одна миля» — отмѣтилъ въ вахтенномъ журналѣ младшій штурманъ.

Начальникъ отряда стоялъ на мостикѣ и пристально вглядывался впередъ. Сейчасъ, по мѣрѣ приближенія къ опасности, онъ все меньше и меньше чувствовалъ въ душѣ смѣлый порывъ. Невольно стали вспоминаться одинъ за другимъ случаи, когда подводныя лодки, выйдя изъ германской базы, направились какъ разъ по этому, ими ранѣе проторенному пути и... больше объ нихъ никогда не было слышно. Жизнерадостный и веселый Карлъ Лешке, командиръ одной изъ нихъ, все время вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, почему то былъ убѣжденъ, что ничего съ его лодкой не можетъ случиться. Со своимъ другомъ Риттингомъ онъ провелъ послѣдній передъ выходомъ въ море вечеръ.

Пѣнилось въ бокалѣ рейнское шампанское, была почему то полная увѣренность въ боевой удачѣ и что же... Сейчасъ нѣсколько строкъ въ оффиціальныхъ приказахъ сухо гласятъ — «исключаются изъ списковъ пропавшіе безъ вѣсти: капитанъ лейтенантъ Карлъ Лешке и всѣ чины его лодки».

Риттингъ взглянулъ на темную холодную волну, которая вздымалась миноносцемъ на ходу — брр... — подумалъ онъ, — какая непріятная, тяжелая смерть ожидаетъ каждаго изъ насъ, съ кѣмъ случится бѣда, въ этихъ непривѣтливыхъ, страшныхъ, сѣверныхъ русскихъ водахъ.

Почему то горделивыя мысли о побѣдахъ, славѣ, чинахъ и орденахъ больше не приходили Риттингу въ голову. На сердце все болѣе и болѣе камнемъ ложилось тяжелое чувство отвѣтственности за корабли, которые онъ ведетъ къ какой то, въ сущности и ему самому неизвѣстной, цѣли. Онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ за жизнь каждаго изъ той тысячи, которая составляетъ команду его отряда. Сейчасъ люди эти довѣрчиво идутъ за нимъ, исполняютъ его волю. «Мейнъ Готтъ, мейнъ Готтъ» беззвучно прошепталъ онъ, сразу вспомнивъ о Богѣ въ эту тяжелую минуту своей жизни. Неужели я трушу — промелькнуло у него въ головѣ? Я, кавалеръ желѣзнаго креста, спеціально выбранный начальствомъ изъ десятковъ бравыхъ и храбрыхъ морскихъ офицеровъ, готовыхъ вести миноносцы на подвигъ.

Нѣтъ, лучше не думать о такихъ непріятныхъ вещахъ.

Въ исходѣ 9-го часа ночи стоявшій на мостикѣ рядомъ съ Риттингомъ рослый матросъ флагманскій сигнальщикъ Густавъ Штунде, уроженецъ Штеттина и прирожденный мореходъ, вдругъ засуетился, схватилъ карандашъ и при тускломъ свѣтѣ потайной лампочки въ нактоузѣ компаса сталъ торопливо записывать на клочкѣ бумаги, обернувшись лицомъ на корму.

Тамъ, съ миноносца, шедшаго вторымъ въ строѣ, начали передавать что-то миганіемъ по азбукѣ Морза. То потухающій, то вновь вспыхивающій огонекъ сигнальнаго фонаря «Ратьера» уже самъ по себѣ вносилъ тревогу и безпокойство въ душу. Значитъ есть что то такое, какая то случайность въ колоннѣ идущей на врага. А вѣдь въ это время какъ нельзя менѣе желательны какія либо происшествія.

— Скрылись изъ вида три концевые миноносца — записывалъ Штунде, а Риттингъ встревоженный, стоя около него, прочитывалъ одно за другимъ слова непріятной телеграммы.

— Право на бортъ — закричалъ начальникъ отряда, не дожидаясь конца телеграфированія. Миноносцы одинъ за другимъ, описавъ правильную дугу, легли на обратный курсъ. Идите къ отставшимъ, сказалъ Риттингъ командиру флагманскаго миноносца. Можетъ быть съ ними что нибудь случилось.

Между тѣмъ, передача «Ратьеромъ» продолжалась. Штунде одно за другимъ записывалъ слова.

Риттингу казалось, что это не сигнальная лампочка мигаетъ, а сама война со связанной съ ней смертью и опасностью подмигиваетъ ему лукаво своимъ глазомъ. Телеграмма гласила о драмѣ на морѣ. Каждое слово ея било Риттинга точно обухомъ по головѣ «Одинъ изъ отставшихъ миноносцевъ подорвался на минѣ. Остальные два подошли къ нему на помощь». Начальникъ отряда, хотя и не хотѣлъ самъ себѣ въ этомъ сознаться, почувствовалъ сразу на душѣ облегченіе, когда носы миноносцевъ повернулись на западъ, назадъ къ дому, къ Германіи, прочь отъ негостепріимныхъ русскихъ береговъ.

Но вотъ въ рукѣ его новая записка на бланкѣ судовой радіо станціи. Командиръ одного изъ отставшихъ кораблей доноситъ: Миноносцы «Ве 75» и «Есъ 57»* взорвались на минахъ и оба пошли ко дну. Уцѣлѣвшій «Ге 89» подобралъ команды съ погибшихъ судовъ и давъ полный ходъ пошелъ на западъ въ свои воды». Онъ, такъ сказать, «удалился отъ зла и сотворилъ благо».

Взволнованный Риттингъ дрожащей рукой написалъ радію телеграмму для передачи своему

*) Миноносцы германскаго флота вмѣсто именъ имѣютъ №№ и отличительныя литеры по имени завода на которомъ они строились: «Ве» — фирма «Вулканъ» въ Штеттинѣ. «Есъ» «Шихау» въ Эльбингѣ и «Ге» — «Германія» въ Килѣ.

начальству на главную базу: «встрѣтилъ минныя загражденія на путяхъ, считавшихся нами безопасными, 2 миноносца пошло ко дну. Команды спасены и отправлены на родину на «Ге 89». Ввиду неувѣренности въ безопасности дальнѣйшаго слѣдованія, прошу сообщить продолжать-ли выполненіе намѣченной операціи».

Радіо аппаратъ заработалъ и вскорѣ въ рукахъ Риттинга былъ отвѣтъ «Продолжайте выполнять порученіе».

— Поворачивайте опять на остъ — мрачно сказалъ онъ командиру флагманскаго миноносца. Когда корабли, подчиняясь положенному на бортъ рулю и слегка накренившись, поворачивались къ русскимъ берегамъ, Риттингу казалось, что они дѣлаютъ это не такъ плавно, охотно и красиво, какъ при предыдущемъ измѣненіи курса къ берегамъ родины.

Нѣкоторое время думалось, что полоса неблагополучія миновала. Около 10 часовъ вечера съ правой стороны удалось разсмотрѣть темную массу острова Оденсхольмъ, мѣсто гибели германскаго крейсера «Магдебургъ», выскочившаго тамъ на камни въ первый же мѣсяцъ войны. Но непріятеля въ морѣ не было. Некого было атаковать и взрывать.

Сейчасъ въ душѣ Риттинга уже совершенно не было желанія врываться на рейдъ Гельсингфорса или Ревеля. Если отдаленные подступы къ

Спасеніе людей съ погибающаго миноносца.

Финскому заливу такъ хорошо минированы, то чего же мы можемъ ожидать при входѣ въ непріятельскую базу. Было бы прямо самоубійствомъ туда ломиться.

— Но намъ нужно во что бы то ни стало сдѣлать что нибудь, — думалъ онъ. — Если мы вернемся на родину, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и потерявъ двѣ цѣнныхъ боевыхъ единицы, надъ нами всѣ смѣяться будутъ.

— Балтійскій портъ — пришло ему въ голову, когда онъ разсматривалъ карту. По нашимъ свѣдѣніямъ это крохотный рыбачій поселокъ. Врядъ ли русскіе поставили много минъ въ бухтѣ Роггервикъ для его защиты. Тѣмъ лучше для насъ. Врядъ ли тамъ и береговыя батареи естъ. Но вѣдь я могу въ донесеніи написать, что по насъ стрѣляли съ форта. Кто меня потомъ будетъ провѣрять... Да, пожалуй, это единственное мѣсто, гдѣ, не подвергаясь слишкомъ большому риску, мы можемъ пострѣлять по непріятелю.

— Поворачивайте въ бухту Роггервикъ, — приказалъ Риттингъ командиру флагманскаго миноносца.

— Балтійскій портъ, Балтійскій портъ — размышлялъ начальникъ отряда, пока миноносцы его приближались къ этому поселку. Право же это прекрасное названіе и читатели утреннихъ газетъ въ Берлинѣ несомнѣнно будутъ очень обрадованы

прочитавъ заголовокъ: «Наши храбрые моряки бомбардировали Балтійскій портъ».

Въ гавани Гельсингфорса, на посыльномъ суднѣ «Кречетъ» въ эту ночь всѣ были на ногахъ. Въ одной изъ каютъ, въ которой сохранялась въ глубокой тайнѣ небольшая книга въ кожаномъ переплетѣ, все время одинъ изъ чиновъ штаба расшифровывалъ непріятельскія радіо телеграмы, начавшія поступать съ ранняго утра. Книга эта была — непріятельскій секретный телеграфный кодъ, захваченный нами при гибели въ нашихъ водахъ германскаго крейсера «Магдебургъ».

Непріятель до самаго конца войны не подозрѣвалъ, что у насъ въ рукахъ есть такой страшный документъ и не измѣнялъ кода. Военная тайна о существованіи такой книги, переданной въ копіи и державамъ союзникамъ, была соблюдена блестяще.

Еще утромъ выяснилось изъ вражескихъ телеграммъ, что къ нашимъ берегамъ приближается очень сильный отрядъ нѣмецкихъ миноносцевъ числомъ около десятка. Тотчасъ же были посланы во всѣ порта и на всѣ береговыя батареи и наблюдательные посты соотвѣтствующія предупрежденія и инструкціи. Конечно, ни одного большого корабля нашей эскадры въ эту ночь въ морѣ не было.

Расчетъ былъ такой: если непріятель пойдетъ

прямикомъ черезъ минныя наши загражденія, то туда ему и дорога. Пусть гибнетъ. Среди линій загражденій имѣлись спеціально на мелкую глубину 7 — 8 футъ поставленныя мины, предназначенныя для взрыва миноносцевъ и прочихъ мало сидящихъ въ водѣ судовъ.

Если же онъ какимъ либо образомъ узналъ секретъ нашихъ собственныхъ фарватеровъ, все время протраливаемыхъ и проходящихъ на виду у береговыхъ батарей, будетъ стараться такимъ путемъ пробраться внутрь залива, то тоже будетъ недурно, ибо предупрежденныя батареи встрѣтятъ эти миноносцы должнымъ образомъ. Наши минныя флотиліи держались въ готовности ударить на врага, какъ только выяснится его мѣстопребываніе.

Около 9 часовъ вечера наблюдательные посты прислали первое свѣдѣніе о непріятелѣ. Около банки Апполонъ при входѣ въ Финскій заливъ слышны были два послѣдовательныхъ взрыва. Какіе миноносцы взорвались вскорѣ же выяснилось когда расшифрованы были непріятельскія радіо телеграммы.

— Просится обратно въ Германію, не понравились ему наши мины — сказалъ улыбаясь адмиралъ начальникъ штаба, прочитавъ посланную съ вражескаго отряда телеграмму.

Но нѣмецкое начальство на это не согласилось и миноносцы продолжали свое путешествіе по нашимъ водамъ.

Послѣ полуночи сообщили изъ Балтійскаго порта, что три или четыре непріятельскіе миноносца вошли въ бухту Роггервикъ и обстрѣляли этотъ поселокъ, впустивъ, какъ послѣ оказалось, около 160 гранатъ. Запылали рыбачьи лачуги, загорѣлась конюшня гдѣ въ мирное время стояли лошади поста пограничной стражи, а сейчасъ случайно эти конюшни были использованы конскимъ составомъ обоза какой то воинской части.

Было убито 2 обозныхъ солдата, а изъ жителей 2 женщины и 4 дѣтей. Кромѣ того было 7 раненыхъ. Изъ Ревеля экстренно была послана туда медицинская помощь.

Въ штабѣ на «Кречетѣ» только руками развели получивъ извѣстіе о такой бомбардировкѣ. Если непріятель только для того вошелъ въ заливъ, теряя на пути корабли, чтобы обстрѣлять мирное, невооруженное селеніе, то это показываетъ глубокую неосвѣдомленность германскихъ штабовъ. Такого рода предпріятіе съ военной точки зрѣнія можно назвать прямо «безумнымъ».

— Будемъ ждать куда непріятель дальше полѣзетъ пускай еще погуляетъ по нашимъ минамъ. Посылать наши миноносцы ему навстрѣчу отнюдь не слѣдуетъ: мы этимъ только обнаружили бы ему наши секретные фарватеры — сказалъ начальникъ штаба.

Авторъ настоящаго разсказа долженъ сознаться, что ни въ каютѣ германскаго флагманскаго броненосца онъ не былъ, ни въ равной степени на мостикѣ нѣмецкаго головного миноносца, когда вражескій отрядъ въ ночь съ 27 на 28 Октября 1916 года вошелъ въ Финскій заливъ.

Съ тѣхъ поръ прошло два десятилѣтія. Можно съ полною объективностью отнестись къ дѣйствіямъ германскихъ морскихъ силъ въ эту памятную ночь. Кое что мы знаемъ объ этой операціи изъ нашихъ русскихъ источниковъ, кое что было объявлено нѣмцами послѣ конца войны. Но, насколько автору извѣстно, самая цѣль этого рискованнаго предпріятія до сихъ поръ остается до нѣкоторой степени загадкой.

Вѣроятно въ германскихъ морскихъ штабахъ работали неглупые люди, не менѣе насъ ознакомленные съ основными принципами веденія войны на морѣ, но въ данномъ случаѣ нельзя не придти къ заключенію, что набѣгъ вражескаго отряда на Финскій заливъ былъ какой то странной, въ высшей степени необоснованной авантюрой. Были, повидимому, какія то причины, которыя не имѣли ничего общаго съ серьезнымъ веденіемъ военныхъ операцій, которыя и заставили германскіе штабы рискнуть 11-ю цѣнными боевыми единицами.

Авторъ настоящаго разсказа постарался создать въ своемъ воображеніи такую обстановку, при которой подобный авантюрный походъ сталъ бы возможнымъ. Все о чемъ онъ разсказалъ

выше отнюдь не является поэтому точнымъ изложеніемъ историческихъ фактовъ. Командовалъ отрядомъ непріятельскихъ миноносцевъ совсѣмъ не баронъ Курцъ фонъ Риттингъ. Это лицо цѣликомъ вымышлено авторомъ. Начальника этого отряда звали иначе.

Но въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ, отбросивши фантазію въ сторону, позволяетъ себѣ привести подлинный разсказъ того германскаго морского офицера, который командовалъ отрядомъ миноносцевъ. Это разсказъ о драмѣ, которая произошла въ страшную ночь на 28 Октября въ Финскомъ заливѣ. Переводъ этого разсказа былъ помѣщенъ на страницахъ 238-241 превосходнаго капитальнаго труда кап. I ранга Графа «НА НОВИКѢ», откуда я его и заимствую:

РАЗСКАЗЪ НАЧАЛЬНИКА ОТРЯДА ГЕРМАНСКИХЪ МИНОНОСЦЕВЪ.

«Послѣ бомбардировки Балтійскаго порта выходимъ изъ бухты и давъ 26 узловъ несемся на западъ. Тамъ за миннымъ полемъ въ условленномъ мѣстѣ насъ ждутъ наши легкіе крейсера. Чтобы не попасть на то мѣсто гдѣ взорвались «Есъ 57» и «Ве 75» я немного мѣняю курсъ.

Вдругъ за послѣднимъ миноносцемъ нашей колонны блеснули вспышки и послышался гро-

хотъ орудій. Итакъ, непріятель все таки насъ открылъ и напалъ на задніе миноносцы.*

Самый полный ходъ. Скорѣй на помощь. Въ этотъ моментъ на второмъ миноносцѣ «Ге 90» поднимается огромный столбъ воды. Кругомъ больше ничего не слышно. На самомъ миноносцѣ — образцовое спокойствіе. Проходя мимо «Ге 90» я узнаю подробности несчастія. Оказалось мина взорвалась подъ тюрбинами. Это — ужъ третій миноносецъ.

«Есъ 59», подойдя къ борту «Ге 90» принимаетъ его команду. Не успѣло еще остыть впечатлѣніе объ этой потерѣ, какъ прожекторъ задняго миноносца, прорѣзая своими лучами темноту ночи начинаетъ сигналить. Мы съ отчаяніемъ читаемъ: «Ве 72» М М (попаденіе миной) Нѣтъ, это не подводныя лодки — это мины.

Но вѣдь это — адъ, куда мы попали!

Я подхожу къ «Ве 72». У его борта уже стоитъ «Ве 77», который снимаетъ команду.

Довести подорванные миноносцы до порта нечего и думать: они настолько повреждены, что еле держатся на водѣ. Итакъ «Есъ 57» и «Ве 75» погибли на пути впередъ, а теперь погибли «Ге 90» и «Ве 75». Отъ гордой флотиліи остается всего шесть миноносцевъ. Но не успѣли еще всѣ миноносцы соединиться, какъ сзади меня снова вспыхиваетъ ужасное «ММ». Это «Есъ 58».

*На самомъ — дѣлѣ никто въ это время по нѣмцамъ не стрѣлялъ.

И этотъ миноносец такъ сильно поврежденъ, что больше не въ состояніи держаться на водѣ. Въ его отсѣки вливается огромное количество воды и онъ вдругъ опрокидывается. Слава Богу еще, что большая часть команды уже на «Есъ 59».

Что за страшная ночь. Кругомъ темнота, погода все портится, а за загражденіями, навѣрно, ждетъ насъ со своими флотиліями непріятель. Среди же этого чертова котла — только мины, противъ которыхъ нѣтъ защиты.

Вдругъ опять зажигается прожекторъ «ММ». Значитъ опятъ надо, рискуя собой, снимать людей съ подорвавшагося миноносца.

Курсъ держимъ на югъ, такъ какъ мнѣ онъ кажется самымъ безопаснымъ. Вѣроятно загражденія расположены именно по этому направленію, а слѣдовательно мы будемъ идти параллельно ему.

Спасеніе шлюпками тянется слишкомъ долго. Уже болѣе часа какъ «Есъ 59» перевозитъ ими команду «Есъ 58», онъ не можетъ подойти къ самому борту, ибо на поверхности рядомъ съ нимъ видны мины.

Наконецъ «Есъ 59» — готовъ и идетъ за остальными миноносцами. Но не успѣваетъ онъ пройти и 1000 метровъ, какъ его постигаетъ та же судьба. Сквозь темноту ночи опять сверкаетъ зловѣщее «ММ».

Теперь ужъ я самъ иду къ борту «Есъ 59».

Очень непріятное плаваніе. Вотъ я вижу двѣ большія мины, плавающія на поверхности почти рядомъ съ «Есъ 59». Скорѣе къ борту, взять команду и прочь отъ тебя, доблестный корабль. Ты слишкомъ тяжело поврежденъ, чтобы тебя можно было довести домой.

Я еще имѣю четыре миноносца. Неужели еще не конецъ этой дьявольской ночи. Нѣтъ. Мы все пока на минахъ. Одно утѣшеніе: стало свѣтать. Но бѣдамъ еще не пришелъ конецъ. Вдругъ опять тихій звукъ взрыва подъ послѣднимъ миноносцемъ: «Ве 86». Высокій столбъ воды и «ММ». «Ве 77» спасаетъ экипажъ а «Ве 76» — тонетъ.

Осталось только три миноносца. Одиноко и грустно мы ищемъ правильный путь домой и, на этотъ разъ, находимъ. Непріятеля мы такъ и не видѣли. Какъ выяснилось позже, онъ даже не выходилъ въ море».

По нашимъ русскимъ свѣдѣніямъ, на обратномъ пути отрядъ германскихъ миноносцевъ, боясь слѣдовать старымъ путемъ, придержался сѣвернаго финляндскаго берега и снова нарвался на мины т. наз. передовой позиціи, гдѣ у него сейчасъ же взорвалось три миноносца. Это обстоятельство сильно смутило остальныхъ и они пошли вдоль позиціи къ югу все время путешествія по нашимъ загражденіямъ. Тутъ они потеряли еще одинъ миноносецъ. Тогда, должно

быть съ отчаянія, оставшіеся рѣшили идти на «ура» и повернули на западъ. Вскорѣ погибъ еще миноносецъ. Уцѣлѣло и вышло на чистую воду только три миноносца, причемъ одного изъ нихъ тащили на буксирѣ.

Столь трагически кончилась попытка нѣмцевъ проникнуть миноносцами въ Финскій заливъ. Послѣ, до самой нашей революціи, непріятель въ наши воды входить не смѣлъ. Безъ одного выстрѣла съ нашей стороны, благодаря продуманной системѣ минныхъ загражденій, удалось въ одну ночь пустить ко дну семь первоклассныхъ миноносцевъ.

Оборонительная система минныхъ загражденій, выработанная въ принципѣ въ мирное время нашимъ Морскимъ Генеральнымъ штабомъ, была приведена въ исполненіе и усовершенствована нашими доблестными адмиралами, нынѣ покойными, Николаемъ Оттовичемъ Эссеномъ и Василіемъ Александровичемъ Канинымъ. Оба они командовали во время войны Балтійскимъ флотомъ.

На „Ярославѣ мудромъ."

(РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА)

Іеромонахъ Свято-Озерской обители о. Никодимъ, судовой священникъ крейсера «Ярославъ Мудрый», сидя у себя въ «келіи», какъ онъ называлъ каюту, истово и не торопясь прочиталъ вечеромъ въ рождественскій канунъ чинъ всенощной, пропѣлъ вполголоса тропарь предпразднично ный и кондакъ «Дѣва днесь», бережно убралъ служебникъ, пріодѣлся потеплѣе и пошелъ наверхъ, подышать воздухомъ.

Днемъ онъ, улучивъ минутку, когда старшій офицеръ забѣжалъ въ каютъ-компанію, спросилъ его: «Будемъ ли мы сегодня собирать церковь». Начальство въ отвѣтъ только руками замахало. «Какая ужъ тутъ, батюшка, всенощная. Сами знаете: находимся у самыхъ береговъ Германіи, во вражескихъ водахъ. Команда и офицеры стоятъ вахту у орудій на двѣ смѣны. Каждую минуту можемъ на кого-нибудь нарваться и въ бой вступить. Нѣтъ ужъ вы, о. Никодимъ, отслужите у себя въ каютѣ сегодня все, что полагается, а завтра, если Богъ дастъ, все будетъ благополучно и мы окажемся на пути домой, то не только обѣдню отслужимъ, но и благодарственный молебенъ».

Выйдя на верхнюю палубу и сдѣлавъ нѣ-

сколько шаговъ, о. Никодимъ вдругъ почувствовалъ, что онъ потерялъ направленіе и заблудился среди, казалось бы, столь знакомыхъ ему предметовъ. Онъ сразу былъ охваченъ и окутанъ холоднымъ влажнымъ и какъ молоко густымъ туманомъ. Ночь при этомъ была безлунная. Нарочно такую выбрали для похода. А на крейсерѣ ни на верхней палубѣ, ни снаружи бортовъ не было видно ни одного огонька. Крейсеръ шелъ, какъ всегда на войнѣ, съ закрытыми огнями.

— Осторожнѣе, батюшка, — внезапно послышался голосъ вахтеннаго минера. — Тутъ мины стоятъ на рельсахъ — не ушибитесь объ нихъ.

О. Никодимъ зналъ, что передъ выходомъ изъ порта на верхней палубѣ крейсера, на временно положенныхъ рельсовыхъ путяхъ, помѣщены были длинные ряды большихъ, въ видѣ шара, гальваноударныхъ минъ загражденія. Ему было извѣстно, что эти смертоносныя машины предполагается сбросить в море, гдѣ-то у вражескихъ береговъ, на путяхъ непріятельскихъ судовъ. Изъ услышанныхъ имъ въ каютъ-компаніи разговоровъ онъ могъ понять, что предпріятіе это можетъ считаться однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и наиболѣе рискованныхъ изъ числа выполнявшихся нашими военными судами въ эту войну.

Сейчасъ о. Никодимъ стоялъ на верхней палубѣ и думалъ: «Какая непреклонная сила воли нужна, чтобы заставить этотъ громадный крейсеръ мчаться полнымъ ходомъ навстрѣчу смертельной

опасности, сквозь мракъ глухой ночи и сквозь стѣну густого тумана».

Неустанно, лихорадочно быстро постукивали валы машины. Какъ будто и она раздѣляла то чувство безпокойства и тревоги, которое невольно было на душѣ у каждаго изъ участниковъ этого смѣлаго похода. Валы эти какъ будто напѣвали: «Что то будетъ, что то будетъ, что то будетъ».

«Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ и услыши мя отъ горы святыя Своея», шепталъ о. Никодимъ, возврашаясь въ свою каюту, «Азъ уснухъ и спахъ возставъ, яко Господь заступитъ мя».

«Ярославъ Мудрый», ветеранъ японской войны, четырехтрубный, высокобортный и громоздкій, такъ не похожій на суда позднѣйшей постройки, считался передъ самой войной съ Германіей кораблемъ годнымъ лишь для учебныхъ цѣлей.

Когда мѣсяца за два до этого похода Кока Загряжскій, маленькій худенькій блондинчикъ съ дѣтскимъ личикомъ и едва замѣтнымъ пушкомъ на верхней губѣ, являлся командиру «Ярослава», блистая золотомъ только что надѣтыхъ при производствѣ мичманскихъ погонъ, то онъ испытывалъ чувство близкое къ разочарованію.

«Угодилъ я, кажется, на старую галошу, которую и въ бой никогда не пошлютъ» — думалъ онъ. — «То ли дѣло Шилинскій - Лохматовъ и Бревернъ. Оба моего же выпуска, а попали на новые крейсера, одинъ на «Гридень», другой на

«Пандору». Да еще, канальи, меня же поддразнивали — жаль, говорятъ, что ты не у насъ на отрядѣ. Нашъ «Гридень» съ «Роономъ» сражался и по первое число ему наложилъ, а «Пандора» германскій заградитель разстрѣляла и заставила на шведскій берегъ выброситься».

«Не грустите, юноша», говорилъ по этому поводу Кокѣ сѣдобородый «чифъ», т. е. старшій механикъ, имѣвшій Владимира съ мечами за Портъ - Артуръ. «Война, батенька, всегда лотерея. Можетъ оказаться, что вашихъ хваленыхъ «Гридня» и «Пандору» поберегать въ гавани будутъ, а нашего старика «Ярослава» пошлютъ куда надо не задумываясь; чего его жалѣть, все равно черезъ нѣсколько лѣтъ на сломъ пойдетъ».

Кока стоялъ въ канунъ Рождества длинную и утомительную вахту съ полдня. На площадкѣ главнаго компаса на заднемъ мостикѣ, гдѣ пришлось Кокѣ проторчать большую часть времени, было сыро и холодно. Онъ былъ въ легкомъ пальто. «Напрасно я изъ дома шведскую куртку не взялъ, когда мнѣ предлагали. Говорилъ — у насъ на крейсерѣ никто ихъ не носитъ, а сейчасъ всѣ на себя понадѣвали, что есть теплаго и шведскія куртки кой у кого оказались».

Куда, собственно, крейсеръ идетъ и гдѣ будетъ ставить мины, никто не зналъ, кромѣ командира. Кокѣ оставалось еще нѣсколько минутъ пробыть на заднемъ мостикѣ до смѣны, когда туда стре-

мительно прибѣжалъ ближайшій его начальникъ старшій штурманъ — лейтенантъ Глагольцевъ.

— Ну, молодой, могу сообщить вамъ послѣднюю новость: такую головокружительную авантюру мы предпринимаемъ, что вы и вообразить себѣ не сможете.

Передъ этимъ Глагольцевъ не выдержалъ, видя, что крейсеръ, слѣдуя назначенными командиромъ курсами, все глубже и глубже забирается въ германскія воды, онъ спросилъ начальство:

— Иванъ Николаевичъ, куда же мы, собственно, идемъ.

Командиръ улыбнулся и ткнулъ пальцемъ на входъ въ Кильскій рейдъ, главную базу нѣмцевъ, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, стояла ихъ эскадра.

Глагольцевъ глаза выпучилъ отъ изумленія:

— А вдругъ, если туманъ пронесетъ и мы тамъ нарвемся на охрану рейда.

— Вдруг, батенька, только старыя барыни что-то дѣлаютъ, когда у нихъ желудокъ не въ порядкѣ. А намъ съ вами надо придерживаться французской поговорки — «Ки не рискъ, не погань»)*.

Кока, при всей своей радости, что крейсеръ получилъ такое исключительное по рискованности боевое заданіе, невольно почувствовалъ, какъ му-

*) Французская поговорка «Кто не рискуетъ — тотъ ничего не достигаетъ», умышленно произнесенная съ сильнымъ русскимъ акцентомъ.

рашки побѣжали у него по спинѣ. Вѣдь это называется лѣзть прямо въ пасть львиную, въ эту узкость Кильской бухты.

Въ каютъ-компанiи, куда въ 7 часовъ, смѣнившись съ вахты, спустился Кока, было свѣтло и уютно. Вѣстовые, весело постукивая тарелками и блюдами, торопливо подавали обѣдъ проголодавшимся, уставшимъ за долгiе часы службы на сырости и холоду офицерамъ. Кока чувствовалъ себя слегка простуженнымъ, чуть-чуть побаливала голова и стучало въ вискахъ.

Глагольцевъ это замѣтилъ:

— У васъ, молодой, даже носъ посинѣлъ отъ холода и выглядите вы неважно, — сказалъ онъ Кокѣ въ концѣ обѣда. — Надо васъ полечить — я не желаю, чтобы у меня помощники выходили изъ строя въ такое нужное время, — и онъ, доставъ изъ своей каюты флакончикъ съ ароматнымъ ямайскимъ ромомъ, влилъ порядочную порцiю въ стаканъ съ чаемъ, стоявшiй передъ Кокой.

— А теперь садитесь въ кресло и отдыхайте, пока все спокойно. Мы по расчету подойдемъ къ мѣсту миннаго загражденiя къ 11-ти. Тогда я за вами пришлю, не безпокойтесь.

Прiятная теплота охватила все существо Коки, когда онъ удобно устроился въ углу каютъ-компанiи. Мысли направились къ далекому, снѣжной пеленой покрытому Петербугу. Онъ ясно представилъ себѣ нарядный, слегка синеватый, свѣтъ

яркихъ дуговыхъ лампъ на Невскомъ и Морской, который отражается серебромъ на каждой падающей снѣжинкѣ. Бравый расторопный городовой въ бѣлыхъ перчаткахъ, стоя на перекресткѣ, умѣло руководитъ усиленнымъ уличнымъ движеніемъ въ канунъ праздника. Въ то же время онъ успѣваетъ отчетливо козырнуть ѣдущему на лихачѣ офицеру.

«Сегодня у насъ дома на Среднемъ проспектѣ на Васильевскомъ островѣ елка», вспомнилъ Коко. «Братья: юнкеръ и кадетъ съ сестрой институткой убираютъ ее въ гостиной и зажигаютъ свѣчи. Будутъ въ гостяхъ дяди Кости и тети Вѣры маленькія дѣти, будетъ шумно и весело, станутъ танцевать подъ грамофонъ. Мама заботливой рукой будетъ приготовлять свертки съ подарками. Будетъ навѣрное пакетъ и для меня: по всей вѣроятности шведская куртка, вязаная фуфайка въ немъ и теплыя перчатки. Опираясь на палку, выйдетъ къ молодежи и папа, милый папа, такъ посѣдѣвшій за послѣдніе годы. Несмотря на больную, раненую въ японскій походъ ногу, онъ, какъ георгіевскій кавалеръ, не хочетъ уходить на покой и съ начала войны служитъ въ какомъ-то комитетѣ.

«Помни, Николай», сказалъ Кокѣ на прощанье отецъ. «На войнѣ все дѣлаетъ его величество — случай. Иногда для человѣка даже въ самомъ маленькомъ чинѣ вдругъ словно молнія блеснетъ: представится возможность показать себя и въ

полной мѣрѣ послужить царю и родинѣ. Всегда почти совершеніе подвига связано со смертельной опасностью. Но знай, — если ты такую возможность упустишь и уклонишься отъ нея, — ты себѣ потомъ этого никогда не простишь».

Кока началъ дремать сидя въ креслахъ, и въ этомъ сладкомъ полуснѣ пара чьихъ - то лучистыхъ темныхъ глазъ постепенно стала заслонять собою всѣ прочіе образы. Это глаза Вѣрочки, подруги сестры Вики. Какую хорошую надпись она сдѣлала на своей карточкѣ, данной Кокѣ на прощанье: «Дорогому другу дѣтскихъ лѣтъ».

Я думалъ, она напишетъ что-нибудь насмѣшливое, въ шутку, какъ дѣлала раньше, что-нибудь вродѣ «Кокѣ съ кокомъ на лбу» или «Степкѣ Растрепкѣ», а она вдругъ написала: дорогому... дорого...

Внезапный толчекъ почти сбросилъ Коку съ кресла. Онъ сразу очнулся и вскочилъ на ноги, но сейчасъ же долженъ былъ схватиться за край стола, чтобы не упасть. Кругомъ него все тряслось и трещало, падали стулья, гремѣла разбитая посуда. Крейсеръ, весь содрогаясь, накренился сначала на одинъ бортъ, потомъ на другой и какъ будто замеръ въ этомъ положеніи. Пока Кока выбѣгалъ наверхъ, корма сильно сотрясалась: машины бѣшено работали на заднiй ходъ.

Когда онъ очутился на своемъ мѣстѣ по авральному расписанію: на переднемъ мостикѣ, его поразила та жуткая тишина, которая воцарилась

на суднѣ, когда машины были остановлены. Сначала какая-то донка въ кочегаркѣ постукивала, какъ бы вздыхая при каждомъ оборотѣ, но вскорѣ и она замолчала. Кока слышалъ, какъ сильно бьется его сердце. «Неужели я струсилъ», подумалъ онъ. «Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не теряй присутствія духа», вспомнилъ онъ слова старика — отца.

«Мы на мели», размышлялъ онъ. «Выскочили на непріятельскій берегъ. Когда разсвѣтаетъ — придутъ вражескія суда и разстрѣляютъ насъ, подобно тому, какъ въ Финскомъ заливѣ былъ разстрѣлянъ въ началѣ войны сѣвшій во время тумана на мель германскій крейсеръ «Магдебургъ». Конецъ пришелъ нашему старику «Ярославу».

Густой туманъ продолжалъ окутывать крейсеръ среди темной какъ чернила ночи. На суднѣ все было спокойно, всѣ находились на своихъ мѣстахъ по расписанію. Шопотомъ было передано приказаніе «Не шумѣть; непріятельскій берегъ близко», но и безъ этого всѣ понимали, что обнаружить себя шумомъ значитъ — погибнуть.

Слышенъ былъ на переднемъ мостикѣ сиплый басокъ командира, онъ вполголоса отдавалъ приказанія. Въ эти страшныя минуты онъ выглядѣлъ болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ въ себѣ, чѣмъ когда-либо. Это спокойствіе и увѣренность въ своихъ силахъ распространялась имъ и на всѣхъ окружающихъ. Всѣ вели себя и дѣйствовали такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

Старшій штурманъ черезъ минуту, взявъ съ собой лотоваго и шлюпочный компасъ, отвалилъ отъ борта на быстро и безшумно спущенной на воду шестеркѣ дѣлать промѣръ и опредѣлять, гдѣ крейсеръ находится. На время онъ совсѣмъ пропалъ изъ виду въ туманѣ.

Мичманъ Приваловъ, стоявшій вахту въ моментъ посадки на мель, шепнулъ Кокѣ:

— Внезапно лотъ Томсона показалъ всего 7 саженъ, послѣ 15. Командиръ тотчасъ же увидѣлъ, что дѣло не ладно и застопорилъ машины. Послали лотовыхъ на лоты. Тутъ мы и выскочили. Хорошо, что машина не работала, а то бы мы вдребезги разбились.

— Течи большой нѣтъ. Есть кой-гдѣ мятины и деформація набора въ двухъ носовыхъ отсѣкахъ, но листы обшивки не треснули. Текутъ только заклепки. Если крейсеръ удастся снять съ мели въ томъ видѣ, какъ онъ есть, то можно идти дальше, доложилъ трюмный механикъ.

Промѣръ ручными лотами показалъ, что носовая часть врѣзалась въ грунтъ на футъ или полтора. Грунтъ — песокъ со щебенкой.

Минутъ черезъ 15 вернулся Глагольцевъ, онъ выглядѣлъ встревоженнымъ и озабоченнымъ.

— Сидимъ на банкѣ Фришевассеръ. Выскочили на самый сѣверный конецъ ея. Маякъ того же названія на искусственномъ насыпномъ крошечномъ островкѣ находится на противополож-

номъ концѣ мели. Самое скверное, что на этомъ маякѣ, въ одной милѣ разстоянія до насъ имѣется военный наблюдательный пунктъ. Есть у нихъ и телефонъ съ берегомъ материковымъ, до котораго мили три и небольшая безпроволочная станція. По секретной сводкѣ свѣдѣній, которую намъ недавно прислали, всего народу на этомъ маякѣ человѣк 25, включая и караулъ.

Я подходилъ къ маяку насколько можно близко. Тамъ пока они не подозрѣваютъ, что мы тутъ сидимъ, судя по спокойному тону разговоровъ, которые я слышалъ...

Старшій механикъ предложилъ командиру устроить дифферентъ на корму, заливши насколько можно водою два кормовыхъ отсѣка.

— Но этого мало, — сказалъ онъ, — нужно облегчить носъ. Перегрузкой угля и боевого запаса мы также дѣлу не поможемъ. Врядъ ли вы при теперешнихъ обстоятельствахъ станете завозить якоря съ кормы. Поэтому я предлагаю: какъ только зальемъ корму — выбросить за бортъ всѣ якоря становые и запасный съ ихъ канатами. Все это подыметъ носъ, примѣрно, на одинъ футъ и тогда мы легко снимемся.

— Все это хорошо, — сказалъ командиръ, — но грохотъ якорныхъ канатовъ сейчасъ же подыметъ всѣхъ на ноги и на маякѣ, и въ военномъ порту.

— Полуроту дессанта высадить можно на

маякъ, — сказалъ старшій офицеръ, — захватить телеграфную станцію и телефонъ, а потомъ уже канаты вытравливать.

— Это тоже операція довольно шумная и тяжеловѣсная. Большая шлюпка — много людей. Они еще на полпути къ маяку будутъ, какъ тамъ тревога подымется.

Въ умѣ Коки молніей мелькнула мысль. «Вотъ тотъ случай, о которомъ говорилъ мнѣ отецъ: случай послужить царю и отечеству — выручить крейсеръ изъ опаснаго положенія».

— Разрѣшите мнѣ взять шестерку и восемь человѣкъ охотниковъ. Я берусь тихонько подойти къ маяку и внезапнымъ ударомъ уничтожить телеграфъ и телефонъ, — доложилъ онъ, подойдя къ командиру.

Тотъ пристально посмотрѣлъ на пылкаго мичмана, ему, видимо, вспомнились свои молодые годы, своя боевая работа на подступахъ къ Портъ-Артуру, памятью о которой была оранжево-черная ленточка на груди.

— Идите, — тихо сказалъ онъ, крѣпко пожавъ Кокѣ руку. — И да пошлетъ вамъ Господь Свою помощь.

Когда крейсеръ остался позади и шестерка, руководимая шлюпочнымъ компасомъ, оказалась среди водной пустыни, окутанная густымъ туманомъ, у Коки невольно сжалось сердце отъ сознанія той опасности, на встрѣчу которой онъ велъ тѣхъ людей, что такъ охотно вызвались идти съ

нимъ. Молча, знакомъ руки, онъ прекратилъ греблю, дойдя до мелководья. Подталкиваясь по дну отпорными крючками, шлюпка неслышно приближалась къ острову.

Еще ничего не было видно, когда послышалась хриплая и гортанная нѣмецкая рѣчь. Кока, вспоминая свою гувернантку фрау Зонтагъ, обучавшую его въ дѣтствѣ, былъ сейчасъ ей крайне благодаренъ за ея уроки.

— И вы знаете, Ганцъ, что я ей сказалъ. Я сказалъ ей — любезная фрейленъ Эльза. Замѣтьте, Ганцъ, я не сказалъ ей: Эльза, мейнъ либхенъ, какъ я ей говорилъ раньше...

Шестерка приблизилась еще на нѣсколько саженъ. Среди мглы тумана неясно стала вырисовываться деревянная пристань со шлюпкой, большой и черной, стоявшей около нея. Ножемъ былъ отрѣзанъ сейчасъ же ея носовой фалинь и кормовой конецъ. Небольшимъ теченіемъ шлюпка была тотчасъ же подхвачена и стала, удаляясь отъ пристани, исчезать въ туманѣ. Нѣмцы лишились средства переправы.

— Вы забыли, фрейленъ Эльза, — продолжалъ свои ламентаціи нѣмецъ, — какую честь я дѣлалъ вамъ, я — младшій унтеръ офицеръ 3-го запаснаго морского батальона Фридрихъ Коллеръ...

За пристанью было видно какое-то зданіе. Ночную темноту прорѣзывала яркая вертикальная полоса свѣта. Очевидно, дверь домика была прі-

открыта. Темная фигура около этой полосы, повидимому, наружный часовой, вела бесѣду съ какимъ - то Ганцемъ, сидѣвшимъ внутри зданія.

«Безпроволочная станція», подумалъ Кока, увидя что-то вродѣ мачты надъ домомъ. «Ганцъ — это дежурный телеграфистъ. Часовой, съ нимъ разговаривая, пріоткрылъ дверь ярко освѣщенной комнаты и сунулъ туда носъ. Сейчасъ въ темнотѣ онъ будетъ какъ слѣпой — намъ можно смѣло идти впередъ».

— Вы забыли, фрейленъ Эльза, — продолжалъ обиженнымъ голосомъ Коллеръ, — что четыре раза я водилъ васъ въ театръ «Казино», вы забыли тѣ три пары чулокъ, почти шелковыхъ, которыя я подарилъ вамъ. Но вы представьте себѣ, Ганцъ. что она мнѣ на это отвѣтила...

Что отвѣтила фрейленъ Эльза осталось, однако, неизвѣстнымъ, ибо въ этотъ моментъ четыре пары крѣпкихъ рукъ сразу же положили неудачнаго ея поклонника на землю, выхвативъ изъ его рукъ винтовку и плотно заткнувъ ему ротъ. Онъ и не пикнулъ. Черезъ минуту онъ оказался крѣпко связаннымъ и лежащимъ на днѣ шестерки.

Херръ Ганцъ оказался совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Когда Кока съ револьверомъ въ рукахъ ворвался съ двумя вооруженными винтовками людьми внутрь станціи, Ганцъ метнулся было къ телефонному аппарату, но тотчасъ же поднялъ руки кверху, увидя дула ружей, поблѣд-

нѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ. Ганцъ былъ отправленъ на шестерку и положенъ рядомъ съ Коллеромъ.

Въ этотъ моментъ порывисто зазвонилъ телефонъ. «Нужно отвѣчать», — рѣшилъ Кока, — «иначе въ порту поднимется тревога», и онъ взялъ въ руку трубку.

— Кто у телефона, — былъ вопросъ.

— Это я, Ганцъ, — отвѣчалъ Кока.

— Что вы тамъ, чортъ возьми, спите что-ли! Отчего вы уже на двѣ минуты задержали очередную полуночную провѣрку? Такъ нельзя, я доложу господину оберъ-лейтенанту, что вы невнимательны.

— Очень прошу извинить, — говорилъ Кока. — Сейчасъ дадимъ провѣрку. Тутъ была маленькая неисправность въ станціи. Сейчасъ все будетъ готово.

Взоръ его упалъ на таблицы, развѣшанныя на стѣнѣ. Ура! — аккуратный Ганцъ помѣстилъ въ рамкѣ одну изъ нихъ подъ заголовкомъ «Очередныя провѣрки».

— Валяй, Никифоровъ, — сказалъ Кока своему спутнику радіо-телеграфисту. Включай станцію.

Дѣлай «вызовъ». — диктовалъ Кока: — Како, буки, глаголь, 897—394—125. Како буки, глаголь, окончательный.

Загудѣлъ моторчикъ, зашипѣла, затрещала и порывисто запрыгала искра отправительной стан-

ціи, сообщая на центральную безпроволочную въ Килѣ, что на маякѣ Фришевассеръ все обстоитъ благополучно.

— Квитокъ даетъ, — радостно сообщилъ Никифоровъ. Телефонъ больше не звонилъ: телеграмму приняли благополучно въ военномъ порту и успокоились.

— Теперь ломайте станцію и телефонъ, — приказалъ Кока. Въ одну минуту куча обломковъ лежала тамъ, гдѣ стоялъ нѣжный и цѣнный аппаратъ. Части телефона для вѣрности выкинули въ море.

«Наше дѣло сдѣлано», подумалъ Кока. «Теперь надо уходить».

Но въ этотъ моментъ послышались какіе-то тревожные крики со стороны главнаго маячнаго зданія, служившаго, очевидно, казармой для караула. Привлекъ-ли вниманіе нѣмцевъ шумъ при уничтоженіи станціи или одному изъ плѣнныхъ удалось крикнуть «Непріятель на островѣ» осталось неизвѣстнымъ. Тотчасъ же выбѣжавшіе въ большой сумятицѣ и паникѣ чины караула открыли безпорядочный огонь изъ ружей. Пули защелкали по кирпичной стѣнѣ радіо-станціи, зазвенѣло разбитое оконное стекло.

«Надо во что бы то ни стало ихъ загнать обратно въ маячный домъ», рѣшилъ Кока. «Иначе они намъ не дадутъ сѣсть на шестерку и что всего хуже могутъ шлюпку захватить и получить средство сообщенія съ берегомъ».

Нѣмцы уже подбѣгали къ пристани, когда мѣткій и частый огонь изъ окна станціи положилъ нѣсколько человѣкъ на мѣстѣ. Остальные, отступивъ къ маяку, залегли за какими-то огородными грядками или садовыми куртинками, тянувшимися полосой отъ маяка къ берегу.

Сколько времени длился бой, Кока не отдавалъ себѣ отчета. Лежавшіе за грядками продолжали все время обстрѣливать станцію и пристань. Отступленіе для русскихъ было отрѣзано.

Кока усилилъ, насколько было можно, огонь изъ окна станціи. Среди его людей было двое легко раненыхъ, но они могли держаться на ногахъ и дѣйствовать винтовкой. Потери нѣмцевъ были гораздо серьезнѣе. Съ огородныхъ грядокъ ихъ удалось въ концѣ концовъ выбить, но какъ только Кока для пробы прекращалъ огонь, — нѣмцы тотчасъ же оказывались на грядкахъ.

«Если мы прекратимъ огонь и всѣ бросимся на шестерку — намъ не удастся уйти отсюда: нѣмцы мгновенно будутъ на пристани. Нужно кому-нибудь одному остаться здѣсь и стрѣлять изъ окна, пока остальные будутъ садиться на шестерку и отваливать», думалъ Кока. «Главное, чтобы шестерка врагу не досталась, тогда все будетъ испорчено».

«Подвигъ есть тогда подвигъ, когда, совершая его, ты готовъ пожертвовать своей жизнью», вспомнилъ Кока слова своего отца. Онъ взялъ въ руки винтовку и всталъ у окна.

— Давайте мнѣ сюда всѣ ваши патроны, — приказалъ онъ своей командѣ. — «Берите съ собой ваши винтовки, бѣгите на шестерку и отваливайте на крейсеръ. Курсъ Нордъ по компасу». Въ этотъ моментъ всѣ нѣмцы были внутри маяка и пристань ими не обстрѣливалась.

— Ваш—бродь, никакъ невозможно, чтобы мы отвалили и васъ здѣсь оставили, — взволнованно сказалъ старшина шестерки, унтеръ-офицеръ.

— Отваливай, я тебѣ прика-зы-ва-ю, — закричалъ сердито Кока, посылая тѣмъ временемъ пулю за пулей въ дверь маяка и тѣмъ удерживая нѣмцевъ внутри зданія.

Кока остался въ одиночествѣ. Кучка патроновъ около него все болѣе и болѣе уменьшалась. Большимъ утѣшеніемъ для него было слышать сквозь шумъ перестрѣлки грохотъ выбрасываемыхъ крейсеромъ якорныхъ канатовъ. Ему показалось, что онъ слышитъ, какъ машины крейсера заработали на заднiй ходъ, все болѣе и болѣе удаляясь.

«Я не даромъ пожертвовалъ собой», подумалъ Кока. «Крейсеръ нашъ спасенъ».

Патроны пришли къ концу. По мѣрѣ того, какъ Кока стрѣлял рѣже, нѣмцы все больше и больше набирались смѣлости. Они начали понемногу придвигаться все ближе и ближе къ станціи. Кокѣ пришлось бросить ружье, стволъ котораго накалился от частой стрѣльбы. Остались только патроны въ барабанѣ револьвера.

Стоя въ темной комнатѣ у открытаго окна и стрѣляя, Кока думалъ: «Теперь мнѣ только осталось дорого продать свою жизнь». Почти каждый выстрѣлъ достигалъ своей цѣли. Нѣмцы теряли людей, но неуклонно шли впередъ перебѣжками.

Когда послѣдній патронъ былъ выпущенъ — сразу распахнулась дверь станціи. Яркій лучъ ручной электрической лампы на моментъ ослѣпилъ Коку. Пожилой, бородатый и плотный унтеръ-лейтенантъ ландвера, начальникъ наблюдательнаго поста, навелъ на юношу револьверъ. Сзади него были нѣмцы съ винтовками.

— Сдавайтесь, господинъ офицеръ — вы окружены.

— Нѣтъ... русскіе офицеры не сдаются, — крикнулъ Кока, выхвативъ саблю изъ ноженъ.

Но тотчасъ же его рука безсильно опустилась. Прямо въ лицо ему грянулъ залпъ нѣсколькихъ ружей. Что то горячее ударило Коку въ грудь и плечо. Теряя сознаніе онъ безжизненной массой опустился на стулъ, около котораго стоялъ. Казалось, что стѣны комнаты зашатались. Затѣмъ все потемнѣло у него въ глазахъ.

Вихремъ пронеслись передъ нимъ дорогія лица близкихъ.

— Прощайте всѣ, — прошепталъ Кока. На моментъ все озарилось видѣніемъ лучезарныхъ темныхъ глазъ. «Прощай, Вѣрочка — прощай навсегда».

Но тутъ случилось что-то странное: нѣмецкій офицеръ подошелъ къ Кокѣ, дружески хлопнулъ его по плечу и по-русски, голосомъ старшаго штурмана Глагольцева, произнесъ:

— Просыпайтесь же, молодой, я васъ бужу, бужу, а вы въ отвѣтъ мнѣ что-то по-нѣмецки кричите — Нейнъ, Нейнъ... Выпейте скорѣе стаканъ чаю и бѣгите на мостикъ смѣнять Привалова. Надѣюсь, вы теперь выспались и лучше себя чувствуете. Вечеромъ, глядя на васъ, я боялся, что вы совсѣмъ разболѣетесь. И на авралъ, когда мы минное загражденіе ставили, я нарочно приказалъ васъ не будить. Какъ же, какъ же, все вышло какъ нельзя лучше. Ужъ и жутко же было, когда мы влѣзли въ эту пасть звѣриную, которая называется Кильской бухтой, но какъ бы то ни было, мы у нѣмцевъ съ праздничнымъ визитомъ побывали и даже подарокъ имъ поднесли.

Кока открылъ глаза. Онъ сидѣлъ въ мягкихъ креслахъ въ углу каютъ-компаніи. Около него стоялъ Глагольцевъ, выглядѣвшій именинникомъ послѣ удачной минной постановки. Вѣстовые хлопотали, накрывая на столъ для смѣняющихся съ вахты. Ярко горѣла люстра надъ бѣлоснѣжной скатертью, равномѣрно постукивали валы главныхъ машинъ.

Вся эта картина обыденной судовой жизни казалась яркимъ контрастомъ со всѣмъ тѣмъ, что Кока пережилъ во снѣ.

Когда, послѣ подъема флага, Кока спускался въ каютъ-компанію, было уже свѣтло, хотя слегка порѣдѣвшій туманъ продолжалъ еще служить шапкой-невидимкой для крейсера. На суднѣ чувствовался праздникъ. Въ батарейной палубѣ о. Никодимъ съ плотниками и причетникомъ, баталерскимъ юнгой собиралъ иконостасъ походной церкви, а изъ носового кубрика слышались голоса пѣвчихъ: тамъ шла спѣвка.

Младшій фельдшеръ регентовалъ. Онъ говорилъ, постукивая камертономъ:

— Господа басы, убѣдительно прошу васъ — умѣрьте ваши діапазоны. Тутъ вѣдь въ партитурѣ никакихъ фортовъ не пріобозначено. Итакъ начинаемъ снова. До... Ля... Фа...

Рождество Твое, Христе Боже нашъ
Возсія мірови Свѣтъ Разума...

Судовыя машины работали все также лихорадочно и проворно, съ каждымъ оборотомъ винтовъ, приближая крейсеръ къ роднымъ берегамъ. Но сейчасъ гребные валы напѣвали спокойно, увѣренно и съ сознаніемъ выполненнаго долга: «Идемъ домой — идемъ домой — идемъ домой».

Императоръ Николай I.

Утромъ 14 Декабря 1825 года въ Петербургѣ ударилъ морозъ. Наканунѣ случилась оттепель, снѣгъ мѣстами постаялъ, а сейчасъ была гололедица. Въ эти ранніе часы на Сенатскую площадь со стороны арки Главнаго штаба выѣхало нѣсколько всадниковъ. Тонкія ножки ихъ породистыхъ лошадей бережно и осторожно ступали по скользкой булыжной мостовой.

Впереди ѣхалъ совсѣмъ молодой, высокій и стройный генералъ, оглядывая площадь озабоченнымъ взглядомъ. Это былъ императоръ Николай I, только что вступившій на престолъ вслѣдъ за отказомъ Его старшаго брата Цесаревича Константина Павловича взять въ свои руки власть.

Всѣ предыдущіе дни Николай Павловичъ слалъ въ Варшаву курьера за курьеромъ, умоляя Константина измѣнить свое рѣшеніе, но тотъ былъ непреклоненъ и въ концѣ концовъ заставилъ младшаго брата принять царскій вѣнецъ.

Край площади вблизи зданія Сената былъ полонъ войскъ. Тамъ шли какія то передвиженія, слышны были крики, а иногда и выстрѣлы. Видимо, бунтующая масса войскъ гвардіи къ чему то готовилась.

Императоръ, желая лучше видѣть что проис-

ходитъ, подъѣхалъ почти къ самому забору, окружавшему мѣсто постройки Исаакіевскаго собора. Вдругъ изъ-за этой щелявой ограды послышалась матерная брань и у самыхъ ногъ лошадей упало нѣсколько обломковъ дерева, кирпичей, камней и кусковъ грязи.

Все это было брошено строительными рабочими, скрытыми за высокимъ заборомъ.

Таково было привѣтствіе, полученное молодымъ монархомъ отъ Его подданныхъ въ первый день Его царствованія. Надо сказать, что и впослѣдствіи Николай I, проведя русскій государственный корабль благополучно черезъ революціонныя волны начала 30-хъ и конца 40-хъ годовъ, всколыхнувшія всю Европу, никогда не былъ должнымъ образомъ оцѣненъ.

Представители нашей т. наз. «либеральной» печати послѣ кончины Николая 1-го никогда не упускали случая, подобно притаившейся за забором̀ъ мастеровщинѣ, бросить въ Него комкомъ грязи. Приложилъ къ этому свою руку, увы, и «Великій писатель земли русской».

Въ тревожные часы выступленія декабристовъ Николай I, вѣроятно, невольно вспоминалъ Своего отца, звѣрски убитаго за 24 года передъ тѣми людьми, которымъ ввѣрена была охрана Царя. Онъ могъ Сказать «Да. Тяжела ты, шапка Мономаха».

Читая разсказы о событіи 14 Декабря, въ томъ

видѣ, какъ это обычно появлялось на страницахъ нашей печати, можно было думать, что на Сенатской площади тогда происходилъ довольно невинный политическій митингъ подобный устраиваемымъ часто въ Лондонскомъ Гайдъ Паркѣ. На такихъ собраніяхъ ораторы, взобравшись на ящикъ изъ подъ мыла, посылаютъ соціалистическіе и коммунистическіе громы и молніи на головы властей предержащихъ, а кругомъ дежурные «Бобби», полицейскіе, терпѣливо слушаютъ весь этотъ наборъ словъ и стоятъ въ готовности въ нужный моментъ выручить оратора, если онъ не угодитъ своей аудиторіи и она начнетъ его избивать.

«Митингъ» на Сенатской площади былъ совершенно въ другомъ родѣ. Это было сосредоточиваніе бунтующихъ вооруженныхъ воинскихъ частей съ цѣлью, когда они станутъ достаточно сильны, двинуться на Зимній дворецъ смять охрану и ворваться въ него.

Движенію этому, однако, мѣшала стѣна вѣрныхъ монарху войскъ, стоявшая на подступахъ ко дворцу. Стройные ряды Конной гвардіи и мрачно поглядывавшіе на бунтовщиковъ дула орудій гвардейской артиллеріи и заставили ихъ пріостановиться.

Зачѣмъ же эти возставшія части шли на дворецъ. Изъ судебнаго процесса декабристовъ видно, что цѣль ихъ была довольно опредѣленная: убійство монарха и всѣхъ членовъ Царствующаго дома и установленіе въ странѣ республики.

Мы знаемъ теперь, что заговорщики «Сѣвера» и «Юга» значительно расходились между собой во взглядахъ на устройство будущаго Російскаго государства. Удайся кровавое дѣло 14 Декабря и наша родина, по всей вѣроятности, получила бы правительство похожее на столь нестойкое и неспособное «Безвременное», которое суждено было намъ пережить. Вѣроятно было бы въ той или другой формѣ подобіе нашей злополучной «Керенщины», а затѣмъ... Затѣмъ показала бы свой звѣриный ликъ неминуемая въ такихъ случаяхъ «пугачевщина». Сейчасъ эта «пугачевщина» прикрывается флагомъ соціализма и коммунизма, а тогда она, вѣроятно, выглядѣла бы проще и непосредственнѣе.

Отъ всего этого Россію избавилъ Николай I. Онъ не покинулъ со Своей семьей Зимняго дворца, хотя легко могъ это сдѣлать и самоотверженно исполнилъ Свой тяжелый долгъ до конца. «Боже мой» говорилъ Онъ впослѣдствіи. «Въ первый же день Моего царствованія Мнѣ пришлось пролить кровь Моихъ подданныхъ».

Что было бы если бы при теперешней коммунистической власти произошло возстаніе войскъ на какой нибудь изъ площадей столицы съ цѣлью перебить «вождей». Число казненныхъ послѣ подавленія такого движенія выразилось бы несомнѣнно въ десяткахъ тысячъ.

Николай 1, конфирмуя приговоръ по дѣлу декабристовъ утвердилъ примѣненіе «высшей мѣры

наказанія» только по отношенію пяти главарей и главныхъ иниціаторовъ предполагаемаго цареубійства. А сколько воплей было впослѣдствіи въ печати по этому поводу. Какъ носились съ сосланными въ Сибирь декабристами самыя тамошнія власти. Каторга ихъ отнюдь не похожа была на теперешніе «Соловки».

Вступленіе на престолъ Николая I совпало съ очень тревожными временами. Роковой восточный вопросъ требовалъ немедленнаго рѣшенія. На югѣ шло возстаніе грековъ противъ турецкой власти. Было неспокойно въ сосѣднихъ съ Россіей Молдавіи и Валахіи. Можно было ожидать захвата этихъ областей Австріей Пользуясь ослабленіемъ Турціи, Англія съ Франціей могли утвердиться на Дарданеллахъ и Босфорѣ и тѣмъ навсегда отрѣзать Россію отъ Средиземнаго моря.

Россіи пришлось показать свою силу. Сначала въ коалиціи съ Англіей и Франціей въ 1827 году она добилась отъ Порты признанія независимости Греціи, а затѣмъ въ 1829 году появленіемъ нашихъ войскъ у Адріанополя и взятіемъ Эрзерума наша родина показала, что при рѣшеніи Восточнаго вопроса ея голосъ имѣетъ большой вѣсъ.

1831 годъ былъ очень тяжелъ для Россіи. Внутри страны появилась холера и были вызванные ею безпорядки, а на Западѣ, при полной поддержкѣ Англіи и Франціи, возстала противъ насъ Польша.

Польскій вопросъ — вопросъ очень щекотливый и трудный. Казалось бы Россія и Польша, двѣ славянскія, родственныя по крови, страны могли бы отлично жить по добрососѣдски, подобно, скажемъ, Франціи съ Бельгіей или Императорской Россіи съ Сербіей.

Но исторія показываетъ, что Рѣчь Посполитая почему то сдѣлалась какъ бы постояннымъ, готовымъ, плацдармомъ для тѣхъ изъ западныхъ странъ, которыя хотѣли бы напасть на нашу родину. Система ли пожизненныхъ президентовъ, именовавшихся «крулями» или несовершенство Сеймоваго устройства, но только власть въ Польшѣ была всегда какой то зыбкой, непрочной и перемѣнчивой. Россія ни на одну минуту не могла быть покойна, имѣя такого сосѣда.

Вѣнскимъ конгрессомъ въ 1815 году былъ сдѣланъ опытъ образованія изъ Польши конституціоннаго государства, возглавляемаго русскимъ монархомъ. За исключеніемъ этой связи съ нашей родиной и, что вполнѣ естественно, общей иностранной политики, Польша была совершенно свободна въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, имѣя свое правительство, свой сеймъ, свою армію и пр.

1831 годъ показалъ всю неосуществимость такого идиллистическаго плана. Территорію Польши пришлось занять русской военной силой.

Въ 1833 году Олеговъ щитъ былъ вновь прибитъ Николаемъ I къ вратамъ Царьграда, на этотъ

разъ по просьбѣ самихъ турокъ. Возстаніе Египетскаго паши Мехметъ-Али, разбившаго на голову войска султана и взявшаго въ плѣнъ командовавшаго ими Великаго визиря, поставило Порту на край гибели. Былъ поднятъ вопросъ объ отъѣздѣ Султана въ Адріанополь и объ эвакуаціи столицы Калифовъ.

Наша 26 пѣхотная дивизія была доставлена эскадрой адмирала Лазарева и расположилась бивуакомъ на азіатскомъ берегу Босфора.

Мехметъ Али, узнавъ объ этомъ, пріостановилъ свое движеніе и вскорѣ же ушелъ къ себѣ въ Египетъ, удовлетворившись присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ Сиріи.

Наканунѣ ухода нашихъ войскъ въ Россію былъ подписанъ Ункіаръ Искелессійскій договоръ. Это былъ, по теперешней номенклатурѣ «Пактъ о взаимной поддержкѣ въ случаѣ нападенія со стороны третьей державы». Въ сущности Турція оказалась подъ русскимъ протекторатомъ.

Можно себѣ представить какъ приняли извѣстіе о такомъ договорѣ Англія и Франція. Ихъ флоты протеряли право прохода черезъ Дарданеллы и Черное море стало рускимъ озеромъ.

Въ 1840 году путемъ постояннаго давленія на Россію, угрозъ войной и военныхъ демонстрацій державамъ этимъ удалось побудить Николая I

отказаться отъ столь выгоднаго для нашей родины договора.

Въ 1848 году Европа была вновь потрясена рядомъ революцій. Даже въ Пруссіи, считавшейся всегда оплотомъ порядка, возникло сильное движеніе. Венгрія возстала противъ власти австрійскаго императора. Безпорядки могли легко перекинуться и на наши окраины, прежде всего въ нашу Польшу. По просьбѣ Австріи была предпринята русская интервенція въ предѣлы Венгріи. Возстаніе тамъ было подавлено.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Австрія, спасенная Николаемъ I, изумила весь міръ своей неблагодарностью, мобилизовавъ нѣсколько корпусовъ противъ праваго фланга нашей дѣйствовавшей противъ турокъ арміи.

Въ 1829 году Восточный вопросъ рѣшенъ не былъ: слишкомъ велико было разногласіе во взглядахъ на этотъ вопросъ у Николая I и у правительствъ Западныхъ державъ.

Уступчивость, которую проявила Россія въ 1840 году, желая избѣжать конфликта, только окрылила Англію и Францію на предъявленіе дальнѣйшихъ требованій.

Державы эти явно стремились къ войнѣ съ Россіей. Онѣ сознавали, что временное преимущество полученное ими на морѣ благодаря введенію въ строй паровыхъ судовъ надо скорѣе использовать, пока Россія сама не обзавелась еще такими

боевыми единицами. Поэтому никакія усилія Николая I не могли предотвратить надвигавшуюся войну.

Въ нашей печати дореволюціоннаго періода считалось общепризнанной истиной: во всѣхъ неудачахъ войны 1855-56 года виноватъ Николай I, онъ не съумѣлъ избѣжать войны, плохо къ ней подготовился и неумѣло воевалъ. Дѣйствуй Онъ иначе, Онъ непремѣнно побѣдилъ бы создавшуюся противъ Него коалицію.

Изъ кого же состояла эта коалиція? Если подробно разобраться, то окажется, что основнымъ ядромъ ея являлись двѣ сильнѣшія военныя державы Европы: Англія и Франція. Но кромѣ нихъ тамъ была теперешняя Италія (Сардинія и Неаполитанское королевство) Турція, включавшая тогда въ себя Либію, Египетъ, Болгарію, Албанію и значительную часть современной Греціи. Не входя непосредственно въ коалицію, Австро-Венгрія оттягивала на себя часть нашихъ силъ благодаря своей мобилизаціи. Швеція также поглядывала съ интересомъ на происходящую борьбу, готовая при случаѣ вернуть себѣ отторгнутую отъ нея за полвѣка передъ тѣмъ Финляндію.

Выходитъ, что безъ малаго силы всей Европы объединились против находящейся въ одиночествѣ Россіи.

Подавляющее превосходство въ силахъ, быв-

шее на сторонѣ коалиціи, давало возможность участникамъ ея очень радужно смотрѣть на будущее и предвкушать легкую побѣду и возможность поставить Россію на колѣни. Поэтому еще до начала военныхъ дѣйствій они озаботились формулировкой «цѣлей войны».

Къ какому же наказанію они приговорили нашу родину въ случаѣ удачнаго выполненія ихъ плановъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ даетъ лордъ Пальмерстонъ, бывшій въ то время однимъ изъ министровъ правительства королевы Викторіи. Онъ же, какъ извѣстно, былъ въ то же время однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ войны съ Россіей.

Имя его было увѣковѣчено въ популярной во время Крымской войны пѣсенкѣ:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ

Воевода Пальмерстонъ

Поражаетъ Русь на картѣ

Указательнымъ перстомъ.

«Цѣли войны» были перечислены этимъ почтеннымъ лордомъ въ письмѣ его адресованномъ въ 1854 году Джону Росселю*) Ниже приводится выдержка изъ этого письма:

Мой beau ideal войны, въ томъ что касается Россіи, слѣдующій:

*) («Palmerston 1784-1865 by Philip Guedalla) Страница 391.

Аландскіе острова и Финляндія должны быть возвращены Швеціи. Нѣкоторыя изъ Прибалтійскихъ провинцій отданы Пруссіи. Королевство Польское возстановлено полностью, какъ барьеръ между Германіей и Россіей. Валахія и Молдавія и устье Дуная отданы Австріи, взамѣнъ Ломбардіи и Венеціи, которыя или должны получить независимость или быть присоединены къ Пьемонту. Крымъ, Черкессія и Грузія должны быть отторгнуты отъ Россіи, Крымъ и Грузія отданы Турціи, а Черкессія или сдѣлана независимой, либо передана подъ сюверенитетъ Султана.

Въ Пальмерстоновскомъ проэктѣ «раздѣла Россіи» поражаетъ конечно прежде всего сходство съ тѣмъ чему наша родина, совершенно тогда лишенная военной силы, подверглась въ 1818-20 годахъ. Но и послѣ всѣхъ надругательствъ надъ нею въ Брестъ-Литовскѣ и въ Версалѣ она не была общипана такъ, какъ этого хотѣлъ англійскій лорд Ей, по крайней мѣрѣ, хоть Крымъ оставили.

Подвиги русскихъ войскъ подъ знаменами Николая I въ 1855-56 годахъ, геройская оборона Севастополя и наши успѣхи въ Малой Азіи свели почти на нѣтъ широковѣщательную программу предпріимчиваго лорда.

Правда намъ не удалось сбросить въ море вы-

садившіеся полчища врага, но нашей доблестной арміи мы обязаны тѣмъ, что одна изъ самыхъ грандіозныхъ коалицій оказалась не въ состояніи продвинуться далѣе Южной части Крыма.

Мы можемъ съ гордостью вспоминать 1855 и 56 годы и воздавать должное памяти Верховнаго Вождя этой арміи: Николая I.

Что же получили союзники взамѣнъ программы лорда Пальмерстона:

1) Россія дала обязательство не имѣтъ боевого флота на Черномъ морѣ. Это обязательство черезъ 15 лѣтъ пошло на смарку.

2) Бессарабія была уступлена Румыніи (но не Австріи, какъ хотѣлъ Пальмерстонъ). Черезъ 22 года на ней былъ снова поднятъ русскій флагъ.

3) Россія дала обязательство не строить укрѣпленій на Аландскихъ островахъ. Это обязательство отпало въ 1914 году.

Николай I въ февралѣ 1856 года пришелъ къ заключенію, что выработать пріемлемыя для Россіи условія мирнаго договора съ союзниками будетъ гораздо легче если на тронѣ будетъ не Онъ, а Его Наслѣдникъ. Конечно для выполненія этого Онъ могъ бы отречься отъ престола и навсегда отбыть заграницу. Но покинуть родину Онъ не захотѣлъ. Вѣроятно подобная мысль никогда не могла бы прійти Ему въ голову. Пожертвовавъ Своей

жизнью Онъ ушелъ съ престола и мы мыслимъ, что предъ Судіей Предвѣчнымъ Онъ могъ предстать въ свѣтлыхъ одеждахъ какъ «Душу Свою положившій за други Своя».

Дарданелы. Видъ Дарданелъ и блокирующій русскій корабль эскадры Адмирала Сенявина.

Дарданеллы.

Стоялъ ясный апрѣльскій день въ Петербургѣ въ 1917 году. Обильно усыпанная шелухой отъ сѣмячекъ обширная площадь Маріинскаго дворца, гдѣ засѣдало Временное правительство, была полна вооруженныхъ людей, одѣтыхъ въ сѣрыя шинели. Эта разнузданная толпа кричала во весь голос:

— Не жела-а-емъ никакихъ. Дарданелловъ!!.

Но, въ сущности, въ это время никто Черноморскихъ проливовъ Россіи и не предлагалъ и «товарищи» совершенно напрасно напрягали свои голосовыя связки. Правда, по договору съ Николаемъ II, заключенному въ 1915 году, въ тяжелыя минуты начала войны, Франція и Англія обязались въ случаѣ побѣды передать въ полное владѣніе Россіи берега и форты Босфора и Дарданеллъ, но съ уходомъ императора отъ власти названныя державы немедленно и не безъ удовольствія признали договоръ этотъ болѣе для себя необязательнымъ.

Вопросъ о владѣніи Россіей Босфоромъ и Дарданеллами имѣетъ болѣе чѣмъ 2-хъ вѣковую давность. Онъ связанъ съ легендой о «Завѣщаніи Петра Великаго». Весь, такъ называемый, Восточ-

ный вопросъ сводится въ концѣ концовъ къ вопросу объ этихъ двухъ узкихъ полоскахъ воднаго пространства.

Спрашивается: къ чему Россіи такъ стремиться къ полученію въ свои руки ничтожнаго по площади клочка территоріи у этихъ проливовъ. Земли, слава Богу, у насъ и безъ этого много.

Все это было бы справедливо, если бы не существовало на свѣтѣ нашихъ западныхъ сосѣдей, въ особенности Англіи и Франціи, обладателей сильнаго флота и странъ передовыхъ въ техническомъ смыслѣ. При малѣйшемъ расхожденіи во взглядахъ этихъ державъ съ нами, напримѣръ, по польскому вопросу или по вопросу о средне-азіатскихъ или дальневосточныхъ нашихъ границахъ, Россія всегда чувствовала нависшую угрозу: ввести въ Черное море морскія силы, превосходящія наши и нанести ударъ въ любой точкѣ нашего обширнаго побережья. Ясно, что постоянное содержаніе цѣлаго ряда прибрежныхъ крѣпостей съ сильными гарнизонами, всегда готовыхъ отразить врага, гдѣ бы онъ ни появился, было бы не подъ силу Россіи. Точно также мы не въ состояніи бы были имѣть въ Черномъ морѣ флотъ по силѣ равный флоту коалиціи западныхъ державъ.

Какую бы войну Россія ни вела, она всегда поэтому должна была оставлять значительныя силы на югѣ на всякій случай, въ виду уязвимости нашего Черноморскаго побережья. Это въ

высокой степени ослабляло нашу дѣйствующую армію и голосъ Россіи звучалъ поэтому не такъ вѣско въ международныхъ вопросахъ.

Кромѣ того, Турція неоднократно, подъ разными предлогами, закрывала проливы для русскаго коммерческаго мореплаванія и этимъ останавливала нашъ экспортъ зерна изъ южныхъ портовъ. Положеніе совершенно нестерпимое для такой великой державы, какъ Россія.

Само собой понятно, что всѣ эти невзгоды и неудобства отошли бы въ область исторіи, будь оба пролива крѣпко въ нашихъ рукахъ.

Турція въ послѣдніе 2 вѣка всегда находилась подъ вліяніемъ Франціи, Англіи или Германіи. Очень рѣдко это вліяніе переходило къ Россіи. Поэтому мы всегда могли расчитывать на непріятные сюрпризы со стороны имперіи Османовъ.

Читатель пасифистъ непремѣнно скажетъ: «Разъ мы не имѣли вожделѣній аннексировать все государство турецкое, а нужно намъ было только, чтобы турки не пропускали черезъ Дарданеллы нашихъ враговъ, а для насъ имѣли эти ворота всегда открытыми, то не проще ли было вмѣсто веденія ряда кровопролитныхъ и изнурительныхъ войнъ съ Турціей, заключить съ Блистательной Портой вѣчный договоръ или, по модному выражаясь, «Пактъ». Въ этомъ договорѣ долженъ былъ имѣться параграф о закрытіи Дарда-

неллъ для всѣхъ державъ, могущихъ причинить Россіи вредъ. Такъ какъ турки обычно пропускали черезъ проливы флоты тѣхъ государствъ, которыхъ въ данную минуту они считала своими заступниками противъ Россіи, то при точномъ соблюденіи нами пакта о ненападеніи и гарантированіи туркамъ русской помощи въ случаѣ опасности для нихъ со стороны западныхъ державъ, казалось бы, что вопросъ о проливахъ возможно было рѣшить безъ всякаго примѣненія штыковъ и пушекъ, а тогда на вѣкъ воцарилась бы: «Тишь да гладь, да Божья благодать».

Цѣль настоящей статьи напомнить читателю, что такой именно опытъ и былъ продѣланъ Россіей въ прошломъ вѣкѣ.

26 іюня (ст. ст.) 1833 года въ одной изъ виллъ въУнкіаръ Искелеси (долина на азіатскомъ берегу Босфора) былъ заключенъ договоръ, который являлся открытымъ провозглашеніемъ русско-турецкаго оборонительнаго союза. Въ секретной статьѣ этого договора Турція, взамѣнъ гарантированной поддержки со стороны Россіи, обязалась считать Черное море закрытымъ для флотовъ всѣхъ державъ. Россіи же, хотя это въ договорѣ опредѣленно и не было обозначено, предоставлялось право свободнаго плаванія черезъ проливы.

Какія же обстоятельства привели къ заключенію такого договора?

Въ самомъ началѣ царствованія Николая I въ Греціи началось возстаніе противъ власти турокъ. Россія, неизмѣнная покровительница балканскихъ христіанъ, не могла остаться равнодушной къ судьбѣ нашихъ единовѣрцевъ. Между тѣмъ турки начали вырѣзывать сплошь все населеніе Греціи.

Послѣ безплодныхъ попытокъ остановить эту рѣзню дипломатическимъ путемъ пришлось прибѣгнуть къ интервенціи, но безъ объявленія войны. Въ октябрѣ 1827 года наша средиземноморская эскадра подъ командой адмирала графа Гейдена вошла въ Наваринскую бухту на югѣ Греціи, гдѣ стоялъ турецко египетскій флотъ, высадившій на берег карательные отряды. Эскадра была встрѣчена выстрѣлами. Послѣдовалъ бой, при которомъ весь вражескій флотъ былъ сожженъ или утопленъ. Франція и Англія ревниво смотрѣли за тѣмъ, чтобы Россія не вступалась за грековъ единолично. Поэтому одновременно съ гр. Гейденомъ въ Наваринъ вошли эскадры англійская и французская, которыя также обрушились на турокъ.

Курьезной особенностью участія въ этомъ бою французовъ было уничтоженіе огнемъ ихъ судовъ кораблей египетскаго флота, только что ими самими созданнаго, съ которымъ они передъ этимъ возились, какъ насѣдка съ цыплятами. На тонущихъ и горящихъ египетскихъ судахъ находились французскіе морскіе офицеры — инструктора.

Наваринъ вызвалъ разрывъ сношеній Порты со всѣми 3-мя интервентами, но только одна изъ державъ была вовлечена въ войну съ Турціей. Конечно, это была Россія.

Война 1828—29 года, несмотря на наше подавляющее превосходство въ силахъ на морѣ, происшедшее вслѣдствіе турецкихъ потерь подъ Навариномъ, была ведена такъ, какъ будто этого превосходства не было. Вмѣсто того чтобы воспользоваться широкой морской дорогой, наша армія въ теченіе 2-хъ лѣтъ пробивала себѣ путь къ вражеской столицѣ, находясь въ ужасномъ, въ климатическомъ отношеніи, краѣ. Убито въ сраженіяхъ было около 3000, а отъ болѣзней умерло 97.000. Потоками крови было заплачено за славу перехода черезъ Дунай и черезъ Балканы.

Военные и морскіе совѣтники Николая I не отдавали себѣ, повидимому, яснаго отчета въ тѣхъ возможностяхъ, какія намъ предоставляло, особенно въ началѣ войны, наше безспорное владѣніе моремъ. Никогда въ послѣдующія войны съ Турціей мы не были въ такомъ выгодномъ положеніи.

Черноморскій флотъ, вмѣсто того, чтобы однимъ молніеноснымъ ударомъ (высадка дессанта на оба берега Босфора съ одновременнымъ прорывомъ флотомъ къ Царьграду) овладѣть вражеской столицей въ первые же мѣсяцы или даже недѣли войны, привлекался въ 1828 и 29 году лишь къ операціямъ второстепеннаго значенія.

Между тѣмъ личный составъ тогдашняго флота, окрыленный славой своихъ отцовъ, героевъ войнъ Наполеоновскаго періода, могъ расчитывать на большее къ себѣ довѣріе. Послѣ боя брига «Меркурій» съ двумя турецкими кораблями (14 мая 1829 г.) штурманъ одного изъ этихъ судовъ писалъ:

«Имя сего героя должно быть начертано золотыми литерами на храмѣ славы. Онъ называется капитанъ лейтенантъ Казарскій, а бригъ — «Меркурій». Съ 20 пушками, не болѣе, онъ дрался противъ 220, въ виду непріятельскаго флота у него на вѣтрѣ».

Гр. Гейденъ со своей эскадрой блокировалъ въ теченіе всей войны Дарданеллы, лишая Константинополь подвоза съѣстныхъ припасовъ. Но съ англичанами и австрійцами у него было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ съ турками, такъ какъ они все время подкладывали ему палки въ колеса, стараясь ограничить районъ русской блокады.

Когда Эносъ (вблизи Дарданеллъ) послѣ паденія Адріанополя былъ занятъ въ августѣ 1829 года русскими войсками, гр. Гейденъ вступилъ въ непосредственную связь съ правымъ флангомъ дѣйствующей арміи. По поводу этого онъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ видѣлись мы съ находящимися въ арміи и встрѣтились въ Эносѣ. Они пѣшкомъ отъ Петербурга достигли

южной части Европейской Турціи. Мы прибыли къ одной, прошедъ море Балтійское, океанъ и море Средиземное. Какія необыкновенныя происшествія».

Продовольственный кризисъ въ столицѣ Турціи и невозможность подвоза моремъ подкрѣпленій изъ Малой Азіи и Египта, вызванные блокадой Дарданеллъ были не маловажными факторами для принужденія султана къ миру. Осенью 1829 года состоялось подписаніе мирнаго договора въ Адріанополѣ.

Вмѣшательство западныхъ державъ помѣшало Россіи достигнуть своихъ завѣтныхъ цѣлей. Утомленная войной Россія остановилась, не дойдя до столицы Османовъ. Война окончилась и армія вернулась на родину.

Но судьбѣ было угодно, чтобы Олеговъ щитъ и на этотъ разъ былъ «прибитъ къ вратамъ Царьграда». Въ Турціи въ результатѣ неудачной войны начались внутренніе безпорядки, достигшіе въ концѣ 1832 года очень большихъ размѣровъ. Египетскій паша Мехметъ Али, поддержанный Франціей, возсталъ противъ султана, разбилъ на голову посланную противъ него армію и взялъ въ плѣнъ вождя ея, великаго визиря. Въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ мятежнаго паши и сверженія имъ султана, Россія могла потерять и тѣ небольшія выгоды, которыя она получила по Адріанопольскому миру.

Поэтому, когда Порта въ февралѣ 1833 года обратилась къ Россіи съ просьбой о немедленной присылкѣ въ Босфоръ русскаго флота и нѣсколькихъ тысячъ дессантныхъ войскъ для защиты столицы отъ египетской арміи, эскадра адмирала Лазарева была тотчасъ же послана и стала на якорь въ Босфорѣ. На ней прибыла изъ Одессы 26 пѣхотная дивизія.

На дорогахъ азіатской стороны пролива загремѣли окованныя желѣзомъ колеса нашей артиллеріи и заклубилась пыль подъ копытами коней казачьихъ разъѣздовъ. Длинныя и ровныя линіи палатокъ и дымки костровъ кашеваровъ стали обозначать лагерное расположеніе нашихъ войскъ. Звуки «Повѣстки» и «Зори» и пѣніе ротами вечерней молитвы стали сливаться съ протяжными и заунывными призывами муэдзиновъ, раздающимися съ высоты минаретовъ.

Оттоманскій владыка въ первый раз со времени основанія Мусульманской имперіи ступилъ на палубу иностраннаго военнаго судна — русскаго флагманскаго корабля. Султанъ, оказывавшій нашимъ войскамъ и флоту совершенно исключительное вниманіе во время ихъ 5-ти мѣсячнаго пребыванія въ его столицѣ, здоровался съ нижними чинами по русски: «Здорово ребята».

Когда нашъ флотъ прибылъ, то турецкія власти озабоченно доложили адмиралу Лазареву, что повелитель правовѣрныхъ не очень вѣритъ въ надежность гарнизоновъ на фортахъ Босфора и

Дарданеллъ. Передъ приходомъ русскихъ султанъ предполагалъ даже спасаться со своей 8-тысячной гвардіей въ Адріанополь, чтобы снова отвоевать столицу съ помощью русскихъ войскъ. Немедленно былъ поднятъ вопросъ о занятіи укрѣпленій нашими войсками. Были посланы офицеры для изученія фортовъ, что и было сдѣлано очень основательно со снятіемъ плановъ ихъ.

Однако, грозная военная демонстрація Россіи въ концѣ концовъ сдѣлала свое дѣло. Мехметъ Али, получивъ въ видѣ компенсаціи Сирію, ушелъ въ Египетъ. Турція была спасена.

Ункіаръ Искелесійскій договоръ былъ подписан наканунѣ ухода русскихъ войскъ изъ Оттоманской столицы. Хотя въ немъ говорилось только о союзѣ 2-хъ имперій, но фактически онъ являлся, конечно, декларацієй русскаго протектората над Турціей.

Не было границъ негодованію Англіи и Франціи. Начались протесты, поддержанные морскими демонстраціями. Въ воздухѣ нависла угроза войны. Всего хуже было то, что у насъ не было ни малѣйшей увѣренности въ честномъ выполненіи турками своихъ обязательствъ. Можно было думать, что въ рѣшительную минуту они кого угодно впустятъ въ Черное море.

Кризисъ разрѣшился въ 1840 году. Россія уступила и объявила о своемъ отказѣ отъ договора.

Прорывъ въ Дарданелы союзнаго флота въ Великую войну.

Из разсказаннаго яснымъ дѣлается, что полагаться на такого рода договоры нельзя и заключать ихъ не стоитъ труда. Единственной гарантіей безопасности каждой страны являются ея вооруженныя силы.

Прошло еще 14 лѣтъ и война, которую такъ старались избѣжать, все-таки разразилась. Англо-французскій флотъ получилъ господство на Черномъ морѣ. Базируясь на него небольшой, сравнительно, дессантный корпусъ оказался въ состояніи нанести намъ рядъ тяжелыхъ пораженій. Россіи, обладательницѣ милліонной арміи, пришлось подписать тяжелыя и обидныя для національнаго самолюбія условія Парижскаго мира.

Въ слѣдующую войну 1877—78 г. г. наши войска дошли до предмѣстья Константинополя и до Галлиполи. Овладѣть Босфоромъ и Дарданеллами опять намъ не суждено было. Англичане в видѣ угрозы ввели свою эскадру въ Мраморное море и настояли на нашемъ уходѣ.

Послѣдняя война 1914—18 г. г. и наша революція имѣли своимъ результатомъ нейтрализацію проливовъ. Дарданелльскіе и Босфорскіе форты, согласно условій мирнаго договора, должны были быть срыты. Англія и Франція въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ владѣли, такимъ образомъ, и Дарданеллами и Босфоромъ.

Въ 1936 году, какъ извѣстно, Кемалъ пашѣ удалось настоять на возстановленіи укрѣпленій на обоихъ проливахъ. Опять выходъ для русскихъ

судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное оказался въ рукахъ державы, въ военномъ отношеніи слабой и поэтому подпадающей попеременно подъ вліяніе то одной, то другой Западной Европейской державы.

Странѣ Совѣтовъ, несмотря на все подлаживаніе къ туркамъ не удалось при заключеніи договора съ Турціей получить право пользоваться безъ всякихъ ограниченій проливами для прохода судовъ военнаго флота.

Договоръ 1936 года быть можетъ и отличается въ своей редакціи отъ договоровъ, бывшихъ въ силѣ до Большой войны, но для всякаго должно быть ясно, что съ появленіемъ турецкихъ пушекъ на фортахъ Дарденеллъ и Босфора все пришло опять въ то же положеніе, какъ оно было до 1914 года.

Конечно, трудно гадать о томъ, что было бы, если бы мы въ 1878 году, не взирая ни на что, рискнули и захватили оба пролива въ свои руки. Возможно, что такой шагъ послужилъ бы началомъ обще-европейской войны, которая могла принести только вредъ и потери всѣм ея участникамъ.

Но есть основанія думать, что Англія, не успѣвшая къ тому времени составить прочную коалицію против насъ, не пошла бы далѣе демонстрацій. Тогда мы оказались бы владѣльцами Дарданеллъ и Босфора.

Если допустить такую возможность, то въ дальнѣйшемъ событія протекали бы тогда слѣдующимъ образомъ:

1) Въ 1904 году мы были бы въ состояніи черезъ 7—8 недѣль послѣ начала войны перебросить весь Черноморскій флотъ въ Тихій океанъ и получить значительное превосходство въ силахъ надъ Японіей. Вѣроятно, учитывая это, Японія и не рискнула бы тогда на войну съ нами.

2) Въ 1914 году, обладая проливами, мы смогли бы удержать въ своихъ рукахъ Турцію, подобно тому, какъ англичане удержали Египетъ. Болгарія не смогла бы тогда выступить противъ насъ. Съ большой долей вѣроятія можно предположить, что и нѣмцы съ австрійцами не полѣзли бы воевать съ нами.

Быть можетъ владѣніе двумя узкими полосками воднаго пространства могло избавить нашу родину отъ того терноваго вѣнца, который выпалъ на ея долю. Не было бы неудачныхъ войнъ — не было бы и революціи.

Но рокъ судилъ иное. Горькую чашу пришлось испить до дна.

Когда Россія, послѣ сверженія большевиковъ, возродится, она не въ состояніи будетъ, по всей вѣроятности, сразу взяться за окончательное рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ безопасностью ея южной границы. Прежде всего, вѣроятно, придется обезпечить отъ нападенія Петербургъ, водная

дорога къ которому черезъ Финскій заливъ открыта сейчасъ для всѣхъ недруговъ Россіи.

Но Россія, скинувъ съ себя большевистское иго и вновь воспрянувъ, какъ величайшая держава на Европейскомъ континентѣ, врядъ ли долго протерпитъ турокъ въ роли хозяевъ надъ выходомъ изъ русскаго Чернаго моря. Грядущее поколѣніе Россіи можетъ оказаться вынужденнымъ въ довольно скоромъ времени заняться выполненіем «Завѣщанія Петра Великаго».

Могутъ сказать: — «Гдѣ уж намъ. Послѣ большевистскаго разгрома» — не до жиру — быть бы живу».

Иностранные ученые статистики недавно подсчитали, что черезъ очень небольшое число лѣтъ населеніе Россіи, считая говорящихъ по-русски и считающихъ себя русскими, при существующемъ его ежегодномъ приростѣ, достигнетъ грандіозной цифры: четверть милліарда.

Это не 60 милліоновъ временъ Крымской войны и не 80 милліоновъ временъ войны 1878 года.

Общее число жителей славянскихъ странъ Европы достигнетъ тогда приблизительно 45% всего населенія этого материка. Если даже скинуть со счета поляковъ, пути которыхъ всегда расходились съ другими славянами, то и тогда «славянизація» Европы явится выраженной достаточно ощутительно.

Голосъ правительства страны, имѣющей

четверть милліарда однороднаго и патріотически настроеннаго населенія не можетъ не звучать достаточно вѣско. Довольно трудно тогда будетъ западнымъ державамъ, выражаясь фигурально, заткнуть пробкой ту бутылку, какую представляетъ изъ себя Черное море.

Хейхачиро Того

В 1904 году короткіе и небогатые солнцемъ декабрьскіе дни въ Россіи казались еще сѣрѣе, мрачнѣе и угрюмѣе. Шла тяжелая борьба на Дальнемъ Востокѣ и въ агоніи доживалъ свои послѣдніе дни русскій Портъ-Артуръ. Россія отодвигалась вновь на сѣверъ отъ береговъ теплаго, никогда не замерзающаго Желтаго моря, которыхъ она съ такимъ трудомъ достигла в 1898 году.

Японія напрягала тогда всѣ свои силы въ борьбѣ съ нами. Борьба эта была очень тяжела для нея и далеко не была такъ популярна въ ея предѣлахъ, какъ это намъ тогда, можетъ быть, казалось. Страшныя потери въ бояхъ невольно волновали и заботили ея населеніе. Многихъ не радовали и телеграммы о побѣдахъ надъ русскими, достигающихся такой дорогой цѣной. Цѣль войны была понятна далеко не для всѣхъ японцевъ.

Но всѣ эти препятствія были преодолѣны необычайной энергіей и упорствомъ небольшого числа лицъ, стоявшихъ въ то время у кормила власти островной державы. Однимъ изъ иниціаторовъ объявленія войны Россіи и возможно главнымъ руководителемъ и душою тогдашней японской военной партіи былъ человѣкъ, которому посвященъ настоящій очеркъ, составленный на осно-

ванiи данныхъ, недавно опубликованыхъ въ Японiи по случаю послѣдовавшей въ маѣ 1934 года кончины этого выдающагося государственнаго дѣятеля и японскаго патрiота.

Густой пороховой дымъ по временамъ совершенно окутывалъ сѣверо-западную палисаду стариннаго города Кагошимы, столицы Сатсумы самаго воинственнаго изъ клановъ Японiи. Гремѣли орудiя на береговыхъ фортахъ, устарѣлыя гладкоствольныя пушки, купленныя когда-то у голландцевъ.

Около этой палисады стоялъ, въ числѣ другихъ, на стражѣ юноша 15 лѣтъ, одѣтый въ традицiонный костюмъ древняго японскаго воина: хаори съ плотно прилегающими къ рукамъ рукавами и короткую «хакому». На головѣ его была круглая шляпа, украшенная фамильнымъ гербомъ, а за поясомъ 2 короткiя кривыя сабли, признакъ принадлежности къ сословiю «самураевъ».

Этотъ день, 15 августа 1863 года, остался навсегда памятнымъ для юноши, котораго звали Хейхачиро Того. Это былъ день его перваго боевого крещенiя. Въ теченiи 6 часовъ британская эскадра бомбардировала Кагошиму, требуя удовлетворенiя за убитаго въ городѣ англичанина. Разрывными снарядами своей нарѣзной артилерiи она быстро заставила замолчать японскiе форты съ ихъ допотопными пушками. Городъ загорѣлся сразу въ

нѣсколькихъ мѣстахъ и въ немъ было перебито много народу. Власти провинціи Сатсумы были вынуждены преклониться передъ англійской мощью и капитулировать.

Много за этотъ день пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ молодой Хейхачиро. «Будь у насъ флотъ, который бы могъ потягаться съ этими ненавистными пришельцами, — разсуждалъ онъ, — они не посмѣли бы приходить разстрѣливать мой родной городъ».

Чувство жгучей ненависти къ европейской бѣлой расѣ и желаніе восторжествовать надъ ней и унизить ее стало съ этихъ поръ господствующей мыслью въ головѣ Того. По странному стеченію обстоятельствъ испытать эту ненависть на себѣ пришлось не той странѣ которая обстрѣляла Кагошиму, а Россіи.

В 1868 году въ Японіи вспыхнула гражданская война, кровопролитная какъ всѣ войны этого рода. Изучавшій морское дѣло 20-лѣтній Того оказался въ самомъ центрѣ ожесточеныхъ схватокъ. Поступивши волонтеромъ на колесный пароходъ «Касуга», бывшій подъ флагомъ центральнаго Токійскаго правительства, онъ, вскорѣ былъ, сдѣланъ третьимъ помощникомъ капитана. Когда война кончилась, Того за отличіе въ бояхъ былъ отправленъ въ числѣ 12 другихъ молодыхъ людей въ Англію: изучать военно-морское дѣло. Вновь организуемый японскій флотъ, по примѣру Петра

Великаго, посылалъ молодежь за наукой заграницу.

Въ Англіи однако ихъ встрѣтили не очень гостепріимно. Въ пріемѣ въ казенное морское училище японцамъ наотрѣзъ отказали. Не приняли ихъ также и на суда военнаго флота для плаванія.

Молодымъ людямъ пришлось изучать навигацію и мореходную астрономію на старомъ кораблѣ, подготовлявшемъ офицеровъ коммерческаго флота. Командиръ этого учебнаго корабля отзывался впослѣдствіи о Того, какъ объ ученикѣ не очень одаренномъ, но старательномъ. Онъ терпѣливо выучивалъ наизусть то, что не могъ охватить соображеніемъ.

Въ 1875 году Того пошелъ плавать простымъ матросомъ на парусникъ, дѣлавшій рейсы въ Австралію. Черезъ три года японскія власти нашли, что его морское образованіе можно считать законченнымъ и онъ вернулся на родину, получивъ при пріѣздѣ чинъ мичмана и назначеніе на суда военнаго флота.

Интересно вспомнить, что въ это же время 1877—78 годы шла русско-турецкая война и будущіе противники Того: капитанъ лейтенантъ Макаровъ (онъ былъ почти на годъ моложе Того) и лейтенантъ Рождественскій уже выдѣлились среди остального офицерства. Оба были кавалерами ордена св. Георгія и Макаровъ командовалъ суднomъ.

Того быстро подвигался по службѣ. Въ 1883 году онъ получаетъ въ командованіе судно, а въ 1891 году оказывается командиромъ одного изъ лучшихъ судовъ — крейсера «Нанива».

Тогда Сандвичевы острова еще не принадлежали ни одной изъ великихъ державъ. На нихъ происходило политическое броженіе и правительства часто смѣнялись. Того со своимъ крейсеромъ былъ представителемъ Японіи среди собравшихся тамъ судовъ разныхъ націй.

Однажды ночью около «Нанивы» оказался прибывшій вплавь съ берега человѣкъ. Его подобрали. Это былъ японецъ, жившій въ Гаваи, приговоренный судомъ къ тюрьмѣ за какое-то уголовное преступленіе и пожелавшій найти убѣжище на военномъ суднѣ своей страны.

Того разсудилъ такъ: сейчасъ въ правительствѣ Гаваи преобладаютъ люди ненавистной бѣлой расы. Поэтому мѣстныя судебныя власти не могутъ отнестись къ прибывшему на его судно японцу съ должнымъ безпристрастіемъ. Поэтому онъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ на требованіе гавайскаго правительства вернуть ему преступника.

Телеграфныя агентства оповѣстили весь міръ о международномъ инцидентѣ въ Гаваи. Токійское правительство оказалось въ концѣ концовъ болѣе уступчивымъ, чѣмъ командиръ «Нанивы» и Того получилъ офиціальное приказаніе: вернуть японца береговымъ властямъ.

Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться. Но онъ все-таки наотрѣзъ отказался имѣть дѣло съ мѣстными властями и передалъ арестанта не имъ, а японскому консулу. Патріотическій поступокъ Того сразу сдѣлалъ его очень популярнымъ въ Японіи.

Въ іюлѣ 1894 года началась японо-китайская война. Въ день начала военныхъ дѣйствій, когда противники успѣли уже обмѣняться нѣсколькими выстрѣлами, «Нанива» встрѣтила у береговъ Кореи пароходъ "Каушингъ" подъ англійскимъ флагомъ. На немъ оказалось 1100 человѣкъ китайской пѣхоты и 14 полевыхъ орудій. Пароходъ былъ зафрахтованъ пекинскимъ правительствомъ и войска предназначались для дѣйствій противъ Японіи.

На предложеніе сдаться китайцы отвѣтили отказомъ и тогда Того, не задумываясь и не теряя минуты времени, нѣсколькими выстрѣлами пустилъ пароходъ ко дну. Онъ озаботился, однако, спасти съ воды всю англійскую команду парохода. Поступая такъ, Того былъ, конечно, совершенно правъ. Не могъ же онъ выпустить пароходъ съ такимъ грузомъ и съ такими пассажирами. Но этимъ своимъ поступкомъ онъ снова вызвалъ международныя осложненія.

Послѣдовали запросы въ англійскомъ парламентѣ и въ теченіе нѣсколькихъ дней газеты всего міра обсуждали этотъ инцидентъ. Въ самой Японіи раздавались голоса, что командиръ «Нанивы» поступилъ неострожно и необдуманно. Одна-

ко, въ концѣ концовъ все это дѣло было улажено дипломатическимъ путемъ. Англичане признали, что тотъ, кто въ критическіе дни, предшествующіе открытію военныхъ дѣйствій, принимаетъ военный грузъ на свою палубу, самъ долженъ считать себя отвѣтственнымъ за то, что можетъ въ пути случиться.

Пишущій эти строки былъ въ Японіи когда война съ Китаемъ только что окончилась. Народная молва тѣхъ временъ выдѣляла «Наниву» и ея командира изъ числа другихъ судовъ флота. Циркулировали легенды о томъ, что во время рѣшительнаго морского боя у устьевъ рѣки Ялу на рангоутъ этого крейсера сѣлъ соколъ, считающійся японцами эмблемой храбрости и воинской доблести и оставался тамъ до конца сраженія.

Во время войны Того за отличіе былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и ему были даны отвѣтственныя порученія по занятію военной силой Формозы и Пескадорскихъ острововъ.

Имя его стало извѣстно всей странѣ. У Японіи появился флотоводецъ, готовый взять на себя командованіе морскими силами въ слѣдующую, намѣченную правительствомъ островной державы, войну. Во флотѣ всѣ его знали, всѣ въ него, безусловно, вѣрили и были готовы съ радостью идти туда, куда онъ поведетъ.

Очереднымъ противникомъ была Россія. Планъ войны былъ: отнять у нея Портъ-Артуръ и полу-

чить на Квантунскомъ полуостровѣ плацдармъ для дальнѣйшаго наступленія на Маньчжурію. Мы знаемъ теперь, что въ эту пору многіе государственные люди Японіи считали этотъ планъ безуміемъ. Однимъ изъ главныхъ пропагандистовъ объявленія войны сѣверному великану — Россіи былъ Того. Военная партія тѣхъ временъ считала его за своего вождя. «Россія совсѣмъ не такъ сильна, какъ у насъ воображаютъ», — говорилъ онъ и доносилъ въ своихъ рапортахъ.

Въ октябрѣ 1903 года онъ былъ приглашенъ частнымъ образомъ прибыть въ Токіо въ главный морской штабъ. Начальникомъ штаба былъ адмиралъ Ито, подъ начальствомъ котораго Того много лѣтъ прослужилъ.

Того былъ извѣстенъ тѣмъ, что при всѣхъ обстоятельствахъ лицо его сохраняло выраженіе невозмутимости. Онъ хорошо умѣлъ скрывать подъ этой маской свои чувства и свои настроенія. Но когда онъ выходилъ изъ кабинета Ито, то, по словамъ японскаго историка, по его лицу можно было видѣть въ какомъ онъ восторгѣ: сбывалась его завѣтная мечта. Война съ Россіей была рѣшена и въ карманѣ у Того былъ приказъ объ его назначеніи командующимъ дѣйствующимъ флотомъ.

Противъ Того, фигуры крупнаго государственнаго масштаба, убѣжденнаго и неукротимаго врага бѣлой расы, имѣющаго за собой большой бое-

вой опытъ и популярнаго во флотѣ вождя, Россія выставила адмирала Алексѣева, добросовѣстнаго служаку мирнаго времени, но не могущаго ни въ какомъ смыслѣ быть сравниваемымъ съ Того.

Нужно сказать однако, что Того отнюдь не обладалъ большимъ тактическимъ талантомъ. Во время всѣхъ крупныхъ столкновеній съ нашимъ флотомъ въ 1904-5 годахъ онъ, несомнѣнно, дѣлалъ крупные промахи въ управленіи эскадрой. Ошибки эти прошли для него безнаказанно только потому, что цѣлый рядъ другихъ факторовъ одновременно работалъ намъ во вредъ, а ему въ пользу.

Въ мартѣ 1904 года передъ Того предсталъ новый противникъ, который, обладая всѣми тѣми высокими качествами, какія являлись достояніемъ Того, былъ кромѣ того всемірнопризнаннымъ авторитетомъ по вопросамъ морской тактики. Слѣпая случайность, поворотъ военнаго счастья на одну минуту на сторону Японіи лишила Россію Макарова и снова сдѣлала Того хозяиномъ положенія.

Нужно сказать, что это военное счастье почти неизмѣнно во все время войны было на сторонѣ Японіи. Лишь только въ маѣ 1904 года намѣчался какъ будто поворотъ этого счастья на нашу сторону. Въ теченіи 6 дней Того потерялъ на нашихъ минахъ и отъ другихъ причинъ 8 судовъ своей эскадры, причемъ погибли 2 броненосца изъ 6, составляющихъ главное ядро его флота.

Duke University Libraries
D03222943P